

Серия
Мир Тропы

А. Андреев

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЭТНОПСИХОЛОГИИ

Санкт-Петербург
Издательство "Тропа Троянова" - 2000
Серия "Мир Тропы" основана в 1998 году.

Книга начинает серию публикаций, посвященных русской этнографии, этнопсихологии и философии. Она открывает перед читателем сказочный мир одной из ветвей народной традиции. Сохранившейся на Верхней Волге и переданной автору стариками, считавшими себя потомками офеней-скоморохов.

Написанная живым и образным языком, книга будет интересна как специалистам в области этнографии, психологии, истории, педагогики, так и широкому кругу читателей, интересующихся русской традиционной культурой.

Содержание

От издательства

Мир Тропы

ЭТНОГРАФИЯ

Духовное пение старой Руси

Старики
 Степаныч
 Харлампыч
 Поханя
 Вабить
 Баба Люба
 Видение
 Дядька
 Очевидности
 Строй или Спас Дюжий
 Русская лестница
 ПСИХОЛОГИЯ
 Этнопсихология
 Язык
 Предмет
 Метод
 Инферно
 Дорога домой через Страну Востока
 Наука мышления и образ мира
 Храм Разума
 Литература

От издательства

Этой книгой издательство "Тропа Троянова" начинает серию публикаций, посвященных русской этнопсихологии, этнографии и философии. Первая книга серии "Мир Тропы" представляет собой сборник, рассказывающий об источниках, с которых в 1991 году начиналась работа по изучению и возрождению одной из ветвей народной традиции, приведшая ныне к созданию Общества Русской Народной Культуры.

Работая в тесном сотрудничестве с Обществом, издательство нацелено на опубликование тех материалов, которые будут содействовать увеличению интереса к народной культуре в современной России. Весь этот сборник является, по сути, своего рода обоснованием нашей позиции, и мы надеемся, что он позволит составить представление о нас.

Основой для сборника послужили личные этнографические сборы А. Андреева, а также его попытки осмыслить доставшиеся ему в наследство отдела записи, рассказывающие об одной малоизвестной культурной традиции Владимирского Верхневолжья, носители которой считали себя потомками офеней.

Офени — бывшие коробейники, жили как замкнутая группа населения, своего рода профессиональное сообщество с очень высоким чувством выделенное из окружающего крестьянского мира. По уровню самоосознания это сообщество во времена его расцвета приближалось к малым этническим и вероисповедальным сообществам. У них имелся свой (тайный) язык и определенная ритуалика, которая не успела сложиться в нечто цельное, как не развилось и внутреннее самоуправление. Последняя треть прошлого века с ее интенсивным развитием крупного капиталистического производства была роковой для офеней. Сообщество коробейников, до этого торговавшее (фазное от Сибири до Кавказа и Берлина, медленно умирает, не оставив после себя заметного следа.

От издательства

Причины отмирания института офенства хорошо изучены наукой и не рассматриваются в этой книге. Гораздо интереснее то, что внутри этой субкультуры хранились некоторые архаичные явления, которые, хотя и, безусловно, несут оттенок народного мистицизма, тем не менее, со всей определенностью могут быть названы "наивной психологией", так как несут черты системы знаний о психическом устройстве человека.

Набор представлений об устройстве мира и психике человека свойственно иметь любому языку. Ю. Д. Апресян, один из выдающихся лингвистов, пишет: "Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (= концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. <...> Он (взгляд на мир — ред.) "наивен" в том смысле, что во многих существенных деталях отличается от научной картины мира. При этом наивные представления отнюдь не примитивны. Во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. Таковы, например, наивные представления о внутреннем мире человека. Они отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир" [1, с. 350-351].

Обычно "носитель языка" не осознает, что какая-то часть языка представляет собой систему знаний о той или иной части мироустройства, хотя и использует ее. А те живые наследники офенской традиции, те старики, у которых довелось вести сборы А. Андрееву, не только осознавали системность своих знаний, но и передавали их вполне осознанно, называя их "хитрой наукой". Именно это и позволило использовать в отношении полученных знаний термин "Русская этнопсихология", подразумевая под "этно", скорее, не "этническая", а "этнографическая".

По сути, данный сборник является развернутым введением в обширнейший материал, которым на сегодняшний день обладает Общество Русской Народной Культуры и на основе которого строится учебный курс "прикладной этнопсихологии", преподающийся в Училище русской народной культуры.

МИР ТРОПЫ

Мир! Что такое мир? Сейчас стало модно использовать это слово. Целые полки книг с надзаголовком "Миры такого-то". Это уже привычно и это манит. Значит, в этом понятии есть сила, оно магично. Но что такое Мир?

Мир — это пространство, в котором можно жить. Жить телесно или духовно. Если пространство предоставляет все необходимое, чтобы жизнь не погибла — это уже мир, даже если это всего лишь камера или палата. Но если оно дает пищу охоте — так в старину называлось желание, — то это уже желанный мир! Потому что охота, охота жить — это и есть то желание нашего духа, которое приводит его в мир.

Последние полтора десятка лет крошечная культурная традиция русского Верхневолжья, которую мы зовем Тропа, является для меня Миром, в котором я живу. Что такое Тропа, однозначно не скажешь. Сейчас это уже целое общественное движение в рамках Русского фонда народной культуры. И это люди. Русские люди с определенным мировоззрением, постоянно развивающимся языком и подчас особым образом жизни. А можно назвать Тропу и одной из старых, но возродившихся народных культурных традиций.

А что такое народная культурная традиция? Очень сложное и трудно определяемое понятие. Границы его всегда размыты. Осознавание себя как некоей субкультуры ограничивается достаточностью для крестьянской жизни, иными словами, его просто может и не быть. Иллюстрация этого элемента русской народной психологии дается Д. К. Зелениным в статье о русских народных присловьях: "Изучая великорусские присловья-прозвища, мы, прежде всего, убеждаемся, что они даются н о в ы м п е р е с е л е н ц а м в известную местность со стороны прежних, старых жителей данной области.

Появление в таких случаях прозвищ-присловий психологически вполне понятно. Нужно же как-нибудь называть новых соседей, необходимо окрестить их каким-либо именем. Еще Бог знает, как они сами-то себя называют; а скорее всего, и никак не называют, точнее, называют общим именем, какое дает себе великорус, где бы он ни находился, это *крестьянин*. В особом имени для своих, для самих себя великорус не нуждается, довольствуясь одним указанием на свою христианскую веру: он христианин. Но ведь новые поселенцы — не "свои", а чужие. Мало того, что они незнакомые, не родня; у них все не "наше". (При замечательном однообразии деревенского быта даже мелкие отличия в одежде, пище, говоре и т.п. кажутся резкими и обращают на себя особое внимание)" [2, с. 41].

Народная культура — это не наука. Народная культурная традиция на самом деле — это не нечто абстрактное, а люди, простые люди, знающие что-то такое, чего остальные или окружающие не знают.

Им этого достаточно, никаких попыток систематизировать, определять границы явления для того, чтобы ощущать себя выделенными из окружающего мира, чаще всего не делается. Им достаточно самой выделенности! Да, это совсем не наука, которая в начале становления любой из своих отраслей, озабочена тем, как выделиться и заявить о себе. У явлений народной культуры другие задачи, как и у самого крестьянского мира — выжить и жить так, как это видят они. А для этого чаще всего приходится не кричать о себе, а как раз наоборот — прятаться и прятать свою Веру. Кстати, вера для русского крестьянина понятие не религиозное. Вера означает обычаи. Меня, к примеру, мои старички частенько встречали такими словами: "У нас вера такая — мы без самовара с гостем за стол не садимся!"

Если бы мои собственные дед и бабка не были своими в Тропе, я бы никогда не был принят моими информаторами (отвратительное для русского человека слово, но я употребляю его, чтобы показать, что пришел я к ним еще "ученым", "исследователем" традиционной культуры, а среди ученых — этнографов и фольклористов — принято говорить так, ставя между собой и другим этот щиток наукообразности, чтобы ни в коем случае не выпасть из рамок чистой науки). К счастью, я скоро сдался и начал учиться у принявших меня стариков. Тогда мне удалось кое-что понять в этой "культурной традиции". Начну по порядку, сначала об источниках.

Очень многое пришло из записей моего деда. Даже название Тропа, Тропа Троянова взято мной оттуда. На самом деле оно не является самоназванием. Старики вполне обходились без самоназваний, жили и жили себе. Дед же называет Тропой Трояновой Млечный путь и называет его путем Руси. Звучит это у него так: "Русь пришла на Землю Тропой Трояновой, идет Тропою по Земле и Тропою уйдет, когда исполнится сорок тысяч лет". Ясно, что исходил он из нескольких начальных строк "Слова о полку Игореве":

О Бояне, соловию старого времени,
абы ты сия плъкы ущекоталь,
скача, славию, по мыслену древу,
летая умом под облакы,
свивая славы обаполы сего времени!
Рища в тропу Трояню чресь поля на горы [3, с. 92].

Однако при этом он считал, что хранит и передает вместе с остальными стариками некие знания того, как идти и куда идти. Моя бабушка Екатерина Ильинична называла Млечный путь то •"Молочная река а творожных берегах", а то и "Молочная тропа". Я это помню. Конечно, Млечный путь, как основное тело нашей галактики, никакой тропой Руси не является, но он, безусловно, место, где мы живем, а значит (если межпланетные полеты возможны) и место, где мы путешествуем. Если только межпланетные полеты возможны...

Для меня же лично очень скоро, после знакомства со стариками, оказалось, что они сами с их знаниями и мировоззрением и есть путь или, по крайней мере, его привратники, хранители начал.

Дед мой, Владимир Харлампович Комаров, был потомственным уездным писарем и любил пописывать в славянофильском ключе. Возможно, страсть эта была у него наследственной, потому что от его отца, Харлампа Сосипатрыгча, и деда — Сосипатра Силыча — тоже оставались какие-то тетради с записями. Бабушка рассказывала мне, что сожгла их в тридцатом году, когда деда по доносу на полгода забрали в НКВД (или как это тогда называлось?). Что было в тех тетрадях, я не знаю, но у деда есть намеки, позволяющие считать, что многое из них он по памяти восстановил в "амбарных книгах", которые оставил мне по завещанию. Писать их он начал за полгода до моего рождения, каким-то необъяснимым способом посчитав, что должен родиться преемник. Более того, он даже предупредил своих друзей, что однажды я к ним приду. Это поразительно, но через много лет я к ним действительно пришел!

Бабушка долго хранила эти тетради после смерти деда и передала мне только лет в семь-восемь, когда стала себя плохо чувствовать. Видимо, еще в страхе перед событиями тридцатого года, она сказала, что это "дедушкин завет", и велела поклясться, что я никогда и никому их не покажу. Я, конечно, поклялся, но довольно скоро перестал относиться к этому всерьез. Сужу об этом потому, что

тетради эти как-то затерялись в доме, а потом обнаружили снова, когда мне было уже лет двадцать, и оказались разрисованными цветными танками. Я даже не помнил, когда я это сделал...

В то время я уже учился на истфаке, и у меня развились некоторый профессионализм и, своего рода, академический снобизм. Я просмотрел тетради и пренебрежительно оценил дедовские опусы как псевдоисторические домыслы. Однако тот же профессионализм заставил меня отнестись к ним как к историческому документу определенной эпохи, и при этом, как это ни странно, я не только сохранил их, но даже никому не показал. Тогда я не понимал, почему так поступаю. Сейчас, когда я совсем по другому отношусь к дедовскому наследию (хоть и не без улыбки порой, но с уважением) и даже начал публиковать некоторые из его материалов, — сейчас я, пожалуй, горжусь тем, что умудрился ни разу не нарушить свою клятву. В том, что я избежал по случайности всех искусов хвастовства, есть для меня нечто мистическое, как и в том, что кто-то из стариков тридцать лет ждал прихода наследника Харлампыча.

Впрочем, я оказался у них вовсе не из-за этих тетрадей. Это было совершенно случайно, я даже не начинал эти сборы как

Мир Тропы

фольклорист или этнограф. Меня интересовали ремесла. Я ездил по всей Ивановской области в поисках мастеров. В итоге, я вполне естественно оказался однажды в своей родной деревне в Савинском районе. А там пошло и поехало!.. В конце концов, я позабыл то, зачем пришел, и стал брать то, что давали. Вот об этом и рассказ.

Все троповые старики, у которых мне довелось поучиться на территории Ивановской и Владимирской областей, считали себя потомками офеней и называли по старинке офенями. Но соседи считали их колдунами и, рассказывая о них, приглушали голос. Мне повезло и лично как человеку, и как этнографу. Как этнографу-собирателю, пожалуй, даже очень и очень повезло. Не многим из этнографов довелось полноценно, по-свойски войти в мир хотя бы одного колдуна. У меня же в жизни их было несколько. Считали ли они сами себя колдунами? Вопрос не однозначный. Первому из них, Степанычу, я его задать так и не рискнул, хотя очень хотел. А вот у второго, по прозвищу Дядька, однажды спросил. Не передам дословно, как прозвучал его ответ, но смысл его сводился к одному старому анекдоту:

Идет мужик по лесу, видит: сидит какой-то человек на суку и рубит его под собой.

— Эй, ты чего делаешь?

— Дрова рублю!

— Так навернешься же!

— Вали отсюда, без советчиков обойдусь!

— Ну, руби, только навернешься! — махнул рукой и пошел дальше.

— Иди, иди, не мешай работать! Только отошел немного, слышит: хрясь!

— Эх ты! Вот ведь колдун, а!

Можно было бы посчитать, что колдовство они считали просто здравым смыслом. Но если быть до конца точным, то как раз здравый-то смысл они и не уважали, считая его одной из ловушек нашего мышления. Воротами в человеческое естество они считали не здравый смысл, а Разум, но рассказывать об этом придется особо, когда дойдем до их Науки мышления. К счастью, они не только делились со мной своими знаниями, они учили. Это редкая удача, я могу это уверенно заявить, потому что в моей жизни были встречи и с другими колдунами, и с шаманами, и волхвами новой формации, но о некоторых из них я узнавал, что они колдуны, только через много лет, а с некоторыми даже не смог начать разговор, как это было с одним хантыйским шаманом. Эти учили и учили, по-своему, системно. Не могу похвастаться, что и я стал колдуном, но вот понять их я постарался. Удалось ли мне это полноценно — не знаю. Как удалось, так и расскажу. Начну с истории.

Изредка мои старички рассказывали о своих отцах и дедах, но больше о прадедах. Прадеды у них были скоморохами. Целой артелью бродячих скоморохов, ходоков, пришли они в конце XVII века, но уже при Петре, в Шую, а потом "испоселились" в нескольких деревнях Шуйского, Ковровского и Суздальского уездов. Офеней так и звали в прошлом веке — суздала. Но еще их звали мазыками.

Один из моих старичков — Дядька — рассказывал мне, что мазыки или музыки — это своеобразная аристократия среди офеней, потому что они-то как раз и вели свой род от тех скоморохов-музыков. Отсюда, говорил он, и два имени блатного языка — фени, который, как общеизвестно, произошел от тайного офенского языка и до сих пор хранит многие из его слов. Прочитую Михаила Грачева. В книге "Язык из мрака: блатная музыка и феня" у него говорится: "Слово феня обозначает то же самое, что и блатная музыка, и оно, конечно, никак не связано с женским именем, а является одним из элементов воровского фразеологизма ботать по фене — "говорить на языке деклассированных". Когда-то оно имело следующий вид: по офене болтать, т. е. говорить на языке офеней. Офени — это торговцы мелким товаром, у них был свой условно-профессиональный язык, который они использовали при обмане покупателей, в опасных ситуациях, когда нужно было скрыть свои намерения и действия. "Бродячая, полная риска профессия офеней сделала их близкими к людям "дна". И поэтому не случайно в лексике деклассированных элементов имеется значительное количество слов, перешедших из условно-профессионального языка офеней" [4]. Блатные, если верить Дядьке, не только позаимствовали у офеней тайный язык, но и заметили, что их у офеней два: общий для всех офеней и особый, на котором говорили только мазыки или музыки. Именно поэтому блатной жаргон называется то феня, то блатная музыка. Но, взяв феню, блатные не смогли освоить языка мазыков, его и офени-то знали немногие. Дядька, как и процитированный мною Грачев, считал, что это произошло из-за того, что торгашеский язык офеней подходил блатным потому, что был полуворовским. А вот мазыкская речь им попросту была не нужна, настолько она была специфически скоморошья. Называлась она, если верить Дядьке, "язык-огонь" и "язык-свет", а феню сами офени звали "маяк".

Исторических подтверждений существования таких языков у офеней я найти не смог, сколько ни старался, но, тем не менее, отказываться от этого названия не хочу, потому что очень многое рассказывалось мне с постоянными уточнениями: "На Огне это называется так-то". Даже если это очень поздняя придумка, она уже факт культуры и, к тому же, облегчает понимание той "науки", с которой мне довелось столкнуться.

Итак, дедовские записи, рассказы бабушки и несколько лет обучения у потомков офеней и, может быть, скоморохов — вот что стало начальными источниками по возрождению традиции, которую мы называем Тропой. Затем начались целенаправленные этнографические сборы и поиск подтверждений в науке — этнографии и психологии, который мы ведем уже все вместе, всей новой Тропой.

Постоянный поиск этнографических подтверждений оказался принципиально важным, потому что к девяносто шестому году умерли все старики. Мы оказались с колоссальным по объему и во многом практически не имеющим аналогов материалом на руках. Мы до сих пор по детски радуемся, когда очередное этнографическое издание, попавшее нам в руки, приносит новое подтверждение того, что мы знали по единичным свидетельствам наших учителей. Это значит для нас, что знания наши, несмотря на всю уникальность, не оторваны от общей народной культуры, и в них проступают подчас невидимые в других явлениях русской культуры законы развития русского духа. Именно это присутствие четких и даже жестких закономерностей в исследуемом материале заставило нас отойти от фольклорно-этнографического подхода в чистом виде и перейти к исследованию психологическому, рассматривая полученные знания как народную школу "наивной" психологии.

Традиция изучать народную психологию этнографически вообще родилась в России задолго до появления в конце прошлого века "народной психологии" в Германии. Сейчас бы я отнес ее к источникам или составным частям современной культурно-исторической психологии. Тем не менее, мы сохраняем за тем предметом, что преподаем в нашем Историко-психологическом колледже, название "Прикладная этнопсихология". Этнопсихология — в значении психология этнографическая, а не этническая. А прикладная потому, что мировоззрение Тропы, которое и есть основа этой психологии, родилось в те времена, когда мир спасала еще не наука, а магия. Про магию же — когда я спросил, можно ли так говорить про русских колдунов — мой первый учитель Степаныч сказал:

— Магия значит могия. Кто может, тот и маг!

Деды. Их обычаи заставляли их прятаться, исчезать от глаз наблюдателей и даже доброхотов. Я ходил к ним семь лет, но мне ни разу не разрешили ни фотографировать, ни записывать на магнитофон и даже вместо имен требовали использовать прозвища. Их отговорки казались подчас

такими наивными! Записывать нельзя было, потому что "некогда", фотографировать — потому что "нечего тут фотографировать", рассказывать о Тропе и о них — потому что, пока ты не понял, ты наврешь, а когда поймешь, то будешь "рассказывать себя", а не о других. Даже говоря о них.

Я понимал, что это традиция, переданная им их собственными родителями и дедами, но далеко не сразу с этим смирился. Желание как-то обжулить их, обмануть и сделать тайком записи казалось мне ложью во спасение. Степаныча я боялся и поэтому нарушать запреты не рисковал. А с Дядькой однажды попробовал. Он был очень "ругучим", но с ним было не так страшно. Я взял диктофон, зарядил и спрятал во внутреннем кармане в надежде, что сумею незаметно включить, когда Дядька начнет рассказывать что-нибудь интересное. То ли он все понял, то ли почуял подвох, а может, что гораздо вероятнее, просто не мог начать настоящего разговора, пока я не в подходящем состоянии сознания, — но он мурыжил меня всяческой чепухой, наверное, часа два. Все это время я, естественно, был в напряжении, потому что боялся, что он заметит магнитофон, мысли мои постоянно сбегали к образу того, как незаметно его включать и, самое страшное, как выключать, чтобы — не дай бог! — он не щелкнул сам, когда испишет всю пленку. К тому же все это перемежалось постоянными переживаниями и по поводу того, что меня уличат во лжи — я же обещал ничего не записывать (все то же "некогда ерундой заниматься — пришел учиться, ну и учись!"), что меня вообще выгонят и больше не примут, что я вообще обгажусь, как последний обманщик и подлец. В конце концов, я не выдержал всех этих мучений, принял решение, что никогда больше ничего не буду делать тайно от стариков, сбежал под каким-то предлогом от Дядьки и быстренько спрятал магнитофон в рюкзак. И тут же понял, что сразу же и нарушил только что принятое решение ничего не делать тайком. Пришлось пойти к Дядьке и все рассказать. Вопреки всем моим ожиданиям, мы долго смеялись, и сразу же пошла интереснейшая и сложная работа. Тогда мой разум впустил в себя наипервейшее требование троповой прикладной психологии — быть искренним.

Это было на второй год моих сборов, но лишь на третий год, когда они превратились из "фольклорно-этнографических экспедиций" в учебу, я однажды осознал, что что-то во мне, точнее, в моем мировоззрении принципиально изменилось, я понял и то, что за всем в Тропе стоят глубокие психологические и психотерапевтические механизмы. В том числе и в освобождении от собственного имени, как это, кстати, делается при любых переходных обрядах во всех религиях и верованиях мира. Время идет, мои знания Тропы углубляются, и с ними растет уважение к начальным требованиям стариков. Поэтому мы до сих пор применяем этот прием на Тропе и меняем свои имена на учебные, чтобы прошлое не так тяготело над пришедшими за обновлением.

Тропа не любила о себе рассказывать. Времена были такие. "Побольше помолчишь — подольше проживешь", — говорили мне. Всего десяток лет назад один из троповых стариков поразил меня своими словами, когда я просил разрешения опубликовать какие-нибудь материалы о Тропе и о нем:

- Даже когда я умру, никогда не поминай моего имени!
- Но почему? Времена уже другие!
- Времена, может, и другие, а люди те же. У меня внуки есть.
- Ну а внукам-то что могут сделать?!
- Что? Затравят!

А он был одним из умнейших людей, которых я встречал в своей жизни, как я это сейчас понимаю. И исходил он даже не из жизненного опыта, а исключительно из знания того, как устроено человеческое мышление, какова его механика.

Не выделяться из окружения, не привлекать к себе внимания было с рождения воспитано в них обычаем. Выставить их сейчас на всеобщее обозрение значит не только нарушить этот обычай и их заветы, но и выставить искаженно. Я не смог получить свои знания о них в ходе чистого научного сбора информации. Мое общение со стариками было глубоко личным. Когда я приезжал, они все обставляли так, что мне крайне редко приходилось встречаться с их родственниками или даже соседями. Например, последний из старичков, Похання, когда приезжала на выходные внучка с дочерьми и мужем, здоровенным битюгом лет сорока и за центнер весом, тут же говорил мне с заговорщицким видом: "Толстомордый приехал. Уходим задами в подполье". И уводил меня в маленькую избушку, которая стояла у них "на задах" — в дальнем конце огорода. И мы практически не выходили из избушки, пока родственники не заканчивали свои дела и не уезжали. Они приезжали

из Коврова в основном из-за картошки, которую сажали на участке у Похани. Ни я, ни Похania, ни его знания их просто не интересовали. Мне кажется, они считали его чокнутым. Его жена, тетя Катя, никогда нас не выдавала и спокойно "брала родственничков на себя". Она приходила только перед самым отъездом и звала Поханию прощаться. Я вначале рвался проявить вежливость и сходить вместе с ним, но мне быстро и без лишних слов объяснили, что это ни к чему. Только хуже будет. Я вспомнил недоброжелательный взгляд Толстомордого и больше не рвался.

Жена Дядьки тетя Нюра, когда я приезжал, соседей дальше крыльца не пускала: "Занят. Не беспокойте". К Дядьке в деревне относились с почтением и беспокоить в таких случаях не решались.

Кроме всего прочего, я довольно быстро понял, что я прихожу к старикам не за диссертацией, а за чем-то совсем другим. Сейчас я бы назвал это мировоззрением. И они понимали это и, если можно так выразиться, старались соответствовать моему запросу. Можно сказать, что для общения со мной, еще точнее было бы сказать, что для общения с тем вопросом, который приходил со мной, они вычленили соответствующую часть себя из всей своей полноты. С одной стороны, это была для меня самая интересная часть этих людей, с другой, очень многое терялось, особенно бытового, повседневно-поверхностного, что было просто не нужно нам на земле нашего общения, но что обычно и составляет основной объем "личности для других". В итоге в моих описаниях они перестали быть полноценными, живыми людьми, а стали, в общем-то, литературными персонажами. Я обеднил и изменил их помимо своего желания уже тем, что своим интересом заставлял при мне жить только той частью себя, которая мне была нужна. Я определенно знаю, что если я сейчас раскрою их имена, их родственники скажут, что это неправда, наш дед или наша бабушка никогда не были такими! Он все придумал, все наврал!

Да, я многое придумал, додумал и даже приписал им. Я писал свои записи всегда значительно позже насыщенного общения и головокружительной учебы, а уж обрабатывал спустя много лет. Тогда я уже плохо помнил конкретные, точные слова, за исключением врезавшихся в память. Но зато, по прошествии лет, вдруг соединялись в моей голове разрозненные случаи, приходило понимание, и я начинал видеть, что же стояло у дедов за словами и поступками. Тогда-то я и бросался записывать свое "откровение". И тут же понимал, что очень плохо помню, как же они подводили меня к осознанию этого. И сколько я ни пытался быть предельно точным, как этнограф при записи быличек, ничего не получалось. Я даже доходил до отчаяния. Но однажды я окончательно плюнул на свое желание состояться как ученый и решил, что полученные мной знания важнее, чем карьера и неуязвимость. Тогда, на основе старых записей, я начал создавать обобщающие образы каждого откровения. В общем, это Уже мое видение. Неожиданное оправдание себе я, спустя годы, нашел в статье А. Л. Налепина, посвященной такому же собирателю-дилетанту, но одновременно классик) нашей фольклористики — Н. Е. Ончукову. Современная наука упрекает его во множестве упущений, сделанных при записи сказок и былин. Однако: "Все эти очевидные для современной фольклористики аксиомы, как мы видим, были хорошо известны и фольклористам рубежа XIX-XX вв. Однако собиратель-одиночка (а именно это характерно для фольклористики той эпохи), работая на пределе физических сил и исследуя огромные в географическом отношении районы, не успевал все эти требования выполнять — надо было срочно фиксировать навсегда уходящее, и, как показала история, в этом они были правы" [5].

Со стариками нельзя было быть ученым или репортером. Передо мной сразу же и очень жестко был поставлен предельно личный вопрос: "Зачем ты пришел?" И он ставился неоднократно и всеми ими. Ставился сразу в нескольких плоскостях, начиная от Бога и Русского пути и до самых бытовых целей. И постоянно жесткий выбор — или то, или другое, но не посерединке. И ответ прямо сейчас. Или уходи — если ты не искренен, то нам есть чем заняться и без тебя. По сути, выбора и не было на самом-то деле. Они меня готовы были принять только таким, с каким им было приятно проводить время. Это были последние годы их жизни, и они проводили их в свое удовольствие. Но мое мышление требовалось перестроить, убрать из него разъедающую интеллигентскую потребность сохранять множество путей к отступлению и размазывать себя недееспособной кашей по тарелке умствований. Поэтому я подвергался, с одной стороны, постоянной чистке, а с другой, перестройке мышления, "мыслена древа". А это, в первую очередь, означает искусство видеть выбор, узнавать его и принимать определенные решения, поскольку древо это строится нами из решений на основе выборов. Частенько это казалось мне чуть ли не садизмом с их стороны, по крайней мере, излишней

жестокостью. Но когда через год ушел первый учитель, я понял, что времени сюсюкать действительно нет. Ни у дедов. Ни у меня. Просто ни у кого нет лишнего времени!

Ни я, ни они не такие, как это мной описано. Но там, внутри, в нашем Мире мы были такими и только такими. Там иначе нельзя.

Да, я вошел в Тропу, как в иной мир. Но как об этом рассказать? Ведь он почти ничем не отличался от привычного мира обыденности и в то же время был совсем иным. Это были те же русские деревни с их колхозно-советским наследием, в которых я жил и раньше. Но было в них что-то от Диккенсовской Лавки древностей.

Помню, в детстве я прочитал про эту лавку, которая всегда находится где-то рядом, на одной из узких и привычных до стертости Лондонских улочек, но которую никак не удастся найти самому, по своей воле. Кажется, вот она улица, вот тот приметный дом, и вон за тем углом стоит она, но нет... нет... нет... А потом она внезапно сама появляется на твоём пути там, где ты ее не ждешь и не ищешь, и дарит путешествие в сказку.

И я нашел такую лавочку в Иванове — это был старый охотничий магазин, живший совершенно определенно где-то недалеко от крошечного рынка со странным именем Барашек. В витринах Магазинчика стояли старинные ружья, чучела и что-то еще, завораживавшее меня. Я не помню, бывал ли я внутри, но у витрины стоял подолгу. Мы жили не так далеко от Барашка, и иногда у меня появлялись возможности забежать к Магазинчику, но редко удавалось мне застать его на месте...

Конечно, впоследствии, уже взрослым, я разобрался в механике этого чуда. Просто там были улицы, тогда чем-то для меня схожие, и я искал не там. А потом, когда запомнил весь этот мирок, Магазинчик переехал жить в другое место... Но ведь это и есть главный вопрос человеческой жизни: в детстве, когда волшебные лавки и двери еще являются нам, мы ищем не там, а потом, вместо поиска начинаем заучивать Мир наизусть...

Однажды, находясь у стариков, я вспомнил про Лавку древностей и подумал, что мне очень повезло, раз она была у меня и не дала забыть про детство. Древность вообще завораживает и оживляет ощущение чудесности мира. И древность, которую ты помнишь, не дает отказаться от поиска.

Тропа всегда была для меня завораживающе наполнена древностью, как Волшебная лавка. Не стариной даже, а именно древностью с ее отсутствием геометрии, технологии, рекламы. Тропа, эти старички, их дома, их игры и чудеса, даже их рассуждения и записи, словно вышедшие из века деревенских славянофилов, корреспондентов этнографического бюро князя Тенишева, похожи для меня на Псковские или Новгородские церквушки шестнадцатого-пятнадцатого веков — неровные, неархитектурные и негеометрические, но словно бы выпеченные из теста и все еще теплые.

Наверное, старики и сами с наслаждением играли в Тропу. Но игра была священна для них как для потомков скоморохов, даже божественна. Они предпочитали и жить, и работать, и даже уходить играючи. Они звали своих собственных дедов и прадедов игроцами. Но если ты не выходишь из игры, то вся жизнь оказывается игрой. Не это ли и подразумевалось, когда были сказаны слова: станьте как дети?!

Я помню странные сказочные ночи со стариками в, казалось бы, таких знакомых мне Савинских и Ковровских лесах, но я помню и не менее странные ночи чудес в обычных деревенских избах, когда мы словно мчались сквозь неведомые пространства. Помню и скоморошьи издевки, и подлинные чудеса, и самокопание, чистку сознания, длящуюся сутками, просто сутками подряд! Песни, пляски, игры... и мои обиды! О! мои обиды! Как я обижался! Как я хотел сбежать от них и спасти свою личность! Как я рад, что мне это не удалось!

Не удалось!.. Это еще суметь рассказать, как не удалось! И кому не удалось! Однажды мой первый учитель Степаныч в очередной раз зацепил очень болезненный кусочек моей личности. Не все помню точно, но как-то это выходило на недооцененность. Всплывает уже образ, в котором он мне говорит, что я говно и пришел к нему, чтобы сбежать в старину, а в старину я сбегаю, чтобы отомстить всем, кто меня недооценил, не оценил по достоинству и тем обидел. А поскольку я их победить не могу, то и сбегаю в самоубийство, потому что я трус, слабак и тупица. И я переполнен ненавистью; ненавижу всех, кто меня недооценивает — основной способ моих взаимоотношений с другими людьми, а сбежать из жизни, совершать самоубийство — основной способ взаимоотношений с самим собой. И его лично я при первой же возможности накажу тем, что сбегу и брошу, значит, убью в моем мире!

Мало того, что он меня "готовил" к такому разговору несколько суток, что, значит, делал все, чтобы

такие слова ударили побольней, так к тому же это все явно не имело ко мне никакого отношения. Я ощущал в себе немало недостатков, но только не этих.

Я сидел перед ним и держался в облике ученика, сколько хватало сил, вроде бы, пытаюсь все это понять. Даже, кажется, искал какие-то соответствия сказанному в своем мышлении. Вдруг мозги мои словно схлопнулись, я истощился и понял, что не могу больше сдерживаться и изображать ученика. Все, что говорил этот сумасшедший дед, было настолько неточно, неверно, не то, он ТАК не рассмотрел и не понял меня, что стало ясно — учиться у него мне больше нечему. Обижать его мне не хотелось, все-таки он старался, но ведь одновременно он и пользовался мною, чтобы поиздеваться и почувствовать себя выше кого-то! Я не люблю быть мальчиком для битья или навозом для чьей-то почвы. Подчеркнуто ровно, чтобы не обидеть, я поблагодарил Степаныча "за все, что он для меня сделал", сказал, что я многому у него научился, но мне пора идти. И начал собираться.

Он смотрел на меня, как-то странно улыбаясь, но я от усталости никак не мог понять, о чем говорит этот его взгляд, и уж совсем не замечал, что делаю именно то, что он про меня только что сказал! Я сбегал, выкидывая его из своей жизни навсегда, можно сказать, убивал его в моем мире.

Сейчас-то я вижу, какую боль он разбередил во мне, говоря про недооцененность и предательства, но тогда она даже намеком не присутствовала в моем самоосознавании. Это было для меня открытием — в нас живет и такая боль, которую мы запретили себе чувствовать и помнить. А вместе с ней мы вырезали часть себя и часть способности воспринимать мир, соответствующий этой боли. Вот так человечество и теряло Видение, за которым охотятся даже Боги мифов, и без которого никакая Магия не возможна.

Такую боль очень трудно победить, потому что желание сбежать становится с ее приходом всецельным. Сколько людей, которых я не смог удержать, сбежало с Тропы, разбередив ее!

Я помню, что состояние мое стало очень странным — видение сузилось, зрение словно стало "туннельным". Что-то гудело и шуршало в пространстве вокруг. Взгляд Степаныча начал меня пугать, и я избегал его. Я оделся и пошел к двери. Но двери там не было. Я подумал, что спутал в этом состоянии дом. И тут же понял, что это действительно так. Это в доме тети Шуры, бабушки, которая привела меня к Степанычу, дверь находилась в этом месте. И я тут же вспомнил, где дверь в этом доме, и направился туда. Но и там двери не было. Тут уж я без труда вспомнил, что в этом месте дверь была в моем собственном доме, который я купил у другой бабушки в моей родовой деревне. А у Степаныча дверь совсем в другом месте. Но и там я ее не обнаружил, но зато в памяти всплыл образ совсем случайного дома, я даже не помню, из какой местности...

Я не знаю, сколько времени я бродил по всем имевшимся у меня образам домов. Помню только, что возле последней двери я остановился, посмотрел на нее, что-то словно тонко сломалось в моей голове, и я сел рядом с дверью на корточки под стену и задумался. Не могу сказать, о чем я думал, помню только, что плакал и уснул, а когда проснулся, Степаныч с улыбкой сидел передо мной на табурете. Было по-утреннему светло, а уйти я пытался ближе к вечеру. Мне ни на миг не показалось, что это все приснилось. Но утро вечера мудренее, и я знал, что никуда не уйду, потому что мне нужна помощь Степаныча. Я попытался подняться, чтобы сказать ему об этом, и свалился на пол, вопя от боли в ногах. Я катался по полу, скрипя зубами, а Степаныч заходил от смеха и кричал мне что-то о том, что у него бы сил не хватило проспать ночь на корточках, он мне завидует — такой подвиг совершить, и что он уже давно ждет, когда я проснусь — специально не будил, чтобы пробуждение было порадостнее! Сейчас бы я ему, конечно, сказал правильные слова, которые полагается говорить русскому человеку в таких случаях хорошим друзьям. К сожалению, я в то время еще имел запрет на настоящий русский мат!

Степаныч, однако, довольно быстро убрал мои боли, куда-то понажимав и что-то еще поделав с моими ногами, дотащил меня до стола и стал кормить.

— Степаныч,— сказал я, как только меня отпустило,— давай поработаем с недооцененностью!

— Тебе пора домой,— ответил он.

Я засмеялся, считая, что это шутка, что после того, когда он таким образом не отпустил меня, мы просто обязаны с ним залезть в эту мою проблему. Но он набил меня пищей поплотнее и действительно отправил домой, сказав только на дорогу:

— Теперь ты справишься сам.

Помню, как я сидел в пригородном поезде Новки-Иваново, словно больной, забившись в угол, и глядел в мир, окружающий меня, точно сквозь тот же туннель откуда-то из своего далека. За моим

столом играли вчетвером в карты, в "дурака", яростно сердясь на своих напарников за проигрышные ходы. В соседнем купе пили и матерились с затравленными бабами охамевшие мужики. За двухместным столиком у окна обедала семья из пяти человек со скулящим ребенком. Мать держала его на коленях и время от времени шлепала, чтобы не мешал разговаривать, истерично крича: "Да заткнешься ли ты! Не видишь, мы разговариваем! Сиди спокойно, чего тебе еще не хватает?!" И не слушая его, снова ныряла в разговор, крепче прижимая к себе рукой. А говорили они все, по всему вагону, почему-то только о картошке: о том, какая она в этом году, сколько ее, сколько мешков удалось набрать, почему будет зимой, и как бороться с колорадским жуком... Даже пьяные хвастались, как "загнали" кому-то машину краденой картошки... А ребенок все ныл и гадючничал, незаметно скидывая со стола куски еды на пол и матери на платье. Он вызывал у меня отвращение, и я старался его не слышать. Потом я понял, что делаю то же, что и его собственная мать и перевел на него свой "туннель". Это стоило определенного труда — понять его, но вдруг у меня словно прорезался слух, и я начал его слышать. Он просил у матери отпустить его с колен... Наверное, ему было скучно с ними.

Тогда я впервые понял, что Тропа — это иной Мир.

ЭТНОГРАФИЯ

ДУХОВНОЕ ПЕНИЕ СТАРОЙ РУСИ СТАРИКИ

Если бы я был профессиональным фольклористом или этнографом, я бы мог начать этот рассказ так: в течение семи полевых сезонов 1985—1991 гг. мною изучалась в двух районах бывшей Владимирской губернии специфическая традиция народного пения. К сожалению, я не являюсь ни фольклористом, ни этнографом, и если называть вещи своими именами, попросту говоря, ездил по окрестностям деревни, откуда я родом (это на границе теперешних Владимирской и Ивановской областей), и записывал все, что мне казалось интересным. Я хоть и историк по образованию, но ни о каком профессиональном сборе материала не было и речи. Кроме того, я был нацелен на поиск совсем других вещей и только в восемьдесят девятом году, наконец, обратил внимание на пение. Основная сложность при этнографическом сборе в том, что ты не знаешь, что спрашивать — так оно все ново, а старики не знают, что говорить — настолько это для них привычно и само собой разумеется. В силу этого, любой материал народной культуры, для того, чтобы им овладеть, требует неоднократного к нему возвращения с непременным погружением в его практику. Я же мог вести только записи, но не петь — "немотствовал" в то время. Ну а потом произошло то, что знакомо каждому собирателю — пришло время упущенных возможностей. В начале девяносто второго года в живых осталась лишь одна бабушка в Савинском районе Ивановской области, да и та категорически отказалась исполнять песни, готовясь к уходу. Грех. Правда, где-то на Савинском радио должны остаться ее ранние записи. Теперь эта песенная традиция вряд ли когда-то будет полноценно восстановлена. Но я все-таки хочу искупить вину, которую ощущаю, и, по крайней мере, хотя бы рассказать о ней и несших ее людях.

Сами они говорили про себя: "Мы — офени". Офени, коробейники, были мелкими торговцами вразнос, ходившими со своими коробушками по всей Руси и торговавшими всей бытовой мелочевкой, необходимой крестьянину, а порой и горожанину. Работа во все времена весьма опасная, требовавшая способности защитить себя. Это предполагает и владение боевыми искусствами, что я и обнаружил, а также "науку невидимки", умение быть незаметным и "нечитаемым" для внешнего мира. Тут офени преуспели, о чем говорит хотя бы наличие тайных "офенских" языков, теперешней "блатной фени", о которой мы уже говорили.

Офени были очень закрытой социальной группой, и исследователи о них знают мало. Неизвестно даже происхождение имени офени — некоторые исследователи выводят его чуть ли не от Афинских греков, якобы когда-то испоселенных на Владимирском Верхневолжье — "афинеи". Во второй половине девятнадцатого века крестьяне Верхневолжья все чаще начинают заниматься отхожими промыслами и торговлей. Истинные офени, до этого мало интересовавшие исследователей (в XIX веке

насчитывается всего около двух десятков публикаций, в XX — вряд ли больше), теперь к тому же еще и теряются в общей массе бродячего крестьянства. На конец девятнадцатого века в материалах Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева зафиксировано такое сообщение: "Все крестьяне (имеется в виду один из уездов Владимирской губернии — А.А.) — офени, остаются дома неспособные к торговле да пожилые. Торговля идет исключительно иконами, при этом торгуют и с южными губерниями (в Малороссии, Крыму, на Кавказе) через посредничество доверенных лиц, и с Сибирью" [6]. Исконные же офени как бы растворяются в этой массе торгового крестьянства, возможно, не в силах устоять в конкурентной борьбе, а может быть, в какой-то своей части и радуясь возможности окончательно исчезнуть из-под возможного наблюдения. Во всяком случае, та группа наследников офенской традиции, с которой довелось столкнуться мне, прямо дала понять, что они предпочитают жить скрытно.

По словам моих информаторов, в конце семнадцатого века в Шую пришла и осела одна из последних артелей настоящих скоморохов. Именно настоящих, потому что к семнадцатому веку древнее скоморошество на Руси выродилось в фиглярство и шпильманство. Надо заметить, что семнадцатый век был временем яростных гонений на традиционную русскую культуру. По всей Руси Великой, Малой и Белой по высочайшему повелению Алексея Михайловича, прозванного современниками Тишайшим, на берега Москвы-реки и других рек возами свозили и сжигали домры, свирели и гусли. Скоморохов же пороли, забивали в железа и отправляли на "севера". Ко времени правления Петра Первого институт скоморошества исчезает как явление культуры, а носители традиции буквально растворяются в других социальных слоях. Растворяются, но не исчезают совсем. Большой частью скомороший приклад передается далее как посвящение Дружек, по сути, жрецов, окручивающих, повивающих, а также защищающих от порчи и колдовства свадьбы. Та же артель, о которой рассказали мои старички, со временем перебралась на территорию теперешних Савинского, Ковровского и Суздальского районов и слилась с офенями. Очевидно, они ощущали себя выделенной группой даже среди исконных офеней, не говоря уже просто об окружающем крестьянстве, в силу того, что хранили какие-то древние знания. Их мы сейчас, вслед за моим дедом, называем Тропой Трояновой.

Надо полагать, что скоморохи органично влились в офенский быт с его бродячим образом жизни, постоянной готовностью противостоять опасностям дороги и необходимостью завлечь зрителя-покупателя. Я не случайно создаю это понятие — зритель-покупатель. И этнографические описания деятельности коробейников, и мои личные наблюдения среди их потомков дают мне основания считать, что зрелище (спектакль) было для настоящего офени подчас более важно, чем коммерческий успех его похода.

Для объяснения этого психологического феномена мне придется немного рассказать об их отношении к Дороге, Тропе. Я не случайно ставлю эти слова с большой буквы: и для скомороха, и для офени восприятие дороги мистично. Тропа не является для них средством или местом передвижения в пространстве. Тем более что и само пространство воспринимается в первобытных культурах отнюдь не как в Ньютонской физике. Мы можем безбоязненно считать, что они воспринимают любое пространство как пространство сознания. В силу этого движение в пространстве становится, попросту говоря, проживанием этого пространства. С этой точки зрения, Тропа может рассматриваться как специфический феномен всей русской культуры и, в каком-то смысле, одной из основных черт так называемого Русского Духа. Может быть, вовсе не натяжкой было бы сказать, что Русь — это Мир Тропы.

Русь постоянно в движении, хотя и не так, как кочевые народы. Разница как раз в Тропе, которая не нужна кочевнику, но зато прокладывается и используется Русью. На протяжении как минимум последних полутора тысяч лет зафиксированной истории Русь постоянно в движении и как государство, и как этнос, и как люди его составляющие. Если вспомнить **"откуда есть пошла Русская земля"**, то с этого начинается ее историю и Нестор. "По мнозех же времях сели суть словени по Дунаеву, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И от тех Словен **разидошася по земле** и прозвашася имены своими..." [7]. Даже в последние годы, как показывают исследования этносоциологов, склонность русских к миграции значительно выше, чем всех других народов бывшего Советского Союза. Как говорили мне в Тропе, "мы легкие на ногу".

Как только в сознании идущего утверждается понимание дороги как образа жизни и самой жизни, он

перестает воспринимать ее как простое средство достижения цели, как то, что надо пережить, перетерпеть с надеждой на будущий отдых и радость. В этом психология скомороха и офени коренным образом отличается от психологии ремесленника или ремесленного крестьянина, занимающегося отхожим промыслом, и приближается к психологии цыган. Если взять психологическую параллель из двадцатого века, то ремесленник скорее смотрит на дорогу, как на войну, в конце которой его ждут дом и "родные глаза". Находясь в дороге, он видит их, а не дорогу. Офеня и скоморох гораздо ближе к крестьянской психологии, хотя, как кажется, и не имеют никакого отношения к земледелию. Однако это кажется только на первый взгляд. Во-первых, они порождение или той эпохи, когда Русь была крестьянским миром, или же еще более древней, когда весь народ или какая-то его часть даже еще не была оседлой (здесь опять напрашивается параллель с цыганами), то есть материнской по отношению к психологии крестьянина. Во-вторых, есть основания считать, что скоморохи, по крайней мере, на ранней стадии своего существования, были отнюдь не "примитивным театром средневековой Руси", а наследниками жреческой традиции культов плодородия. А это значит, что они должны были быть чем-то гораздо большим, чем просто носителями крестьянской идеологии.

Это предположение давало мне надежду, что они знали своего рода жреческую механику управления психикой тех, для кого они справляли обряды, то есть владели системой работы с сознанием, подобной имеющимся у всех древних религиозных и мистических школ мира. И то, что мы о ней не знаем, означало для меня только то, что мы не можем ее рассмотреть: "мелкоскоп не настроен". Все восемь лет, что я провел в Тропе, я, по сути, занимался перестройкой своего видения, чтобы научиться различать древние знания с примелькавшимся до обезличенности. В чем-то установка на поиск "настоящей жреческой школы" мне помогла, а в чем-то сыграла злые шутки, заставляя искать что-то заранее заданное и проходить мимо по-настоящему ценного. Так, в частности, было с пением.

Крестьянская психология подходит к земле и пашне не как к месту боя, которое надо преодолеть, а как к месту жизни, где текут пот и кровь, но где и праздники празднуются и творятся обряды. Тут опять напрашивается сопоставление с официозной психологией двадцатого века с ее искусственным переводом явлений жизни на язык войны, как это, например, происходило с выработкой восприятия жатвы как всенародной битвы за урожай, в то время как старая русская литература, начиная со "Слова о полку Игореве", пытается даже о войне рассказать языком крестьянского труда, тем самым переводя ее восприятие в форму, не нарушающую общего народного мировоззрения. Современная общественная психология весьма определенно противопоставляет себя Земле — вспомнить хоть печально известное Мичуринское: "Нам нечего ждать милостей от природы!" Ну и народный ответ на его слова: "Нам нечего ждать милостей от природы, после того, что мы с ней сделали!" Народное мировоззрение считает: надо поддержать жизнь Земли обрядами, главным из которых является сам труд земледельца. Пусть всегда будет жизнь! Таков же подход скомороха и офени к дороге. Поэтому дорога состоит для него не только из расстояний и опасностей, но и из труда и радости. И он, отдаваясь труду до седьмого пота, как крестьянин, как крестьянин же пользуется любой возможностью праздновать, то есть радоваться праздности, с наслаждением используя любой повод для веселья и гульбы. Даже при христианстве с его непримиримой борьбой с радостями жизни мы обнаруживаем чуть не полторы сотни праздников в году. В дохристианском же мировоззрении любая естественная возможность завершить труд означала переход в праздность и гулянье. Все виды труда были посвящены определенным Богам и воспринимались как обряды. Поскольку и дни года, и дни недели тоже посвящались Богам, то и каждый вид труда рекомендовалось начинать не просто с их благословения, как это стало при христианстве, а посвящая соответствующему Богу, то есть в его день и с обрядом или как обряд. Шестой день недели, именуемый теперь субботой, назывался шесток или агнец и был, если верить Тропе, днем огненных обрядов всех Богов (возможно, это как-то отразилось в названии: шесток — это место перед топкой в печи, но иногда так называют и очаг). В седьмой же день, когда ты в праве был ожидать божественного одобрения своего служения, Боги приходили в гости к людям. Именно тогда слово Гост, очевидно означавшее Богов-посланников типа Радогоста, Гермеса, Меркурия, Семаргла, постепенно превратилось в знакомое нам слово гость, правда, сохраняя за собой ореол божественности, который мы прослеживаем в воспоминаниях о знаменитом русском гостеприимстве.

Приход Бога в гости означал радость и праздник, то есть гуляние и внутреннюю тишину, надеяние в действии, чтобы не просмотреть, не прослушать Бога. Надеяние в действии по-русски называлось

Действо, и мы обнаруживаем его ярче всего в христианской храмовой традиции (напр., Пещное действо) и у скоморохов, где весь образ жизни есть действо, спектакль. Но что такое действо? Сейчас под спектаклем понимается жизнь понарошку. Но для человека той эпохи это не так. Достаточно посмотреть, как воспринимают спектакль дети. Нет, эта жизнь на сцене или на экране для них совершенно всерьез. Но что-то же в действе понарошку?! Труд понарошку! В праздник нельзя трудиться, поэтому и назывался на Руси завершающий день седмицы — Неделя. День недеания. Поэтому и Понедельник — "трудный день". Не плохой, как это стало восприниматься сейчас, а день труда. А скоморох — единственный, кто в поте лица трудится во время Священной Недели и не наказуется за это Богами — творит действо. То есть обряд, во время которого Боги и дают оценку нашему труду и служению. На самом деле скоморох не совершает этим трудом святотатства, потому что, как всякий лицедей, он исчезает за своей маской и для зрителя и для самого себя. А это значит, что на сцене присутствует вместо него другой, и какова бы ни была конкретная личина — а лицедей будет менять их по ходу спектакля неоднократно, как оборотень, — этот другой не просто персонаж и даже не человек. Главным оборотнем в этом мире является тот, кто может принимать все образы и даже более того, кто их творит, то есть Бог. Он-то и разговаривает с народом во время скоморошьего действа, только умеет его услышать сквозь шум персонажа. В древнюю эпоху люди умели слышать и видеть сквозь пленку обличий и обыденности. Знаком этого является такое широкое и повсеместное распространение искусства гадания — коби, кобенья, по-русски. Для того, чтобы прозреть линии Судьбы или речь Бога в трещинках на обожженной бараньей лопатке или в полете птиц, надо было обладать очень высокой созерцательностью и внутреннюю тишиной. Для этого и требовалась способность переходить в праздность непосредственно из труда, находить радость, как признак присутствия Бога, во всем, что тебя окружает, но еще важнее, уметь впадать в Божественное недеание, чтобы не просто слышать Богов, а и быть домом, принявшим Гостя.

Всем знакомо уподобление дома человеческому телу в народной культуре. Но существовало и обратное уподобление: тело наше есть дом Души, дом Духа Божиего. Это тоже знакомо. Вот только воспринимается как метафора, литературный оборот. В древности же, как и у детей, это понималось буквально. И Боги приходили к нам в гости и в наши Дома и в наши Тела. Если Бог приходил в твой дом — дом становился Храмом, отсюда и русское название дома — Хоромы. Если же он входил в твое тело, ты сам становился на это время Богом. В Тропе отношение к Телу было божественным, и возможно, существует какая-то этимологическая связь между древними индоевропейскими словами

Тело и Тео — Бог. Только умеющий приглашать или впускать Богов в храм своего тела мог считаться жрецом в глазах народа. Сходное отношение мы можем обнаружить в шаманизме и в любом экстатическом культе. Способы перевода себя в измененное состояние сознания, когда сознание твое освобождается от личностного наполнения и оказывается в состоянии какое-то время воспринимать мир в чистом виде — впустить в себя Бога — были разными в каждом культе. Но обязательно были, иначе народ не чувствовал бы себя в том мире защищенным и не смог бы существовать. Судя по величию Русского народа, его жрецы владели этим искусством в совершенстве. Их прямыми наследниками были творцы действ скоморохи и, в какой-то мере, офени. Настоящий офеня не просто завлекает своими песнями, потешками и прибаутками покупателей, но и творит им праздник, устраивает гулянье. Знаменитая песня про ухаря-купца, заехавшего в деревню коней попоить, рассказывает о том, как он задумал гульбою народ подивить. По сути, песня полностью накладывается на сюжет Некрасовских "Коробейников" и отражает в сознании один и тот же образ — человека, творящего народу праздник. Наградой ему отнюдь не деньги — девичья любовь, людское веселье, да булатный нож... Далеко не все офени умирали дома. Домовиной им часто становилась придорожная канава. Такой финал признавался возможным всеми офенями и всеми скоморохами. Его ждали, к нему готовились, с мыслью о нем жили. Это была одна из психологических установок жизни дорожного человека, что означает, что они специально готовились к уходу в Мир иной через ворота того Храма, который раскинул свой свод над алтарем дороги. И это не имеет отношения к оценке такого социального явления, как разбой, но если ты всю жизнь знаешь, что уйдешь из нее под ножом тая с большой дороги, и хочешь уйти светло, то ты вынужден воспринимать его жрецом. Жрецом Смерти. Какая-то часть мистического почтения к Смерти произвольно переносится на ее жреца, закладывающего тебя в жертву. Ты можешь сражаться за свою жизнь, но когда Душа твоя отлетает, ты обязан, если ты действительно жрец плодородия, благословить Мир и открывший его двери нож. Психологический механизм, позволявший уйти так,

можно назвать Искусством светлой смерти. Он подобен тому, как умирали русские старики, которые, за день перед смертью, сходявши в баньку, надев чистую рубаху и улегшись под образами, требовали: "Зовите родных прощаться — завтра уходить буду!.." Насколько я смог понять, умение умирать светло было одним из вершинных искусств жреческой науки, сохраненной скоморохами и офенями в Тропе.

Все время, пока я был у офеней, я все хотел найти то, на что настроился, и в результате просмотрел многое из того, что мне предлагали. Вот так произошло и с их пением. Поют себе старички и поют. А у меня с детства вместо слуха лишь страх петь. А когда эти проблемы снялись, было уже поздно. И вот теперь нам на новой Тропе приходится все восстанавливать по крохам. Мы сумели разыскать многие из их песен. Впрочем, в их репертуаре было не так уж много особенных песен. Они пели любые песни, которые пелись. Гораздо специфичнее была их манера исполнения. Она-то и есть главная тема этой статьи.

Свое пение мои старички называли Духовным. Я долго не обращал внимания на то, как они пели. Для меня это был своего рода фольклорный довесок к "настоящему", которое я хотел найти. Но однажды летом 1989 года в одной деревушке Ковровского района мне удалось собрать вместе сразу троих, причем одну бабушку, тетю Шуру, я приволок на удачно подвернувшейся машине аж из Савинского района. В какой-то момент они решили спеть на три голоса, "как раньше", но сначала как бы распевались. Благодаря этому я впервые имел возможность не только услышать их "духовное пение", но и увидеть саму систему входа в состояние такого пения. Они запели какую-то народную свадебную песню, которую я пока еще больше нигде не встречал. Я внутренне заскучал и приготовился пережить время, пока снова не представится возможность задавать вопросы об офенском прошлом. Начало сразу же не заладилось, наверное, потому, что они давно не пели вместе. На мой взгляд, им надо было просто поспеваться, но Поханя, как они звали хозяина, сказал тете Щуре: "Позволение, Егоровна, позволение..." Я ничего не понял, но она кивнула и приступила еще раз. Очевидно, у них опять что-то не задалось, потому что Поханя опять остановился и сказал своей жене: "Ну-ка, Катя, побеседуй с ней. Не в позволении идет..." Бабки тут же как-то перестроились, будто вырезали свой собственный мирок, замкнулись друг на друга и я услышал после нескольких незначительных фраз о самочувствии, как Тетя Шура рассказывает о том, как к ней не так давно приезжали с радио и записывали на магнитофон ее пение. Сумели уговорить, хоть она и отказывалась. А она после них разнервничаясь, потому что это, может быть, грех. Я не смог тогда понять, почему она считала то пение грехом, а это нет, но она рассказала, что чуть ли не дала себе слово вообще не петь больше.

— Так чуть ли или дала?— тут же спросила ее тетя Катя. Тетя Шура засмушалась, а потом призналась, что решила больше не петь совсем, как только Поханя с тетей Катей умрут. Все засмеялись. Ей было около 85 лет в это время, и я понял по их смеху, что хозяйева старше.

Мы попили чайку, и они потихоньку снова приступили к песне. Но в этот раз не заладилось у тети Кати. С ней, правда, беседовать не пришлось, потому что, как только Поханя взглянул на нее своим суровым взглядом, она тут же махнула рукой и объяснила: "Не помню, двор, что ли, оставила открытым?.. Люське зайти. Поди скоро пригонятся. Сижу, саму свербит вместо пенья".

Очевидно, скоро должны были пригнать с выпаса деревенское стадо, и тетя Катя, не желая отвлекаться во время пения, открыла ворота двора и дверь хлева, чтобы ее единственная коза Люська могла зайти в стойло, да сама в суете и забыла, сделала ли это. "И чё, так и будешь свербиться?" — только и сказал ей на это дед. "Вот ведь дура какая стала!" — пожаловалась она тете Шуре и убежала проверять свои ворота.

После этого песня пошла лучше, но Поханя все-таки перебил ее еще раз, спросив вдруг старушек с хитрым прищуром: "Чего это вы, девки, важные, молодость, что ли, вспомнили?!" — и подмигнул им в мою сторону. Они засмеялись: "Ну как же! Получше выглядеть надо". "Смотрите у меня", — только и сказал он им и снова запел. К тому времени я уже неплохо был знаком с их системой очищения сознания, которую они называли Кресением, и, с удовольствием наблюдая ее в практике, подумал, что неподготовленный человек, даже профессионал-психолог, пожалуй, ничего бы не заметил, настолько это все бытовое, неброское...

Устранив все помехи, старички все-таки распелись, и маленькое чудо, за которым я приехал, все же произошло для меня.

Впервые за шесть лет я услышал, как они поют. Их голоса вдруг начали сливаться, причем, вначале слились каким-то странным образом голоса тети Кати и Похани, хотя я не могу объяснить, что значит для меня "слились". Но другого еловая найти не могу. Тети Шурина же голос, хоть и красивый, несколько дисгармонизировал на фоне их совместного звучания. Потом вдруг что-то произошло, и он словно впрыгнул внутрь их совмещенного голоса и слился с ним. Какое-то время их совместное звучание осознавалось мною как слившиеся голоса, но произошел еще один переход, и общее звучание-голос словно отделилось от них и зазвучало само по себе, будто над столом, вокруг которого они сидели, появилось самостоятельно поющее пространство!..

У меня в теле началась мелкая дрожь, словно я трудился до изнеможения на голодный желудок, в глазах начало плыть. Изменились очертания избы, лица у стариков начали меняться, становились то очень молодыми, то жуткими, то просто другими. Я помню, что ко мне из крошечной тьмы пришли несколько раз очень важные для меня воспоминания, но это было почему-то страшно и больно, и я вдруг заметил, что боюсь глядеть на певцов. Я сумел выдержать это состояние только потому, что уже испытывал подобные раньше, при учебе у других стариков. Многие исследователи писали о том, что народная песня магична, но подразумевалось при этом, что она использовалась в магических обрядах. Это верно, но поверхностно. Народная песня — не только сопровождение обряда, она и воздействие. Она одно из магических орудий первобытного человека.

Песня закончилась. Они еще сидели какое-то время, молча улыбаясь, словно чего-то переживая. И действительно, через некоторое время то ли мое состояние, то ли состояние пространства стало возвращаться к обычному: сначала вернулись на место обоя на стенах, потом исчезли, точно растаяли у меня на глазах мои странные воспоминания, и я не смог их удержать... А Похана сказал:

— Вот, совместились...— и велел подавать чаю.

— Ну вы дали!— не выдержал я.

Они засмеялись, и тетя Катя объяснила мне, накрывая на стол:

— Это еще не песня. Это совместное пение... храмовое! А мы тебе просто споем, на голоса.

На вопрос, почему она это пение назвала храмовым, она ответила:

— В Храме так петь надо. Некоторые песни... Я тут же попытался выяснить, в каком храме:

— В христианском? В церкви?

— Не знаю...— с недоумением ответила тетя Катя.— В каком же еще? Мы иногда в церкви так пели... Где ж еще?... Иногда на гулянье...

А Похана добавил, засмеявшись:

— Это они так баловали девками. Соберутся так-то компанией девок и пойдут на службу в церковь. Там как запоют, они и подхватят, да переведут на себя! Все и поплывет в храме, головы кружатся! Мы специально парнями, кто понимал, смотреть ходили... Никто не понимает, чего они делают, а они довольны. Идут, хахалются! Их любили, просили петь...

— Нас все время просили,— подтвердила тетя Катя.— И батюшке нравилось. Мы как придем в церковь, он сам подзовет Лушку, чаще всех Лушку звал, помнишь, Шур?

— Совсем не помню,— ответила тетя Шура.— Разве Лушку? Полюшку, поди?

— Да Лушку, Лушку! И меня было подзывал, и прямо прикажет: чтобы пели сегодня! Мы и поем, нам чего — молодые девчонки! Храм иной раз пропадет...

— Как пропадет?— мне почему-то вспомнилась тьма, из которой приходили стершиеся воспоминания, и я в этот момент осознал, что не скажи тетя Катя слов про пропадающий храм, я бы и тьму эту никогда больше не вспомнил.

— Так...— странно ответила она.— Плыет, плывет все... стены исчезнут потом... как тьма наступит... Люди из глаз исчезать начинают, у батюшки лики пойдут... Некоторые падали, другие молятся про себя, ничего не видят... в молитве...

— Да, да!— подхватила вдруг тетя Шура.— Батюшка потом все про Страшный суд рассказывал!

— Вот ты оттого и петь боишься,— неожиданно сказал ей Похана, а тетя Катя закончила:

— А нам все смешно! Девчонки!..— и без перехода начала новую песню.

Сначала они опять слились, "совместились", как это у них называлось, и я ожидал, что все повторится. Но после того как появилось совместное звучание, их голоса начали проявляться внутри общего звучания и "порыскивать", выводя свои собственные мелодии. Общее звучание как бы обнимало отдельные голоса, они текли в нем, как сплетающиеся струи внутри общего потока. "Соплетаясь", голоса создавали удивительно сильный душевный настрой. Это была какая-то

рекрутская песня. Меня захватило настолько, что к глазам подкатили слезы. Я крепился, сколько мог, а потом разрыдался. Я очень хотел сдержаться, мне было стыдно, но в результате рыдания стали по-детски безудержными. Старички не прервали пения, только тетя Шура села рядом со мной и гладила меня по голове... Я долго не мог вернуться в норму и, хоть и знал, что мне лучше всего было бы пройти, условно говоря, сеанс Кресения, и убрать причины моих слез, напрочь отказался от помощи. Уже значительно позже я понял, что это было связано с теми провалами тьмы, из которых приходили воспоминания во время первой песни, и эти старички действительно не смогли бы мне помочь. Тех же, кто смог бы, уже не было... С какого-то мгновения ученичество заканчивается, и ты все должен будешь делать сам и нести за себя полную ответственность!.. Никто из них даже не попытался настоять на своей помощи.

Вот так я впервые познакомился с древним русским Духовным пением, которое, если верить рассказам стариков, досталось офеням от скоморохов, а те, возможно, хранили его еще с того времени, когда по всей Руси Великой стояли другие Храмы!.. Около двух лет расспрашивал я потом о технических особенностях этого пения, не надеясь когда-нибудь запеть самому.

СТЕПАНЫЧ

Если рассказывать об офенском пении подробнее, то начать придется с того, что существуют способы управления собственным звучанием. Я не оговорился: не звучанием голоса, а звучанием себя. Для духовного пения ты должен уметь звучать практически любой частью своего тела.

Это — беззвучное звучание, если позволительно так выразиться. Звучит все-таки голос, но звук идет и обычными путями и сквозь ту часть тела, которой ты поешь. Ты ощущаешь это дрожью в звучащем месте и одновременно изменением голоса и можешь передать эту дрожь в ту же часть тела поющим вместе с тобой. Но этим воздействие такого пения не исчерпывается. И ты сам, и окружающие погружаются в беззвучную часть потока, голосовая часть становится дополнительной. Поющие перестают отслеживать музыкальную правильность пения — со стороны явственно слышно, что мелодия нарушается, она словно плавает. Изнутри же это никак не заметно, разве только ты совсем не вошел в пение. В этом нарушении Меры есть какой-то высший смысл, воспринимаемый как победа Лада...

Способность человеческого тела быть своеобразным излучателем звука, очевидно, воспринималась скоморохами как нечто сакральное, потому что звучание человеческого голоса, переданное через определенные части тела, обретает некое дополнительное измерение и воздействует на человеческое сознание особым образом. Мой дед в свое время записывал такие вещи. В одной из его тетрадей, например, говорится, что человеческое тело — это Мир, а его части соответствуют частям мира или правящим ими Богам. Связь эта, в представлении офеней, очевидно, была довольно сложной. Так Роду, если верить деду, соответствуют сразу и Родник, и Зарод (часть тела, связанная с деторождением). Макоши соответствует в его записях Макушка и сердце, но уже под именем Середы, Середки. Связаны с богами живот, глаза, горло, ярло (солнечное сплетение), руки, ладони—долони, ключи (легкие), болонь, ноги, пяты и др. Эта своеобразная "народная мифология" никак не может быть подтверждена научно, как мне кажется, да и вряд ли нуждается в этом. Теоретически это очень вероятно — очень многие мифологии рассматривали Мир как тело первочеловека: Пуруши, Паньгу, Имира. Вероятно, такие представления существовали и у наших предков, но решать это науке. Но вот в определенной достоверности второй, так сказать, практической части его записей я имел возможность убедиться на собственном опыте. Эти записи связаны с понятием Ядер сознания. Но это требует рассказа о том, как офени понимали, что такое сознание.

Это мне объяснял мой первый учитель, Степаныч. Его понимание сознания принципиально отличается от понимания психологов, которые считают сознание "непрерывно меняющейся совокупностью чувственных и умственных образов", что, по понятиям офеней, скорее соответствует мышлению. Но это особая тема, а пока о Степаныче.

Степаныч считался докой, и это верно. Я же тогда был еще в самом начале своей учебы, попросту говоря, это был мой первый приезд к Степанычу, и длился он недели полторы. Личность у меня тогда была очень яркая, жесткая и самовлюбленная, так что старику пришлось со мной немало помучиться,

как я это теперь понимаю. У него была сложнейшая задача: засунуть меня как можно глубже в свою науку и в то же время не потерять. Что значит засунуть? Я имею в виду, что он должен был ввести меня в азы того, чем владел, и что иначе как ведовством не назовешь; но ввести не на словах, а с предельно доступной наглядностью, чтобы мое хитроумное мышление не извернулось и не нашло каких-нибудь отступных путей. Вообще-то, для такой работы нужен человек хотя бы более или менее подготовленный. Обычная "сумасшедшая" личность или закроется и сбежит, или сломается. А у него была всего неделя в тот раз и последний год жизни.

Силой на Тропе не учили. Лет через шесть мой последний учитель Похання сформулировал для меня сам принцип:

— Не ломи! Никогда не ломи! Человек таять должен у тебя в руках! Как горячая свеча...

Правда, относилось это не к пению и не к правке тела, как может показаться, а к боевым искусствам — к такому виду борьбы, который на Владимирщине назывался Любки. Но принцип этот подходит в Тропе ко всему — и к работам типа структурного анализа личности, и к учебе, и, естественно, к любым видам чародейства.

Этот подход и заставлял Степаныча постоянно "разогревать" мою личность, чтобы она не сломалась и не помешала моему пониманию. Я сопротивлялся порой даже озверело, вначале то и дело порывался хлопнуть дверью в битве за свое личностное достоинство, но каждый раз открывавшаяся мне истина окупала потери, и я оставался. Тем, к кому я попал после Степаныча, было со мной гораздо легче...

Один из таких "разогревов" был проделан Степанычем со мной как раз в связи с понятием сознания. Вообще-то это была одна из самых первых тем, и не объясни он ее тогда, как я вижу, я бы практически ничего не понял во всей Тропе. Наверное, ему было очень не просто приступить к этой теме, потому что он запросто мог бы напугать меня, и я бы сбежал или поломался.

Шел предпоследний день моей первой учебы. Мы сидели за столом и пили чай с сухарями. Все это время мы, как мне показалось, просто проговорили, и это было так захватывающе ново, что я даже потерялся во времени. Впрочем, моя личность уже строила планы, как, вернувшись домой, я обработаю, осмыслю все услышанное и увиденное и вернусь к старику уже независимым от него, а это на невысказываемом языке моей личности означало победителем! Нельзя сказать, чтобы я думал об этом осознанно. Это шла произвольная работа мышления, так сказать, катилась по когда-то проложенной и теперь автоматически повторяемой во всех жизненных встречах колее победительства. Однако внимание мое она съела, и я в этот день ощущал, что смысл сказанного Степанычем доходил до меня с задержкой. Словно накатило легкое утомление или сонливость. Сейчас-то я знаю, что это признак определенного переключения работы мышления, так сказать, знак присутствия, так называемого "пересмотра" — своеобразной "фоновой программы", которая, набрав достаточно информации, производила ревизию и перестройку системы ценностей и целей. Мы еще вернемся к этой теме однажды. Тогда же я, вяло перекидываясь со Степанычем умными словами на неизвестно как возникшую тему сознания, поймал себя на том, что хочу уехать. Степаныч тут же уловил смену моего состояния и сменил подход.

— Ну ладно,— вдруг сказал он и указал на невесть откуда взявшуюся на пороге избы рыже-белую кошку. Дверь была растворена, и кошка, очевидно, случайно забрела к нам от соседей,— у кошки есть сознание, умник?

Моя личность тут же использовала ситуацию, чтобы продемонстрировать мой победительный интеллект, и я мудроно пошутил словами из анекдота:

— Ну так, немножко есть, конечно, едва-едва самой хватает!..

Степаныч не оценил моего остроумия. Просто наморщил в ответ лоб, подняв глаза. Я тут же бросился оправдываться:

— Я хочу сказать, что, конечно, какое-то сознание у нее есть.

Тогда Степаныч поднял палец и медленно и спокойно показал им на кошку. Кошка встрепенулась и подняла голову, словно почувствовала прикосновение. Тогда он так же медленно и с какой-то силой в движении повел пальцем, указывая ей путь ко мне на колени. И кошка пошла. Когда она оказалась уже у меня, я вдруг испытал приступ пронзительного страха: мне представилось, что сейчас он велит ей вскинуться, выпустить когти и оскалиться на меня!.. Кошмарный образ, и непонятно, что в таком случае делать. Но он просто показал ей пальцем на дверь, и она к моему и своему облегчению умчалась...

Он не дал мне ни высказать восхищение, ни поделиться потрясением, он просто спросил:

— Ну? Есть у нее сознание?

Я изобразил недоумение, мне непонятно было, какое этот фокус может иметь отношение к сознанию.

— Может, ты хочешь сказать, что она прочитала твои мысли?— наконец нашелся я.— Ты передал, а она прочитала?

Он покачал головой, подумал и поманил меня пальцем, показав на лавку рядом с собой. Тут же целый обвал мыслей овладел мной. В этом было что-то унижительное. Вернее, я подозревал, что обращение со мной, как с кошкой, имеет целью меня унижить. К тому же я все равно не понимал, как это может быть сходно, ведь кошка явно шла управляемая, я же пойду осознанно. "Или не пойду!" — решил я и именно после такого решения начал подниматься с лавки! Но Степаныч поднял руку ладонью ко мне, и я понял, что что-то мешает мне распрямиться. В первый миг мелькнула мысль, что я зацепился за что-то одеждой, но я тут же ее отбросил, потому что ощущения были совсем другими. В следующий миг я подумал, что приклеился штанами. Но то, что меня удерживало, было не сзади,— я в него упирался! Что-то мягкое и упругое, исходившее из его ладони. Вот тут сравнение с управляемой кошкой снова вернулось, и я рванулся, но в результате лишь отлетел на скамью. Это было мое первое столкновение с накатом — так называли в Тропе бесконтактное воздействие. Я не знал ни силы такого воздействия, ни своих возможностей, но я дрался! Я не хотел сдаваться, я, что называется, озверел и раз за разом молча бросался на эту невидимую стену, чтобы снова быть отброшенным на скамью. Ничего не получалось, но я подумал, что если я сдамся, я потеряю веру в себя, и начал драться с еще большим остервенением. Если бы я тогда прорвался, я бы точно избил Степаныча до полусмерти. Но все мои рывки и скачки заканчивались на лавке, и я внезапно начал чувствовать отчаяние. В следующий миг пришла боль от того, что я ощущал себя смешным из-за этих телодвижений. В молодости я много дрался, бывало, что и получал, но когда я осознал, как со мной обходится этот старик, и насколько бесполезны все мои усилия, мелькнула мысль, что я могу и не выжить! Очевидно, мысли о смерти очищают, потому что после нее голова стала ясной, и мне захотелось научиться этому. И тут же Степаныч опустил руку.

— Сознание у нас у всех, можно сказать, одинаковое,— сразу же заговорил он, не давая мне снова скатиться в переживание собственной униженности.— Мышление разное... Точнее, осознание. А! Потом. Давай, смотри лучше... а то запутаешься только!

Степаныч терпеть не мог рассказывать. Он или издевался надо мной, или показывал и учил работать. Рассказывал и объяснял впоследствии следующий учитель, Дядька. Степанычу же словно было некогда.

Он встал и пригляделся ко мне внимательно. Я каким-то образом понял его вопрос и ответил:

— Я в норме, давай,— и мне показалось странным, как легко в этом состоянии я простил его за разрушение моей личности, но тут до меня дошло, что это всего лишь необходимая часть моего первого посвящения.

И тогда Степаныч раскрыл руки и начал двигаться вокруг меня. Что это было! Он действительно лепил меня как воск, и я знаю теперь, что должна чувствовать горячая свечка. Голова сохраняла пришедшую ясность и спокойствие. Лишь изредка мелькала мысль: не потерять бы, не выпасть бы только в жалость к себе или в обиды. Но заряд был настолько силен, да и интерес тоже, что меня хватило еще на целую ночь работ.

Это было долгое и завораживающее священнодействие, которое не только описать, вспомнить сейчас почти невозможно. В нем больше не было ничего пугающего, хотя, как я сейчас понимаю, я утерял на то время и личность и мышление. Но зато я обрел видение, и оно со всей очевидностью показывало, что в пространстве вокруг разлита некая тонкоматериальная среда, плотность которой меняется по мере приближения к моему телу. Но и само тело есть лишь ее продолжение.

— Вот сознание,— сказал в какой-то миг Степаныч, убедившись, что я вижу.— И тело сознание, створожившееся сознание...

— Степаныч,— спросил его я, переполненный радостью откровения,— а как далеко это разливается от тела? Где оно заканчивается?

Он какое-то время всматривался в меня, непонятно тяжело вздохнул и ответил почему-то грустно, почти с тоской:

— Оно не заканчивается... нигде...

ХАРЛАМПЫЧ

Для того чтобы перейти к пению, мне придется закончить рассказ о сознании некоторыми, условно говоря, техническими деталями из тетрадей моего деда Владимира Харлампыча. Независимо от того, насколько верны приводящиеся в оставленных мне дедом записях данные, сами записи, как и отраженное в них мышление, являются своеобразным историческим фактом, который мне не хотелось бы утратить под предлогом его несоответствия каким-то стандартам или представлениям. В общем-то, я и сам отношусь к этому как к подсказке, персту, указующему куда-то, куда наша цивилизация не пошла, избрав другой путь. Куда? В иррациональность? Мистицизм? Может быть, в сказку?..

Сознание, по офенским понятиям, было не только материально, но имело у каждого живого существа и весьма определенную структуру — "состав". Вероятно, это старое слово состав гораздо лучше подходит в данном случае, потому что человек в его "тонкой", то есть духовной части, представлялся им составным из нескольких тел, как матрешка. Снаружи находится, так называемый, пустырь или поселенный (вселенный) пузырь. Природа его пустотна, почему и возможно вселение в него того, что мы именуем человеком. Дед называет его, как и любое подобное пузырю состояние сознания, словом Гвор. Поскольку сознание правит Силой, как это видели офени, то следующим идет тело силы. Сила вызывает Движение, отсюда — тело движения. Движение — основа Жизни. И мы имеем особое тело жизни с названием Собь, которым правит особая душа — Жива или Живот. Еще ее называют Животной душой или Паром. Жизнь творит Тель и поддерживает ее существование. И мы имеем тела, предназначенные для действий с веществом в условиях Земли. Внутри тела заключено еще одно, но тонкое и гораздо более истинное — наша Чувствующая Душа. Офени вполне определенно считали душу телом на том основании, что только тела могут чувствовать боль, а душа ее определенно чувствует. Задача души — хранить в себе Дух, Искру Божию, а также осуществлять связь между ним и сознанием вплоть до его створожившейся части — физического тела.

Что же такое эта, условно говоря, связь? В чем она выражается? Для понимания этого нам подойдет еще один образ, созданный русским народом — Ванька-встанька. Что заставляет Ваньку-встаньку вставать? Для любого разумного человека очевидно, что тяжесть свинца, залитого в низ игрушки. Но офени с огромным подозрением относились к понятию очевидности, прозревая за ним человеческий самообман. Они в большинстве своем были люди, что называется, рукодельные и сами, возможно, изготавливали этих Ванек. Но это не мешало им заявлять, что Ванька-встанька встает не за счет тяжелого низа, а за счет легкого верха. Иначе говоря, он, как и человек, тянется вверх за счет присутствия в нем легкого духа, а не за счет физических законов тяготения. Поскольку место Души и соответственно Духа в груди, то отсюда и название легких — Легкие Ключи. Я думаю, офени прекрасно понимали, что все это всего лишь метафора, позволяющая говорить о таком сложном предмете как Дух. Но относились они к ней предельно серьезно. По их понятиям, Дух человеческий — не более чем присутствие тяги к возвращению домой, что-то типа "нематериальной стрелки компаса, вмонтированной в нас" на время жизни. И проявляется Дух в нас не более чем вопросом: кто я? Откуда я пришел и куда должен уйти? И все! Все остальные проявления "духовности" — чисто культурные явления, то есть определенные обычаи, без которых вполне можно обходиться, потому что их задача — лишь прикрашивать личность, приспособлять ее к конкретным условиям жизни, в которые она попала. Соответственно, любовь к мудрости философия начиналась и кончалась для них одним единственным вопросом — познать себя!

Являясь по сути **тягой к себе**, жаждой возвращения и самопознания, Дух может осуществить это только заглянув в Мир, в Природу, как в зеркало, для чего изливается в них Охотой и Светом. Проходя сквозь множественные тела, и охота, и свет меняются и по чистоте, и по проявлениям. Охота, например, проявляется и потребностями, и желаниями, и даже целями. Свет тоже приходит в мир в разных видах, но что касается Души, то, пропуская его сквозь себя, Душа поет. У деда есть мысль, которая, может быть, и одна могла бы оправдать все его сочинения: "Бог послал меня в этот мир гуслими, то ли свирелью, чтобы я пел. А я так испугался этого доверия, что думал, не как петь, а как сберечь эти гусли — нарастил вокруг них кучу плоти, одежды, стен, собак завел, личность завел, чтобы лучше защищать вверенное мне достояние. У меня теперь Душа поет, как цепной пес".

В этих рассуждениях имеется намек на два важнейших архетипа мышления и, соответственно, культуры — это возвращение и очищение. Возвращение себя — это наиболее общее прочтение таких

понятий традиционной культуры, как возвращение утерянного Рая, возвращение народа на прародину, поиск Святой земли, Беловодья, Небесной Руси, Шамбалы, возвращение к Богу, Спасение. Спасение же это возможно только через выбор одного из двух полюсов, между которыми протекает жизнь человека — Чистый или Нечистый, он же Нелегкий (вспомните выражения типа "Куда тебя нелегкая занесла?"). Поскольку "Нелегким", "Нелегкой" называют черта, то может сложиться впечатление, что это выбор между Богом и Дьяволом. Но это было бы уже христианское прочтение. Мы же говорим о движущих силах культуры гораздо более древней и насквозь магичной. Это гипотетично, но мне видится, что, под всеми историческими напластованиями, в конечном итоге, ритуальное очищение есть освобождение от тяжести, которая делает нас человеком телесным, Ванькой-встанькой, и не дает летать. А это, в свою очередь, понималось во все эпохи людьми думающими как очищение личности, мышления и того, что их хранит, — сознания.

Духовное пение, очевидно, создавалось как обрядовая работа для выявления нечистоты сознания, наличия в нем помех и их вычищения. Сознание мыслилось не только сложносоставным, но еще и имеющим внутреннюю организацию, то есть управление. Его внутренние составляющие назывались Медным, Серебряным и Золотым царствами, в центре которых находились Столы или Ядра сознания. Исходя из того, что тело — створожившееся сознание, офени сделали вывод, что звук издается не голосом или веществом, а сознанием, пусть створожившимся. Следовательно, можно заставить звучать любое сознание, используя для этого легкие. Видимо, именно из этого предположения родилась система "пропевания", как это называлось, **прогуживания** ядер сознания и его слоев. Для того, чтобы это получилось, надо не только знать устройство человеческого сознания, но еще и видеть его в деталях, а так же понимать, что такое прогуживание или гудошничанье.

Слово это этимологически, очевидно, связано с наименованием скоморохов — гудошники или гудочники. Обычно исследователи связывают это с гудком — простенькой скрипичкой, на которой играли скоморохи. Общаясь с потомками скоморохов, я понял, что существовало и противоположное мнение — гудок был назван так, потому что он, как и гусли (происходящие от того же корня "густи", то есть гудеть), был инструментом гудошников для внешнего выражения, передачи нутряного гудения. Гудение же, в том смысле, в котором его понимает Духовное пение, было первомузыкай, извлеченной из твоего нутряного гудка, или песней и игрой души.

Если ты гудишь сознанием, то рождается звук, если движением, то твоя песнь будет игрой, скажем, воинской или пляской. Тогда тебе подвластны тела людей, и ты творишь сказку о Гуслиях-самогудах, а люди пляшут, не в силах остановиться. Если ты пропускаешь этот свет сквозь тело силы, то рождается чародейская песня, такая, например, как кобенье. Тогда тебе подвластны тела животных, и ты можешь пририцать Судьбу. И все это ступени жреческого обучения, насколько я понимаю.

Но ни овладеть движением, ни силой, ни пойти дальше ты не можешь, пока не стал хозяином самому себе, хотя бы в отношении сознания. Почему офени считали, что мы не в себе, не хозяева в собственном доме? Сегодня я могу с полной уверенностью сказать, потому что они это просто видели. Человек, являющий из себя все описанное выше богатство составных частей сознания, как Ванька-встанька-наоборот, "стянут" в вертикальном отношении к своему верхнему "полюсу" — голове. Это явно связано с мышлением, которое не позволяет ему присутствовать осознанием в средней и нижней части тонких тел. Может быть, именно из-за этого и родились эзотерические представления о том, что где-то в районе солнечного сплетения—пупка находится "Центр силы". Лично мне сейчас кажется, что это древняя ошибка, вызванная реальным видением эзотериков обычного человека как человека без Силы, у которого "не работает нижний центр". Одновременно, когда изредка кому-то удавалось овладеть управлением Силой, то глаз видящего обнаруживал у него работающим нижнее ядро сознания. Это, очевидно, и совместилось в понятие центра Силы. Судя по представлениям офеней, для того, чтобы управлять силой, надо иметь не какое-то особое ядро сознания раскрытым, а все свое сознание свободным и управляемым. Тогда тебе даже думать не придется ни о каких ядрах или центрах, а уж тем более о специальных упражнениях для их накачки. Это мне напоминает проблему с кундалини, считающуюся ключевой для практически всех последователей "индийского пути". Притом, что Будда, один из весьма немногих разгадавших загадку этого пути, ничего не говорит о кундалини, словно ее вообще не существует.

Проблема обретения сил и способностей была для офеней проблемой их высвобождения очищением сознания. В идеале это должно было дать полную ясность сознания, которая, очевидно, сопоставима с понятием просветления или святости. Но это особая тема, требующая отдельного разговора. Пока же я

хотел бы рассказать, как меня учили овладевать собственным сознанием.

ПОХАНЯ

Я совершенно не обладал слухом, но, тем не менее, попросил Поханю научить меня Духовному пению.

— А чего тут!— ответил он.— Бери да пой. Сердцем ты светишь.

Он имел в виду показанное мне еще Степанычем упражнение, которое мой дед называл молением Световидовым. Вначале, прочитав такое название в дедовском "гроссбухе", я подумал, что это просто его фантазия или что-то почерпнутое из книг Афанасьева или других мифологов. Дело в том, что Световод, а точнее, Свентовит — бог вроде бы не наш, а западнославянский. Бытование такого имени на Верхневолжье невероятно. Но Степаныч с первых же моих уроков начал учить меня определенному виду работ с ядром сознания, называвшимся у деда Середка. Степаныч чаще называл его Сердце и заставлял "возжигать" его Светом. Для меня это упражнение по некоторым признакам совместились с дедовскими записями о Световиде, и я попытался выяснить у Степаныча, так ли это. Когда я задал ему свой вопрос, он только поморщился:

— Ничего не понял.

Я посчитал, что говорил путано, и сделал еще одну попытку:

— У деда в тетради есть запись о молении Световидовом в Середке,— повторил я, пытаюсь быть предельно логичным.— Но он больше почти ничего не говорит. То, чему ты меня учишь, кажется, и есть моление Световидово?

— Ну, тебе лучше знать,— неожиданно для меня ответил Степаныч.

— Погоди, Степаныч, откуда мне знать?!

— Ну я же не читал твоих тетрадок.

— Причем тут тетради! А сам ты не помнишь, это называлось молением Световидовым?

— Может, и называлось, какая тебе разница? Я тебя делу учу, а тебя куда понесло?

— Интересно...

— Интересно, так работай. Почему тебе вместо дела постоянно болтать надо?!

— Ну хотя бы потому, что если это так, то это дает мне дополнительные образы для осмысления.

— Какие образы?

— Смотри, Световид — это тот, кто видит свет, и кто виден светом, как свет, то есть, и кого видит свет — и свет-мир, и свет-природу, весь белый свет и даже, может быть, кто видит светом!..

— Да, действительно...— задумался Степаныч,— очевидно, это тебе что-то дает... Кто тебя знает, может, это тебе даже важнее...— он еще подумал, встряхнулся и сказал решительно.—

Да, это — моление Световидово!

Эта решительность заставила меня усомниться в его словах, но я не рискнул больше приставать.

Степаныч научил меня, как "возжигать" это и другие ядра сознания, как видеть их у других (именно на этом видении основывалось старое офенское приветствие "Со светом по свету") и даже как входить в сознание другого при обучении, чтобы подправить вхождение в ядро или стогно. Но мне до сих пор жаль, что я оказался нетерпелив и задал вопрос про Световида. Если бы я дождался, чтобы кто-то из стариков сам его назвал, это было бы таким открытием!

Умение изливать свет из любого ядра или стога было потом закреплено теоретическими объяснениями следующего учителя — Дядьки. Но и он и Степаныч в основном показывали, как это делать осознанием. В отношении же гудошничанья и передачи света другому основную работу проделали Поханя и его жена тетя Катя, когда обучали пению.

Тут надо сразу сказать о том, что многое из показанного ими в то время мною никак не воспринималось как относящееся к пению. Все это совместились в более-менее цельную картину значительно позже. То же самое **прогуживание** я сначала воспринял как необычную подготовку плясуны к пляске — Поханя брал тетю Катю за руку и прогуживал ее через каждый пальчик, точно играл на свирели. Потом она плясала для меня какой-то плавный и очень сильный по воздействию танец, связанный, очевидно, с замужеством, потому что Поханя сказал про него: "По красоте плачет..." ("Красота" произносится с ударением на первом слоге). Сразу расспросить подробнее у меня не получилось, а потом все словно стерлось, я даже слов не мог подыскать, когда вспоминал этот

пляс.

Когда мы с Поханей ходили в лес, он учил меня **айкать**. Для меня это было интересно, потому что очень сильно напоминало те звуки, которыми охотники посылали за зверем гончих, когда я еще охотился. В айкании употребляется всего четыре слова: ай, ой, эй и поть. Из них создается весьма своеобразная мелодия. Начинается с громких повторяющихся: "Ай-Йай-Йай",— потом ты начинаешь частить,— "йа-я-я-я-я-я-я-я",— и без перехода выходишь на "Е-аааАааАааАААЙИ". Переборы в конце, которые я попытался передать чередованием прописных и строчных букв, означают своеобразный горловой перелив. Именно горловой, и Поханя неоднократно это подчеркивал, что его задача вообще — раскрыть горло. "Ой" поется сходно, только с тем отличием, что имеет свойство в конце переходить на ту же третью часть, что и у "ай". Эй' поется примерно по той же схеме, что и "ай", только сильно сокращая первую часть и почти сразу переходя к короткому перебору. "Поть" же состоит из двух частей. Сначала долгий перебор: "Поть-поть-поть-поть-поть-поть",— а потом сходное с завершением "ай" горловое: "По-о-О-о-О-о-О-о-О-о-О-О-ТьЭ". Другим названием для этого было "посыл".

Обычно он заставлял меня айкать, когда мы еще только выходили за деревню и шли полями. Это жутко неудобно, и я не мог это делать без смеха. Все время казалось, что кто-то услышит и посмеется. Тогда Поханя заставил меня **каркать** в ответ любой пролетающей или каркающей вороне. Я не сразу оценил это упражнение.

Пока бы вдвоем, гораздо легче издать любой "неприличный" звук, то есть звук, за который другие люди тебя могут осудить. Вдвоем у тебя всегда есть возможность оправдаться тем, что вы дурачились. Когда ты один, такое оправдание для тебя не существует. Нельзя дурачиться в одиночку. Дураком можно быть только в обществе других людей. Не задавались вопросом, что значит дурачиться?..

Когда я попробовал каркать в одиночестве, просто идя по лесной дороге, это стало потрясением. Горло мое буквально перехватывало чем-то, крутило в узлы, сжимало, звуки не шли, все время казалось, что сейчас из-за ближайшего поворота или просто из-за деревьев выйдет кто-нибудь и неодобрительно на меня посмотрит, а то и хуже!.. Только стоящая перед глазами картина того балагана, который из карканья устраивал сам Поханя, поддерживала меня. А он мог завестись и так раскаркаться, что все окрестное воронье тучей кружилось вокруг нас или же следовало за нами всю дорогу, перелетая с дерева на дерево. В одиночестве же в первый раз мне потребовалось часа полтора, не меньше, чтобы у меня получилось хорошее карканье, чистый горловой звук с опусканием в сердце, ядро и живот. Впрочем, карканье вещь сложная и, в зависимости от задач, которые ты перед собой ставишь, может перейти и в небный звук.

Однако обучение всему этому шло как бы походя, и только после моей просьбы научить духовному пению Поханя заговорил о ядрах сознания. Сказав мне в ответ на просьбу, что "сердцем я свечу" и, следовательно, помех нет, он словно усомнился в своих словах через какое-то время и сказал, что придется учиться **вабить**.

— Конечно, ты светишь, и сердцем и ярлом... но, если петь, тут еще сила нужна...

Что такое **вабь**, я знал еще по охотничьим временам. Вабить — это выть волком, чтобы подманить его. Но самому мне этого пробовать не приходилось, поэтому я буквально зажегся от интереса:

- Когда?

— Да хоть сегодня ночью!— ответил он, и они оба с тетей Катей засмеялись, глядя на меня,

— А ты знаешь, чего она смеется?— спросил Поханя.— Она ведь тоже вабит. Мы с ней еще и до войны, и после войны охотникам помогали, волков вабили.

— Тогда ж волков-то у нас много было,— закивала она в ответ на мой удивленный взгляд,— Зимой так прямо опасно было, до Коврова можно было живым не добраться...

— Моя Катя, вишь, в бою науку проходила!— еще раз засмеялся Поханя.

ВАБИТЬ

К вечеру мы втроем ушли в лес довольно далеко от деревни. Поханя выбрал интересное место — участок ползаросшей лесной дороги, подымавшейся на холм. Там, наверху, в сторонке от дороги мы

расположились, развели костерок, сварили чайку, в который тетя Катя побросала каких-то трав "для смягчения горла", и стали ждать луну. Они все посмеивались, что в округе опять будет множество разговоров о волках после этой ночи. Я лежал на старой фуфайке возле костра, а они привычно хозяйничали. Чувствовалось, что им приятно было вот так вот снова сходить в лес, посидеть у костра, можно сказать, тряхнуть стариной. Было тепло и очень спокойно, и все это случилось благодаря мне. Мне это все ужасно нравилось.

Как только сумерки более или менее определились и сквозь верхушки деревьев проглянула почти полная луна, Похання кивнул тете Кате, а потом пихнул меня в плечо:

— Ну, подите. Поучись сначала волчицей...

Мы отошли с ней на дорогу. Я с любопытством наблюдал за бабкой: вабить — это совсем не женское дело, по моим охотничьим понятиям. Она поставила меня справа от себя, чуть сзади, велела слегка подогнуть расслабленные колени и "отпустить", как они это называли, живот. Я расслабился и вошел в ее сознание.

Она немножко присела, обвисла, поднесла ладони ко рту и, словно подхватив что-то с земли, вдруг издала одновременно гудящий и воющий звук, начавшийся довольно тонко, потом поглубевший, словно расширившийся и легший на землю, а потом снова медленно и долго утоньшающийся почти до звона, и так и отпустила его протяжной длинной нотой в сторону луны. У меня всю кожу стянуло мурашками...

Она постояла, слегка покачиваясь, и раз за разом провела волчицей еще трижды. Где-то в деревне залаяли собаки. Меня знобило.

— Пойдем, погреемся,— предложила она, улыбнувшись, и перекрестилась. Я с удовольствием сбежал к костру.

Мы посидели у костра, попили чайку. Меня отпустило, и Похання велел мне попробовать повыть самому.

Мы ушли с тетей Катей на прежнее место, она показала мне, как стоять, как подносить руки ко рту, как пускать звук сначала по земле, а потом вскидывать его вверх к луне.

Я попробовал несколько раз и с какого-то мгновенья начал "чувать звук" — он заполнял сначала всю грудь, а потом подымался, но не в рот и не в горло, а словно бы в голову, и даже зубы звенели, когда задевали друг друга. Я даже поймал себя на мысли, что боюсь, как бы эмаль у зубов не рассыпалась.

Тетя Катя и сама еще несколько раз показывала мне вой, чтобы подправить и подстроить меня. Потом сказала:

— Хватит пока, лишку бы не было.

Меня действительно слегка мутило, и словно плыло что-то в голове. Мы вернулись к Похане.

— Ну что, Кать, натаскала нового вабильщика,— засмеялся он,— потянет на охоте?

— Да, поди, потянет,— улынулась она.— Волчицей. Меня почему-то слегка задело, что я оказался в какой-то

женской роли, хотя можно ли применять в том мире эти понятия?.. Пока я размышлял об этом, старики предались воспоминаниям о старых временах, и я отвлекся, хотя и решил напоследок, что обязательно научусь выть самцом. Кстати, так и не научился... Похання прекратил свои охотничьи байки только когда меня отпустило и предложил:

— Ну, ладно, а матерого хочешь? Я просто молча поднялся.

— А силенки хватит,— спросил он, вглядываясь во что-то во мне.

— А хватит?— переспросил я, отдавая ему право самому определить это, потому что действительно не имел понятия, сколько мне потребуется сил и на что.

Он подумал, потом предложил:

— Ну, давай еще немножко поговорим. Вот ты свет держать можешь в сердце...

Я тут же вспомнил то самое "моление Световидово" и "зажег сердце". Похання кивнул, глядя в меня:

— Ну, да. Это ты его зажигаешь... а можно гуднуть — звучать, то есть, заставить. И при пении сердечном сквозь него гудут, и при вабеньи. Ну, это, конечно, зависит от желания. Если волка подманить, можно и горлом... молодых, например. А вот если обернуться... да и просто других в пении удержать, чтобы не выпадали, тоже гудеть надо и сердцем и ярлом.

— Погоди, Похання,— прицепился я,— ты сказал обернуться?..

— Обернуться?— он сделал вид, будто не помнит или не понимает меня.

— Обернуться, обернуться!— настаивал я.

— Ну, ладно, потом... много чего старые люди рассказывали... потом. Может и сказал. Ты сейчас голос раскрывать пришел, так вот смотри, сердцем гудишь вот так,— он загудел, но тут же прервал, указав пальцем на горло,— Я начну отсюда и поведу вниз,— он провел пальцем по срединной линии груди до солнечного сплетения,— А ты следи в своем теле.

Он загудел. Сначала я просто слышал его гудение, потом вдруг почувствовал дрожь в собственном горле. Он набрал воздуха и еще подержал гудение здесь. Затем он начал медленно опускать палец с горла на грудь, и я действительно увидел, что звук начал опускаться в его теле вместе с пальцем. И что меня поразило, дрожь в моем теле тоже стала опускаться. Неожиданно для самого себя я открыл рот и стал негромко гудеть вместе с ним. Он кивнул мне, не останавливаясь. Звук медленно опустился за грудную кость и пришел как раз в то место, которое я зажигал светом, и которую Степаныч и Дядька называли Сердцем, а мой дед Середой. И тут же пространство вспыхнуло белесым светом и поплыло вокруг меня.

Какое-то время Похання удерживал звучание в Середке, а палец напротив этой точки, и мы гудели совместно, прерываясь лишь для того, чтобы набрать новую порцию воздуха. Затем его палец начал так же медленно опускаться ниже к солнечному сплетению. Это я уже, скорее, почувствовал внутри, чем увидел, потому что все вокруг вдруг начало меркнуть. Костер стал контрастным, словно нарисованный, а Похання то пропадал, то появлялся снова, но совсем с другим лицом каждый раз. Я скосил глаза, посмотрел на тетю Катю и чуть не потерялся: вместо нее за мной наблюдала молодая красивая девчонка, которой я боялся, потому что почему-то посчитал ее колдуньей... Но мысли мои тут же оборвались, потому что загудело и завибрировало солнечное сплетение...

— Матерый волк должен быть ярым и лютым,— услышал я слова Похани и понял, что уже какое-то время гужу один. Я тут же напугался, что не удержу состояние, и сорвался — голос стал колебаться, как пламя свечи, и не хватило воздуха. Я перевел дыхание и остановился. Обычное видение медленно вернулось ко мне. Довольно долго я боялся, что голова будет кружиться, и я упаду, но все обошлось.

— Ну, ладно,— сказал Похання,— наигрался?

— Да, вроде, хватит уже,— честно признался я,— Башка гудит... похоже, по завязочки.

— Тогда... — он посмотрел на тетю Катю, а потом подмигнул мне,— покажу одну вещичку... и идите домой тогда... по головешке возьмите только... чтоб темно не было в лесу-то.

— А ты?— спросил я, видя, что бабка молчит.

— Меня не ждите, я еще... поброжу... Пойдем.

Он вывел меня все на ту же дорогу и велел спуститься вниз.

Теперь луна была точно сверху над холмом, и его фигура была хорошо освещена на взгорке. Он приподнял руку и показал, чтобы я остановился. Я встал и почувствовал, что меня охватывает легкий трепет от наползающего ночного холодка. Похання постоял немного на освещенном яркой луной взгорке меж слегка шевелящихся серебристо-черных стен деревьев и поманил меня рукой. Я медленно и спокойно пошел к нему наверх.

Он не двигался, хотя словно бы стал пониже. Ничего не происходило, только вдруг у меня задрожало ярло. Я подумал, что это ночная прохлада пробрала меня, и попытался унять эту дрожь, но тут вдруг на меня обрушилась нарастающая волна жуткого волчьего воя. Я едва удержался на ногах, Идти вперед не было никакой возможности, и я замер, позабыв себя. Похання присел, пуская звук вниз по склону холма, а потом вой начал подниматься вверх, в небо, и у меня пришло ощущение, что я словно поднимаюсь вместе с ним, а пригорок уходит из-под ног. Я хотел понять это, хотел включить пропавший разум и начал бороться с охватившим меня страхом. Но в этот миг тьма словно взорвалась там, где стоял Похання, и он исчез. Просто пропал из глаз. А в следующий миг дорога была пуста и залита лунным светом. Кроме Похани все было по-прежнему: и холм, и деревья, и луна сверху... даже вой все еще звучал каким-то образом в пространстве! И он звучал, пока... у меня хватало воздуха. Только тогда я понял, что это мой вой! Почему-то я знал, что должен довести его до конца, удержал в этот раз колебания и из последних сил закончил, как учила тетя Катя.

Потом мы с ней еще посидели в молчании у костра, слушая, как со всех концов мира лают и воют деревенские собаки, и, так и не дождавшись Похани, побрели домой, дымя головешками. Я, честно говоря, еле волочил ноги.

По дороге до меня вдруг дошло, зачем Похання велел нам взять головни, и я, пожалуй, даже с возмущением, спросил у нее:

— Теть Кать! Так это мы на себя, может, всех окрестных волков созвали?!

— Ну,— возмутительно спокойно ответила она.

— Как ну?!— уже почти разозлился я, догадываясь где-то внутри, что ничего страшного в действительности не происходит, а я просто нервничаю от переутомления.

Она, видимо, поняла мое состояние и своеобразно успокоила меня:

— Ну, придут. Ты же айкаешь! Отправишь обратно.

— Как, как?! Повабил — позвал, поайкал — послал?

— А что ты, не хозяин в лесу, что ли?!

Тогда меня поразила сама простота ее подхода, но впоследствии я много думал над ее словами. Мне кажется, именно с них начался настоящий перелом в моем отношении к тому, чему я учился. До этого я, несколько лет общаясь с нашими русскими знающими стариками, видел не их, а каких-то замаскированных даосских или буддийских мастеров, даже не замечая за своим восприятием этой погрешности. А тут мне вдруг стало ясно, что за всем этим угадываются следы древнейшего магического искусства, имя которому Кобь, а родина — Россия! И пропала необходимость внутренне приукрашивать старичков, приписывать им для пущей важности и собственного оправдания чуждые им образы. Мне ведь очень хотелось, когда я к ним шел, чтобы скрывающееся за ними знание было сопоставимо с Востоком. А тут вдруг стало само собой ясно, что оно и в самом деле сопоставимо, но только совсем другое! Мы так привыкли к собственной культуре, что наш глаз отказывается различать в ее обыденности следы былого величия и подлинной древности. Нам, русским, нужно стать чуточку иностранцами или научиться пристально приглядываться к самим себе. А о коби надо говорить отдельно.

БАБА ЛЮБА

После памятных слов тети Кати у меня многое из узнанного за годы учебы начало укладываться по-новому, и, по крайней мере, хотя бы в какое-то подобие цельной картины. Первое, что вспомнилось в связи с пением, были знания о постановке голоса вообще. Я употребляю слово "постановка" условно. На самом деле меня учили и требовали от меня **сказывать**, что бы я ни делал в Тропе.

И Степаныч, и Дядька всегда говорили со мной сказывая, хотя я этого и не замечал, поскольку это была самая естественная и захватывающая речь, какую мне только доводилось слышать. Рассказ сказителя воспринимается сразу в образах, словно разворачивающаяся в твоём мозгу серия живых картин, своего рода объемное психическое кино, где ты к тому же и участник. И это отнюдь не просто "образность", то есть красочность повествования в ораторском смысле слова. В образности сказителя есть своя психологическая "механика". Их слова были частенько грубы, резки или даже невняты для стороннего слушателя. Но я всегда был захвачен любыми их словами, потому что они называли ими то, что в миг речения происходит в голове слушателя, то есть у меня. Иными словами, они облекали в слова ускользающее от тебя самого твое смутное мышление. Во время такого разговора постоянно присутствует ощущение, что сказитель всего на миг обгоняет тебя, высказывая то, что ты хотел бы сказать сам.

На языке Тропы это можно передать так: они разматывали **самокат** мышления сразу в двух головах — своей и собеседника. Поскольку самокат — это то, что в данный момент само рвется из тебя, но ты его сдерживаешь в силу привычки таиться, то такая беседа кажется проникновенной, захватывает и погружает не просто в самого себя, а в потрясающе интересного и неожиданного себя, который к тому же "болит". Сказанное сказителем становится не просто общим, это общее переживание. Способный сопереживать тебе произвольно признается внутренними защитами своим и пропускается в душевные тайники. После этого твое мышление наполняет его слова собственными смыслами и оживляет всеми имеющимися в его запасниках образами переживаний, да с такой силой оживляет, что ты в прямом смысле очарован!

Это может показаться похожим на телепатию, чтение мыслей или экстрасенсорику, но это не то. Они не читали мысли, их не интересовало содержание этого хлама. Они знали устройство мира и законы мышления, видели и чувствовали их так тонко, что могли говорить с человеком в соответствии с тем слоем сознания, в котором находилось в тот момент его мышление. У человека определенного общества и культуры все слои мышления уложены в самокате очень и очень сходно. При определен-

ном опыте и ясности сознания вовсе не так уж трудно говорить за человека его сокровенные мысли, и не только бытовые, которые он прячет, чтобы быть неуязвимым, потому что у него есть враги. Можно ведь рассказать и ту сказку, которую он носит в себе и скрывает, потому что у него нет друзей...

Это и есть оказывание. Но учился этому я все-таки не у дедов, а у старой знахарки и повитухи бабы Любы.

Меня направил к ней Дядька незадолго до своего ухода. Я уже был к тому времени знаком с Поханей, но к нему Дядька велел идти только после бабы Любы.

— Ну, это колдунья, не то что моя Нюра! — сказал он про нее.

Из-за этого я ехал к ней с легким трепетом, невольно вспоминая свой приход к Степанычу и описания мрачных деревенских колдунов из этнографической литературы.

Не было ничего даже близкого к этому. К бабе Любе я вошел легко и радостно. Она буквально растаяла, когда я передал привет от Дядьки и тети Нюры. А когда сказал, что я внук Екатерины Ильиничны, она заплакала и запричитала, что-то вроде:

— Подруженька моя дорогая!.., и на кого ты меня покинула!.., и как же мне жить-то горемышной!.. — но вдруг сама себя перебила, — Вишь, старая стала, никак, помирать собираюсь... — и вытерла слезы.

С этого дня я почти год был у нее желанным гостем, почти что внуком. Впрочем, у меня есть подозрение, что я действительно был им всем дальним внучатым племянником (для меня это звучит как: со-племянником — соплемянником), а они все были между собой в очень древнем родстве.

Баба Люба была родом из деревни Каличье Савинского района Ивановской области. Но еще задолго до войны переехала в деревню Дудорово, после того, как у нее сгорел дом и погиб в пожаре младший из сыновей. Во время войны у нее погибли еще двое сыновей и муж на фронте. Муж был из деревни Волотово. В начале шестидесятых или конце пятидесятых она погорела еще раз, ночью. Сгорела заживо вся оставшаяся семья, все дети. Всю свою жизнь баба Люба бабила — была повитухой. Ее и "бабой" звали не случайно, всех остальных звали тетями, как это здесь принято, несмотря на возраст. Она же сама смеялась, что ее и Любой неслучайно прозвали. Смерть всех детей стала для нее своего рода мистическим знаком, запретом на повивание. По народным понятиям, повитуха должна сама легко и много рожать здоровых детей. Смерть детей — плохой знак для повитухи. Поэтому баба Люба переехала еще раз — на другой край Ивановской области — в деревню Игрищи, и полностью отошла от повивания. Уже в восьмидесятых одна из подруг юности, оставшись на старости лет одинокой, пригласила ее пожить вместе. Баба Люба продала свой дом и уехала к подруге в Ковровский район в одну из деревень недалеко от Всегодич. Подруга померла, а баба Люба осталась жить в ее доме, даже "не переводя его на себя". Туда я к ней и ездил.

Меня прямо завораживали эти названия мест, эта магическая география родного края, которая соплелась с ее судьбой. Надо еще учесть, что Дудорово, как и соседнее Фефелово, где жили моя бабушка и тетя Шура, — деревни скоморошьего происхождения (от дударь — что одновременно дудочник и дурак, и фефел — тоже дурак). Она была единственной из моих старичков, кто сам начал рассказывать о своем прошлом. Я попался на это и попытался побольше расспросить ее о ней самой. Но она довольно жестко и определенно воспротивилась после того, как я попросил разрешения привезти магнитофон:

— Ну, вот еще! Придумал! Мне помирать скоро, а ты будешь меня беспокоить, господи помилуй! Слушай, что скажу, и не бери!.., раз Катин внучок...

Я понял впоследствии, что весь ее рассказ о себе имел целью лишь подготовить меня к правильному пониманию повивальной науки, и больше попыток стать этнографом не делал. Просто учился. Сначала бабить. И как это ни дико для меня звучит, я могу считаться повитухой по прямой передаче! Мы сейчас даже запатентовали бабы Любин способ родовспоможения. Странности судьбы! Но повивание — это особый рассказ. Для разговора о Духовном пении гораздо важнее рассказать о том, как баба Люба учила читать заговоры.

Первыми и важнейшими, если подходить к этому как к науке, являются заговоры охранительные, обережные, ограждающие самого знахаря и то, что он делает, от внешних помех. Самый простой и не вызвавший у меня возражений был:

Вокруг нашего двора
Каменная гора,
Железная стена,

Огненна река!
 Матушка Богородица!
 Укрой и огради своим
 Святым покровом!

Баба Люба учила меня и другим оберегающим заговорам, но послушала, как я их произношу, что-то прошептала с недовольным выражением лица и сказала, что мне не стоит учить остальные:

— Не надо эти... вот "Вокруг нашего двора" и читай. А эти не твои, нет, пустое!..

И я действительно даже не смог их толком запомнить. Я спросил бабу Любу, а можно ли мне рассказывать другим этот заговор.

— Рассказывай, а чего?— удивилась она.

— Ну, баб Люб, я знаю, многие знахари не рассказывают заговоры, потому что силу теряют. Заговоры перестают работать?

Она улыбнулась.

— Ну! Силу! Когда я тебе чего такое передам, ты и сам никому не расскажешь. Силу! Не в заговоре сила! Сила в тебе должна быть. Вот ты сколько ни старайся, у тебя те заговоры без силы будут!

— Почему?

— Потому что не твои! Или у тебя для них силы нету. А иной и не учился ничему, а делает чего-нибудь, и у него получается, говорят, сила сама заставила.

Я хотел было попытаться ее на эту тему, но она не позволила отвлечься:

— Ничего, не плачь — не горюй! Я тебя научу, как не терять силу. Ты только научись чувствовать свои заговоры, тогда пойдет с божьей помощью.

— А как этому научиться?

— Да ты знаешь. Ты всегда это знал. -Как?

— Да любой знает. Сразу же видно. Только себе не верят. Вот слушай, выбирай, который на сердце ложится,— и она прочитала подряд штук пять коротких заговоров-присушек.— Ну, которая твоя любжа?

Я пожал плечами.

— Ну, которая глянулась-то, которая сейчас перед глазами-то? Ну, прямо сейчас которая помнится?

Я назвал тот заговор, который действительно чем-то зацепил мое внимание.

— Ну, вот, а говоришь не знаешь. Вот.

— И все?!

— А ты чего хотел? Может, я тебя среди ночи на кладбище угулять должна была?— она засмеялась.— Меня в чем ни подозревали, я знаю, чуть ли не ведьмой считали... Ненависть, ненависть! Сами приходят, просят, а потом боятся, ненавидят! Не верят, что просто,— она даже прослезилась, но быстро вытерла слезы.— А нужно-то всего лишь слышать уметь, да говорить.

— Что говорить?

— Что?! Не что! Говорить надо правильно. Уметь сказать надо.

— Ты имеешь в виду само произношение?

— Ну, произношение! Сказывать надо. Вот — сказывать!— обрадовалась она, вспомнив слово.— Заговор читаешь, закличку, рожаницу водишь, сказывай. Следи, чтобы сказывалось. Тогда получится, тогда все как надо получится.

— Что значит сказывать? Баба Люба?.. Ну, я чувствую, что ты вкладываешь в это слово какой-то смысл, да? А я не понимаю.

— Ну да! Ну да!— подхватила она.— Конечно, смысл вкладываю. Вот давай почитаем.

И началась настоящая учеба. Она заставила меня выучить эти два заговора — бережный и любжу — так, чтобы я мог произносить их без запинки и не задумываясь. Как только это у меня стало получаться, она попросила:

— Ну, вот, вот так вот и скажи теперь на оградку-то! Не чти по памяти, а скажи заговорцем!

Я почесал в затылке, хотел еще почесать между лопатками, поежился, но посчитал, что это неуместно, и было уже раскрыл рот для чтения заговора.

— Нет,— остановила она меня,— а ты чего не почесался-то?

— Чего не почесался?— грубовато от неловкости ответил я.

— Ну, ты же хотел спину почесать! Ведь хотел?— прицепилась она.

— Ну, хотел,— признался я.

— Так ты давай чешись, сопли сморкай, перди, если хочется!— она засмеялась и подмигнула.— Лучше ты перед заговором пропердишься, чем вместо заговора пернешь!

Я понял ее, смущение оставило меня, я повернулся к ней спиной и попросил:

— Почеши-ка, баб Люб... да нет, нет, пониже, пониже, полевее...— мы с удовольствием посмеялись.

Однако это вовсе не было шуткой. По сути, в этом заключается один из важнейших принципов тропового, а может, и вообще народного очищения. Впоследствии тот же принцип объяснял мне Поханя, рассказывая, что кулачники выходили на бой "от чирья". Это значит, что пока ты "последний чирей на заднице не почешешь перед боем", ты рукавицы не одеваешь — иначе, ты будешь думать не о поединке, а об этом чирье. Это называлось "срезать хвосты" или "чистить перышки".

Тот же Поханя заставлял меня проделать еще одно очистительное упражнение для раскрытия голоса. Мне кажется, оно прямо вытекает из предыдущего, хотя и на совсем другом уровне. Обучая духовному пению, старики исходили из того, что поет в человеке Душа. Песня, пение — ее естественное состояние. Душа поет, и ее нельзя научить петь. Просто добавь ей голос, и это будет песня. По крайней мере, люди именно это и считают Песней! Нужно только убрать помехи, и тогда она запоет твоими устами. Как выявить помехи — ясно. Надо петь и наблюдать за сбоями. Это не вопрос для тех, кто знаком с Кресением. Но вот **что** петь!

Раз поет душа, то подсознательно предполагается, что петь надо, что называется, "душевные" песни. И рождается ложь. Петь надо то, что поется. Начинать следует с той песни, что сама вертится на уме. Это наверняка какая-нибудь дрянь, которой ты стыдишься, но она поется. А это значит, что твоя душа поет ее и плевать хотела на нравственность или приличия. Наши ожидания от души, что она должна петь что-нибудь "высокое и светлое" — всего лишь скрытая потребность занять более высокое место в обществе, поближе к свету и солнцу, которым чаще всего оказывается правящая личность — князь мира сего.

Душа на самом деле даже не поет, а звучит всем своим естеством, но, к сожалению, доступно ей не так уж много — все естество человека связано мусором. В ее распоряжении лишь крошечный гвор еще сохранившегося свободного сознания. Если и он будет загажен, про человека еще живого (то есть с душой) будут говорить: бездушный человек. Иными словами — человек без души для песни, хотя и с душой для зла. Поэтому нечего удивляться, что наши души поют какое-то дерьмо. Сколько места для души осталось, столько и песни! Хочешь, чтобы полилась настоящая песня — освобождай душу, освобождай звучащие пространства сознания.

Для этого придется сбросить стыдливость и выпеть из себя всю дрянь, которая просится на язык. Уверяю, как только вы это себе позволите, вы испытаете подлинное наслаждение. Более того, ваши слушатели будут радоваться вместе с вами, будто вы им подарили откровение! Я сам, помню, когда стал учиться петь у Похани, пел только: "Раз пошли на дэло я и Рабинович! Рабинович выпить захотэл!.." и "Протекала речка, через речку мост, на мосту овечка, у овечки хвост!" Хвост, кстати, у нее в конце песни отваливался. Изрядная дрянь из студенческой поры, но зато как покатывались мои старички! Когда ты поешь то, что действительно само идет из твоей души, даже если это хлам, люди вокруг радуются. Не всегда исполнению, чаще тому, что нашелся дурак, который сам себя не стесняется. Но радуются всей душой, потому что души всегда отзываются на встреченную душевность! Попробуйте.

По мере выпевания гвор поющего сознания будет расширяться, и начнут приходить все более широкие песни. Про наших предков, про прежних русских говорили, что у них раздольные песни. Это значит, у них были очень широкие души, то есть очень ясное сознание.

Баба Люба заставила меня сбросить весь ненужный хлам мышления и только после этого допустила к чтению заговора. Я собрался, набрал воздуха и с выражением начал читать, стараясь вложить в слова силу. Баба Люба замахала на меня руками и даже перекрестилась:

— Окстись! Бог с тобой! Ты чего воешь? Я даже немного обиделся.

— Ты чего думаешь, если ты озвереешь, так все вражьи силы от тебя со страху перемерут?

— Что не правильно?

— Да ты реवेशь, пугаешь. И врешь еще. Не думаешь так, врешь!

— Я старался.

— Ну, старался. И что, пожалеть тебя? Лобик не разбил, у-тю, мой маненькой! Сказывать надо. Спокойно читай. Видь!

— Что видишь?

— Не знаю... Вот ставишь оградку. Можно, конечно, видеть и гору и стену... Но такая ограда слабая получится. Это в пору деревенским бабкам, навроде меня... А ты должен саму защиту видеть, крепость крепить, как говорится.

— Крепость?

— Крепость ограды, крепость стены, саму ограду крепить должен видением. Не знаю, понимаешь?— с сомнением посмотрела на меня.

— Не знаю, может, понимаю...— так же с сомнением ответил я.

— Ну попробуй.

Я прочитал заговор по-новому.

— Получилось,— кивнула она.— Немножко совсем, однако, получилось. Сам чуешь?

Мне казалось, что я "чуял". Я действительно ощутил, как что-то будто изменилось в пространстве избы. словно воздух стал другой.

— А знаешь, почему получилось? Огненная река тебя держит. Это не видение твое крепость дало, а боль... Что-то у тебя с огненной рекой было...давно... Страшно? Боишься?

— Да нет,— неуверенно ответил я, думая о том, что в ее словах что-то есть, но очень трудноуловимое.

— Не помнишь, очень давно было?

— Нет,— ответил я в позволении, хотя не смог бы объяснить, откуда пришел ответ,— не так давно, перед приходом в эту жизнь.

— Ну вот, ну вот, и молодец, вот и умница,— она присела ко мне поближе и слегка приобняла, очевидно, из опасения, что я могу не сдержаться из-за этого воспоминания, и мне потребуется помощь. Но воспоминание не пришло. Слова пришли из какой-то моей глубины только потому, что за три предыдущих года мои учителя научили меня слышать свое прошлое, позволяя ему всплывать прямо к поверхности осознания. Впрочем, мне стало грустно и даже слегка тоскливо, но я уже в который раз утешил себя тем, что время этого знания придет, когда пробьет его час, и успокоился.

— Ну вот и ладненько,— погладила бабка мою руку.— Сейчас чайку поставлю, посиди пока...

И уже за чаем она закончила свой урок:

— Сила в голосе должна не от боли быть. Видеть нужно. Будешь видеть, сможешь любые заговоры читать, заклинания... даже сказки сказывать, может быть, петь...

— Не-е!— засмеялся я.— Петь, вряд ли. Медведь на ухо наступил!

— Не зарекайся,— остановила она меня.— Без голоса ты ничего делать не сможешь, а голос откроешь в себе — он сам тебя петь заставит... Чтобы сказывать, голос надо вычистить. Вычистить, вычистить, чтобы он совсем пропал словно... То есть, конечно, как же без голоса, но чтоб ты его не замечал. Вот когда ты заговор читаешь и врешь, ты сам сразу слышать голос свой начинаешь. Уж не знаю, красивым, аль нет, али стыдишься... главное, слышишь. Надо, чтобы голоса для тебя словно не было!

— Чтобы не отвлекаться на него?

— Вот. Главное то, что за голосом, сказ сам. А сказ придет, когда видеть начнешь, да не картины, не картинки рисуй, а крепость саму, силу ли... любовь казать будешь!..

Мне тут же вспомнилось, что украинцы называют сказки "казками" — то ли от слова сказывать, то ли от казать.

— Слушай себя почаще, как заговор читаешь, и следи — слышишь ли голос. Как голос пропадать начнет, считай, в стих вышел.

— В стих?— переспросил я, хотя мне объясняли это понятие раньше. Мне хотелось услышать бабы-любино объяснение.

— Стихоть начал, значит... стихия тебя слушаться начала. Тогда все, что говорить будешь, станет сказываться, люди заслушиваться будут... Опасно.

— Опасно? Почему?

— Соблазн. Сам поймешь, когда-нибудь. Давай лучше любже поучу!

— Давай! Только, баб Люб, ведь это грех!— пошутил я.— Ведь это же помимо воли!

— Ну, грех!— махнула она рукой.— Иной грех и взять на себя не грех. Лучше я их влюблю, чем он ее забудет, или она ему всю душу изьест. Я брала,— улыбнулась она не очень весело.— Брала! Ни разу не пожалела... Обидно только, когда приходят и зло на тебе срывают. У нас ведь всем до всего дело

есть! А все одна ненависть людская. Все от страха! Убить от страха готовы любого! Своего. Чужих-то они любят, хлебосольничают. Чужак им не враг! Вот бы своего затравить — это нас хлебом не корми! Баба Люба не однажды срывалась при мне на воспоминания о какой-то старой обиде, и у меня было даже подозрение, что пожары в ее жизни были неслучайными. Но она ни разу не согласилась рассказать об этом. Ей, как и Степанычу, тоже было некогда.

ВИДЕНИЕ

Понятие "видеть то, что говоришь или поешь" неожиданно вернулось ко мне с моим последним учителем и связало все годы ученичества в нечто целое, потому что напомнило и о первом учителе, Степаныче, и о его преемнике Дядьке. Всплыло это на обучении духовному пению, а привело к Очевидностям.

Мы сидели вечером у Похани и пели "Течет речка по песочку". Как и все, что пел Поханя, эта песня обладала особой силой воздействия. Что-то такое он делал, пока пел, что к концу песни полностью меняло мое состояние, но что, я никак не мог понять. Он посмеялся и сказал, что надо всего лишь видеть то, что поешь. Я почувствовал себя очень уверенно — это-то я знал после бабы Любы! Мы еще раз спели первый куплет:

Течет речка по песочку,
Бережочек точит.
Молодой казак, молодой казак
Атамана просит.

— Что происходит?— неожиданно спросил Поханя.— Ну-ка расскажи, что там происходит.

— Ну что...— пожал я плечами,— речка течет, казак атамана просит.

— Ага,— невнятно ответил Поханя, подумал и спросил,— Про пространство тебе объясняли?

Это было неожиданно, и я почувствовал себя словно на экзамене. Как я ни пытался применить знания, полученные у бабы Любы, они не работали. Пришлось лихорадочно вспоминать, что говорили мне про пространство Степаныч и Дядька. Про пространство говорили много, но в голове у меня это было очень разрозненно, поэтому я по ходу постарался свести свои знания к какой-нибудь системной формуле:

— Пространство — это пространство сознания, а физическое пространство — это простор...

Получилось весьма коряво, но Поханю это удовлетворило.

— Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!..— улыбнулся он.— Ну, так что здесь — простор или пространство?

— Сначала простор,— теперь уж не слишком уверенно сказал я,— потом пространство...

— Почему?— передразнил он меня, сделав растерянное лицо, но тут же ободряюще улыбнулся. Поханя, в отличие от Степаныча, никогда не издевался надо мной, и даже не обзывал дураком, как частенько делал Дядька.

Я молчал.

— Потому что ты картинки смотришь, а не песню видишь! Пространство — это мир. И вся песня мир. А кто его делает?

— Кто поет,— ответил я.— Хотя... пожалуй, нет. Мы ее берем из памяти, а там она уже сделанная. Похоже, сначала тот, кто мне ее спел, а потом я, когда пою.

— Да, можно сказать, тот, кто ее тебе спел, сделал этот мир для тебя. А теперь ты делаешь его для других, для слушателей... Даже если поешь для себя, ты можешь делать мир, а можешь войти в тот, что есть, и побродить там. Но тогда ты будешь слышать его голос. Даже сквозь свой. Значит, и тогда, и когда ты сам поешь, есть один человек, который делает мир. Значит, законы одинаковы?— я кивнул ему,— И законы эти — что ты ли, что другой — но вы творите пространства и творите своим видением!— я опять кивнул ему. Он усмехнулся и спросил.— Так что здесь с пространствами?

— Два пространства...— уверенно начал я и осекся, потому что почувствовал, что теперь ничего не понимаю.

— Три, три пространства,— очень спокойно сказал Поханя.— И ты делаешь только одно из них.

Не понимаю почему, но эти слова внезапно взбудрили меня. В них словно был ключик к тайне.

Поханя засмеялся:

— Ожил! Ты кого поешь-то?

— Как кого? Песню...

— Про кого?

— Про казака, про кого!..— и тут до меня дошло,— Ну конечно, три! Ведь человек же еще! Я пою казака!

— Ты делаешь пространство сознания казака,— подтвердил мою догадку Поханя,— а он делает все остальные пространства!

— Значит, речку он просто видит перед собой, а потом...— опять появился вопрос.

— Начни с того, что ты его видишь, ты смотришь в его пространство,— успокоил меня Поханя.

— Ну.

— Что он делает?

— Лежит на берегу и смотрит на реку?— предположил я.

— На реку? -Да.

— На реку?!

— Подожди,— вдруг сообразил я.— В простор!

— В пространство истинного Мира, в простор!— подтвердил Поханя.— А потом?

— А потом он видит Атамана — Подожди, подожди! Потом он вспоминает, потом он смотрит в пространство памяти!

Поханя даже ничего не сказал, он просто рассмеялся и повел песню дальше.

Отпусти же, атаман,

Отпусти до дому,

Знать, соскучилась, знать, намучилась

Милая Маруся.

Отпустил бы я тебя,

Долго ты пробудешь.

Ты напейся воды холодной —

Про любовь забудешь.

Пил я воду, пил холодну,

Пил не напивался!

На этом месте я прервал песню и воскликнул:

— Еще оно пространство памяти! Поханя кивнул не останавливаясь:

Любил девушку чернобровую,

С нею наслаждался.

Вот ведут, коня ведут,

Конь головку клонит.

Молодогова, чернобровогова

Казака хоронят.

Вот тут я пришел в замешательство. Ясно было, что пространство сменилось. Но что-то во мне сопротивлялось тому, чтобы признать его простором. Я колебался. Поханя прервал песню и ждал довольно долго, потом приказал:

— Перестань искать правильный ответ. Просто смотри в то пространство, которое делаешь ты!

У меня получилось не сразу. Пришлось подавить сомнения в самом себе и заставить не спешить. Я собрался и, успокаиваясь, начал все сначала — ощутил, что я смотрю в пространство сознания казака, который лежит на берегу... смотрит на реку... вспоминает разговор с атаманом... вспоминает свои воспоминания во время этого разговора, так сказать, свои аргументы... и как их отвергали... обиделся, и даже не сразу понял, что это и я обиделся, по крайней мере, чувство обиды явно зашевелилось

во мне, подталкивая к каким-то действиям... тут я заметил, что попался в чужие чувства, и уже готов мстить "всем этим гадам!"¹, и меня заколотило точно в ознобе.

— Лучший способ отомстить другим — это убить себя,— сказал я Похане, ощущая, что голос мой изменился.— Наказать их всех самоубийством! Хлопнуть дверью и бежать!

— И какое решение он принимает, раз осознал это?

— Он снова глядит на реку. Раз он снова глядит на реку... то есть в пространство настоящего Мира, получается... значит, он будет жить и драться за свою жизнь,— все в том же изменившемся состоянии произнес я одно из самых первых заклинаний, которому меня много лет учили на Тропе. Мне думалось о том, что Я еще много раз буду заново и заново понимать его смысл.

Течет речка по песочку.

Бережочек точит.

Молодой казак, молодой казак

Атамана просит!

Какое-то время я был точно в эйфории, но внезапно почувствовал чуть ли не тоску. Я прятал ее, сколько мог, но тут в избу вернулась откуда-то тетя Катя, и я не выдержал и спросил ее:

— Теть Кать, ну почему я такой тупой?!

Она только засмеялась и предложила покормить нас. В сущности, вопрос был обращен к Похане, и он это понял. Он движением руки отправил бабку и задумался.

— Это не ты тупой... Просто ты пока не различаешь видение и очевидности. Тебе говорили про очевидности?

Да, мне действительно очень много говорили про очевидности. Дядька чуть не неделю рассказывал мне про них, а Степаныч, проделывая всякие чародейские штуковины постоянно повторял, что я попадаюсь на очевидности. Степаныча я не понимал совсем, после Дядьки в моей голове осталась сложнейшая почти никак не связанная каша заумных понятий. Когда я его слушал, мне казалось, я все понимаю, но после вопроса Поханы вдруг стало ясно, что я не хозяин этим знаниям. Я начал копаться в своей памяти, но дед остановил меня.

— Потом, потом сядешь и повспоминаешь. А сейчас, значит, пора пощупать самому,— сказал он и начал освобождать комнату для борьбы.— Вставай, вставай в любки!

Любки, на любки — чисто Владимирское обозначение русского кулачного боя. Любая драка может идти "на любки", то есть не на смерть. Но то, чем владел Поханя, было вполне самостоятельным видом этого боя, возможно, с довольно древними корнями. Во всяком случае, его самого учили деды. Мы с ним частенько занимались любками прямо в этой горнице, поэтому я поднялся и встал напротив него.

— Давай, борись,— велел он.

Я начал осторожно приближаться. С ним я не рисковал действовать напропалую.

— Да ну! Чего ты ходишь?! Борись давай как следует — я не буду ничего делать. Ну, не расшибай только сильно, если бросишь.

Я понял, что он просто хочет что-то показать, и осмелел. Стараясь быть поточнее, я подобрался к нему и сделал захват правой за его левую руку поближе к плечу, как бы для броска через бедро. Точнее, мне показалось, что сделал, потому что, хоть он и не убрал свою руку, но моя словно провалилась сквозь пустоту и я повалился назад.

— Да не бойся, не бойся, хватай сильнее!— подбодрил меня Поханя.

Не понимая, как же это я так оконфузился, я вскочил на ноги и сделал захват левой за его правую, а правой за шею и упал сквозь все ту же пустоту вперед, едва успев подставить руки, так что даже отбил ладони об пол. Тут уж я понял, что что-то не так, и начал действовать с предельной осторожностью, но быстрее. И при каждом входе в захват оказывался в пустоте, которая хлестко била меня об пол. С какого-то момента я уже не надеялся провести бросок и бился лишь за то, чтобы не упасть, устоять на ногах. Мне все казалось, что теперь я понял и у меня получится. Но не получилось раз двадцать, если не больше. При этом сам Поханя даже не делал попыток меня не то, что бросить, даже подтолкнуть слегка. Он только смеялся, а потом начал спрашивать:

— Понял? Ну, понял? Видишь ее? Нет? Да?

"Ее" я не видел, но какое-то понимание у меня начало появляться. Наконец я не выдержал и спросил

его:

— Да кого видеть-то?

Тогда он отодвинулся от меня и показал на свою грудь, даже постучал по ней:

— Смотри! Плотная штука? Я кивнул.

— Потрогай!

Я потрогал, даже постучал по ней кулаком.

— Очевидно?

— Очевидно.

— А я тебе говорю, что это пустота! - Как?

— Так! Это и есть основная западня, в которую нас ловит мышление. Очевидность — это только человеческое мнение, а не закон! Не закон природы! Это твое личное право — верить в нее или не верить. Вот ты веришь, что тело плотное,— он еще раз постучал по груди,— и ты плотный. А я не верю! Я просто вижу пустоту — и я пустой! Я — пустота! Ну-ка возьми меня!— и он опять начал двигаться вокруг меня, и его тело исчезало, точно тая, из моих рук. В любках эта работа называется пустеньем, но говорить о ней надо особо.

В тот раз, вернувшись от Похани домой, я действительно долго просидел, вспоминая все, что мне говорили про очевидности.

ДЯДЬКА

Когда-то в детстве я слышал, как моя бабушка пела песню про "Девку-семилетку". Я вспомнил об этом только очень много лет спустя, когда ее спели однажды Дядька и его жена тетя Нюра. Пели они ее не совсем так, как звучала она у меня в памяти, а сейчас на Тропе ее поют тоже по-другому. Очевидно, песня бытовала очень широко, почему и известно так много разночтений. Чтобы было понятно, о чем речь, я приведу текст, близкий к тому, что пели они. Для начала разговора я воспользуюсь самым кратким из найденных мною вариантов. Это из собрания Шейна "Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п.":

Как по мосту, по мосточку

Шла девка семилетка,

За девушкой сын купецкой:

"Постой, девка семилетка,

Загадаю три загадки,

Изволь девка отгадати:

А что растет без кореньев?

А что цветет без алаго цвету?

А что шумит без буйнаго ветру?

— Растет камень без кореньев,

Шумит вода без буйна ветру,

Цветет сосна без алаго цвету [8, с. 213, № 813].

— Это, наверное, самая старая песня, которую я помню,— сказал я, вспоминая бабушку, когда песня отзвучала. Дядька не упустил возможности "запрячь меня в работу" и тут же спросил:

— А о чем она?

— О деревенской жизни, наверное...— не очень уверенно ответил я.

С этого и начался разговор об очевидностях.

Для полноты понимания мне придется добавить к песне недостающие в этом варианте куски. У того же Шейна другая запись заканчивается словами:

"Отгадала ты, девица, отгадала,

Уж и быть за мною, быть моей женою".

Этот вариант записан Афанасьевым, и открывает в сборнике Шейна раздел "Песни-загадки", вероятно, из-за своей эпичности, а значит, вероятной древности. Есть смысл привести его [8, с. 213, №

812]:

"Загадать ли тебе, девица, шесть загадок?"
 — Отгадаю, сын купеческий, хоть десяток.
 "Уж и что это, девица, краше лета?
 Уж и что это, девица, выше леса?
 Уж и что это, девица, чаще рощи?
 Уж и что это, девица, без коренья?
 Уж и что это, девица, без умолку?
 Уж и что это, девица, без ответу?"
 — Краше лета, сын купеческий, красно солнце,
 Выше леса, сын купеческий, светел месяц,
 Чаще рощи, сын купеческий, часты звезды,
 Без коренья, сын купеческий, крупен жемчуг,
 Без умолку, сын купеческий, течет речка,
 Без ответу, сын купеческий, судьба Божья.

Что сразу бросается в глаза — это стилистическое и смысловое сходство с духовными стихами и "Голубиной книгой". Я бы уточнил это мое ощущение словами составителей сборника русских народных духовных стихов XI—XIX веков "Голубиная книга" Солощенко и Прокошина: "Многие из "первообразов" древних духовных стихов наверняка не сохранились. Традиция отбирала и шлифовала лишь то, что в любых условиях жизни отвечало не всегда осознаваемой потребности в вечных ценностях" [9].

Как проговорит Володемир князь,
 Володемир князь Володемович:
 "Ино ой же еси, сударь,
 "Перемудрый царь Давыд Евсеевич!
 "Ты скажи-ка-ся нам, проповедывай:
 "Отчего зачался у нас белый свет,
 "Отчего зачалось солнце красное,
 "Отчего зачался светел месяц,
 "Отчего зачались зори ясные,
 "Отчего зачались звезды частые,
 "Отчего зачались дожди сильные,
 "Отчего зачались ветры буйные?"

Я привожу этот отрывок из Бессоновских "Калек переходных" по книге Федотова "Стихи духовные" [10].

По сути, сопоставляя народные песни с духовными стихами, я хочу лишь подчеркнуть не такую уж новую для науки мысль — выплеснувшийся в духовных стихах поиск ответов на Вечные вопросы об устройстве мира имел свою предысторию в дохристианской народной культуре. Основой духовных стихов послужили так называемые апокрифы — "отреченные книги" первых веков христианства на Руси. Вот что пишет о них историк Клибанов: "Апокрифы сами суть продукт преломления христианства через призму "языческого" мировоззрения". В них — "так называемое "двоеверие", оно же "бытовое" христианство, восточное и западное, представляющее собой переработку христианства в духе народного миропонимания" [11].

Чей поиск выше, для меня совершенно неважно, и язычество для меня здесь лишь символ древности этого поиска. Ясно одно, вопрос об устройстве Мира — отнюдь не привилегия интеллигенции. Он был органично присущ самой русской народной культуре. И второе — вопрос этот, похоже, не был умозрительным философствованием на досуге. Есть основания считать, что он был прикладным на уровне устройства сельской общины!

Для того чтобы это доказать, мне придется привести еще тексты. Во-первых, в некоторых вариантах песни о "Семилетке" вместо купеческого сына появляется совсем другой человек — старик (привожу

этот отрывок на память):

По муравце по зеленой
Бяжит девка-семилетка,
А за нею старый дедка.
"Постой, девка-семилетка,
Загадаю три загадки.
Отгадаешь — умна будешь,
Не сгадаешь — дура будешь!"

Во-вторых, нам придется заглянуть еще и в мир "неразрешимых или трудных задач":

В реке девка платье мыла,
Звонко колотила,
Звонко колотила,
Сухо выжимала.
"Душечка молодчик!
Сошей мне башмачки
из желта песочку."
— Кралечка девица!
Напряди-ка дратвы
из дождевой капли.
"Душечка молодчик!
Сошей-ко мне платье
Из макова цвету,
Прострочи-ко строчку,
Не прорви листочку."
— Кралечка девочка!
— Напряди-ка ниток
Из белого снегу [8, с. 215, №.-819].

То же самое мы видим в сказках про "Семилетку", которая отвечает на все неразрешимые задачи царя подобными же ответами и становится "умной", то есть царицей. Но это не единственные сказки об испытаниях семи-восьмилетних девочек. Я потому и использовал слово Мир, говоря о трудных задачах, что весь фольклор буквально наполнен этим и в отношении мальчиков, и в отношении девочек. Начиная с духовного стиха о Егории Храбром и кончая Афанасьевской "Василисой Прекрасной", все говорит нам о том, что русский крестьянский мир обладал своей вполне осознаваемой и глубоко разработанной педагогической системой, очевидно, уходившей корнями в древние инициации или институты жреческого ученичества типа ведической Упанаяны. Память о ней со временем разрушалась, и все виды переходных испытаний постепенно смешались в народном представлении в нечто единое. При этом мы явно видим в этих сказках и песнях два вида испытаний для девочек: испытания совершеннолетних и испытания семилеток. Признанные совершеннолетними выходят замуж. Подобные обряды и ритуалы описаны достаточно подробно. Но семилетних замуж не выдавали. Значит, в этих песнях и сказках о семилетках следы еще одного обряда-испытания. О чем же песня?

Это было давно и очень для меня сложно. Я не в состоянии вспомнить точно слова Дядьки и частенько вынужден буду передавать его мысли своими словами. Но с чего началось, я помню точно:

— Как по-твоему, почему девка будет дурой?— спросил он меня.

Я даже пришел в замешательство, настолько ответ казался очевидным:

— Но там же все сказано... Не отгадаешь...— я пожал плечами и развел руки.

— Как на экзамене?— подмигнул он мне.— Не ответил, оценки плохие — значит, не умен?

— Ну, в общем, да.

— А не обидно?— задал он вопрос, которым снова поставил меня в замешательство.— Что? Все справедливо? Хорошие оценки, значит, умный, плохие — дурак.

— В общем, да,— повторил я.

— Ты действительно дурак. Ты путаешь причину и следствие. Если ты дурак, то у тебя будут плохие оценки. А сами оценки к тебе не имеют отношения, оценки — это не твое качество!

Я согласился.

— Так с какой стати девка будет дурой, если не ответит на вопросы?

— Ну да! Если она умная,— обрадовался я новому пониманию,— так она умная — ответит или нет! А если дура, так дура!

— Молодец,— похвалил Дядька.— А зачем дед тогда их задает?

— Какой-то экзамен, все-таки,— ответил я, подумав.— Наверное, все-таки проверяет, умная она или дура.

— Значит, он ошибся и неправильно задал вопрос? Значит, ему надо было сказать: дай-ка я тебя проверю?

— Ну, что-то типа этого...

— Это простые люди, они — что видят, то поют,— безапелляционно заявил он и замолчал.

Сначала я ждал продолжения, потом понял, что он ждет чего-то от меня.

— Ты хочешь сказать, что он сказал то, что хотел сказать?— наконец дошло до меня.

— Да, но там не хватает одного слова. Он его выпустил. Просто потому, что всем, кто тогда был рядом, все было и так ясно. Для всех своих это очевидно, а для нас теперь непонятно. Какое слово он выпустил?— он подождал, ожидая от меня ответа, потом сказал сам.— Не сгадаешь, дурой будешь **счи-тать-ся!**

— Считаться...— непроизвольно повторил я за ним и тут же спросил.— Кем?

— Вот это вопрос! Это уже хороший вопрос! А как по-твоему?

Я отрицательно помотал головой — ответ был на языке, но как-то расплывался, и я не мог найти точного слова.

— Всеми своими,— выручил меня Дядька,— Наши должны знать такие вещи, как "Отче наш"! Знаешь, что сделало нас людьми? Не речь и не прямохождение. Свойство! Не будь свойства, мы могли бы быть зверьми или богами... ну хотя бы святыми — это же тоже не люди — но мы сделали выбор! Мы должны быть такими же, как все наши — люди. Это страшный выбор, не выберешь правильно — и тебя убьют. Хотя бы затравят. Свои имеют право убивать чужих. В этом суть свойства. Вовсе не во взаимовыручке. А тайна свойства... у свойства есть тайна! Тайна свойства в ее ответах. Ты обратил внимание, как легко она отвечает? Что растет без корней? Камень! Для тебя камень растет без корней? Нет, не растет. Он для тебя вообще не растет. А для нее растет!

Теперь ведь даже дерево не так растет, а когда-то и камень был живым. Думаешь, почему бабам не велят на камнях сидеть? Брюхо надуть может,— он засмеялся.— Ты присмотришься, как она отвечает. Для тебя камень растет? -Нет.

— Это очевидно! А для нее?

— А для нее очевидно, что растет!

— Так что за экзамен он ей устраивает?

— Похоже, он проверяет, знает ли она очевидные вещи...— еще не совсем уверенно ответил я.

— Да!— подхватил Дядька,— Вот это и есть тайна свойства. Свои — это те, кто живет в одном мире, в нашем мире. А это значит, видят мир одинаково. Настоящий мир нельзя видеть одинаково. Он только для тебя! Его, правда, можно видеть настоящим... Но зато его можно заменить миром из одинаковых очевидностей! Тогда он называется Лопоть.

Я помню, что следующей мыслью, буквально потрясшей меня, было, что если это так, то мы живем в придуманном, иллюзорном мире. Я ее едва не высказал, но осекся в последний миг, когда понял, насколько избитым является мое откровение. Потом мы несколько вечеров посвятили обсуждению этой темы. Я постоянно возвращался к ней и задавал вопросы, а Дядька рассказывал.

ОЧЕВИДНОСТИ

Дорога в сказку лежит через неведомое, через тайну, но на пути к ней стоит очевидность. Очевидность внушает ищущему: погляди, здесь все так ясно, что никакой тайны просто не может быть! Тайна где-то там, но только не здесь. Это так очевидно, что даже скучно! И при этом именно она-то, эта самая очевидность, и является входом в неведомое. Надо только усомниться!..

Мы не можем понять законы этого мира именно из-за очевидности того, за чем они скрыты. Действие или эффект настолько очевидны, что никакой возможности усомниться просто нет! Однако, очевидно то, что стоит как образ перед глазами, а не сами скрывающиеся за образом вещь или явление. Образ же мы создаем сами, когда познаем это в первый раз. Но при первом столкновении с **Неведомым** глубина нашего познания ограничена *достаточностью для достижения цели*, то есть решения задачи, которую мы перед собой ставили. А задача эта чаще всего очень конкретна и ни к какому познанию как к таковому отношения не имеет. Познание происходит попутно, как нечто второстепенное на фоне бытовых целей. В итоге оставшийся образ поверхностен, но именно он теперь для нас всегда с очевидностью характеризует явление.

Надо сразу оговориться, что это самая простая, условно говоря, элементарная Механика мышления, основание, на котором будет выращена целая система очевидностей, составляющая наш Образ мира. Но для этого в процесс придется вмешаться более сложному уровню человеческого мышления — мышлению Свойства и отобрать "стандартный" набор очевидностей для всех "своих", то есть членов определенного сообщества.

Из всех "механизмов" ума очевидность не случайно становится этим основанием для общения с миром. Она есть отражение на уровне мышления *основного принципа ведая*— *непосредственного видения, знания*. Да она и есть видение, но искаженное. Искажение происходит не в "механике" ума, а на уровне постановки задач. *С измельчением целей автоматически мельчает глубина восприятия мира*. И ты погружаешься в плотный слой **обычного**, того, чем живет общество, то есть свои. Очевидность — норма существования обычного человека, человека обычая. Очевидность на самом деле есть подмена жизни, та броня, что не подпускает к ней. И то, как не подпускает, тоже своего рода механика доступная изучению.

Мы можем говорить о **Мире очевидностей**, являющемся основой для Мира случайностей. Мы, люди, совершаем множество суетливых движений. Это множит случайность, непредсказуемость, бессвязность нашей жизни и нашего мира. Но за этим маревом непредсказуемого, случайного стоят **законы** мира, на которые мы своими случайными движениями никакого воздействия оказать не можем. Более того, когда нам нужно совершить Поступок, мы вольно или невольно обращаемся к действиям, предписываемым законами. Тогда это действие становится неслучайным и в силу этого ведет к движению и изменению нашего положения в мире. Вся остальная суета, какой бы быстрой и обильной она ни была, ни к каким изменениям не ведет. Это осознают все люди хотя бы на уровне ощущений и стараются опираться на законы, как на источники настоящей силы. Но вот найти эти источники удается далеко не всем.

Как проявляются законы мира для нас? В виде того, что бесспорно. Вот это качество бесспорности и шутит с нами злую шутку с названием человеческая **доля**. Законы бесспорны потому, что ты ничего не можешь с ними поделать, они есть и их не оспорить. Общество же, общественное мышление создает целую категорию явлений сознания, с которыми не принято спорить, потому что они сами собой разумеются! Само собой разумеющееся и есть очевидность. Но само собой разумеющееся разумеется без тебя! Более того, даже без разума! Оно жестко связано с разумом по принципу его обязательного выключения там, где обнаружит. А это означает, что разум не применим к Очевидностям. Очевидности нужно знать помимо разума. Но что такое разум, и как знать помимо него?

Разум — это способность ума познавать мир, изучать познанное, делать из этого выводы и принимать решения о действиях. И все это в образах.

В отношении очевидностей это не работает. Экономичнее, как говорили в Тропе, рачительнее извлечь готовый образ из памяти, а не из восприятия. Исследовать же очевидности настолько напрасная трата времени, что гораздо проще и выгоднее помнить все очевидности своего мира, как своего рода таблицу умножения. Иначе говоря, применять **принцип Само-собой-разумения** — это значит *действовать бездумно в целях экономичности*.

Проверки разумом очевидностей делались так часто и приводили к настолько повторяющимся ответам, что общество (общественное мышление) считает бессмысленным повторять их и даже осмеивает подобного исследователя как глупца, **дурака**. (Тема дурака, пожалуй, требует специального исследования с точки зрения Науки мышления).

Однако, однозначность очевидности подтверждается только множественностью проверок ее другими людьми, постоянно приводивших к одному и тому же результату. Это означает, что если за очевидностью и прячется какой-то закон, то никого не интересует, могут ли у него быть другие проявления. Попытки их поиска осуждаются на основании того, что многие пытались, и ничего не вышло!

Иными словами, в основе очевидностей лежит общественное Мнение, которое должно управлять не только поведением людей, но и расходом их сил, чтобы силы эти не разбазаривались зря, а шли на поиск **пользы** для общества, для своих. То есть на достижение **смыслов**, потому что основной вопрос осмысления — это: что это мне дает? Какова польза?

*Очевидности — это узлы сетки осмысления Мира, закрепленные общественным знанием и охраняемые общественным мнением. Иначе, это те основы, на которых зиждется наше **мировоззрение** или наш Образ Мира.*

Очевидности лежат слоями образов, прикрывая узлы сетки смыслов, которую "умный" человек может прозревать. Еще глубже, под сеткой смыслов, спрятаны законы мира, которые в общем-то есть основа для смыслов. Но видеть их сквозь все эти слои не под силу и "умному" человеку. Какова механика этих искажений?

Если мы бросим камень, он упадет на землю. Падение камня неизбежно. Является ли это смыслом? Нет. Камень падает бессмысленно, но закономерно. В его падении проявляется закон притяжения земли или, для народного понимания, закон тяжести: тяжелое падает на землю — его тянут тяги земные!

Итак, тяжелое падает на землю. Это очевидность. Как этот кусок очевидностного связывается с узлом смыслов? **С-мы-сл**-ивание происходит, если мы пытаемся связать это с человеком, с людьми, то есть с "мы", задавшись вопросом: а что это значит для меня, для людей?

И ответ примерно таков: тяжелое падает на землю, значит, не маши руками — не взлетишь! Не прыгай с обрывов и крыш — убьешься! Не птица — не полетишь и не мечтай! Ну, если хочешь, мечтай, но попыток не делай, если жизнь не надоела! *Уже проверено дураками!*

Смысл обладания знанием скрытого за очевидностью в том, чтобы быть умным и не делать глупостей, что означает всего лишь — не тратить силы зря. Именно этот выбор и предлагается Девке-семилетке: согласна ли ты жить, как все... умные люди. Умные, как это ни странно, оказывается синонимом своих, а Дурак — это человек чужой, странный (отсюда — иностранец). А если учесть, что основные значения слова скоморох — веселый и дурак, то можно в определенном смысле говорить о скоморошестве, как о своеобразном посвящении в дураки, то есть в странные, иные, иноки русской деревни.

Умный человек, благодаря своему выбору, вместе с очевидностями обретает и иерархию ценностей своего общества, иначе говоря, он обретает свое **место в мире**, а заодно и систему/предписаний, как его достигнуть, занять и удерживать. Говоря современно, он запрограммирован с этого момента на всю жизнь. Он теряет **свободу**, но обретает **покой**, как ему кажется. На Тропе таких людей называли покойниками, а сквозь обличье умности и свойства видели отсветы древнейшей битвы мироздания — между **добром и злом**. Хотя бы потому, что задача очевидностей — отучить человечество думать.

Есть нечто в очевидности, что делает ее потрясающе сильной. Она чуть ли не единственное, что не требует доказательств, рассуждений и даже осмысления, потому что давно осмыслена. Осмыслена тогда, когда стала известна. То есть восприятие очевидности происходит сразу со всеми ее связями. Но как она воспринимается?

Как кажется, зрением, очами. Почему это дает им такую силу и непрекращаемость?

Вероятно потому, что у нас нет другого источника знаний о мире, который был бы точнее и полнее, чем зрение. Иными словами, мы зависим от зрения и за это как бы сдаемся ему, платим очень дорогую цену за его услуги — отдаем ответственность за свою жизнь. Что-то типа межличностного общения, но с собственным зрением: "Ну, раз ты мне не даешь выбора, так я буду тогда во всем полагаться на тебя! Но уж тогда, если ты меня подведешь, так это значит, такая жизнь вообще невозможна!" Мы как бы хотели жить по-другому, не завися от зрения в такой мере, но нас словно бы силой засунули в такое состояние, не предоставив выбора, и мы обиделись и специально излишне положились на этого помощника, чтобы он нас подвел. И если это случится, мы обретаем возможность покончить с такой жизнью и затребовать себе более выгодные условия: ведь я же отыграл на ваших условиях, отмучался! Теперь конфетку!

Подтверждением этого, на мой взгляд, является то, что большинство людей отказываются искать другие возможности для восприятия мира. А зачем? Для целей земного существования, то есть для целей этой моей жизни, хватает. Только помнящие и о других жизнях пытаются восстановить свои истинные способности.

Какова же механика очевидного?

Очевидно, что это меньше, а это больше.

Это светлее, а это темнее.

Это острее, а это тупее.

То есть очевидны, в первую очередь, *качества* вещей. Вещи этого мира сравниваются по качествам. И те качества, которые воспринимаются зрительно, сравниваются с помощью понятия "очевидно". Те же, которые надо сравнивать с помощью других органов восприятия, сравниваются с помощью словесных формул типа: само собой ясно, само собой понятно — из разряда само-собой-разумения или же: это чувствуется, это ощущается. И даже: возьми и попробуй!

Но тут мы приходим к условности языка. Допустим, то, что один раствор явно солонее другого, лишь тогда становится само собой ясным, когда мы договоримся о значении слова "соленость". По мере условности подобные понятия близки к понятию "правое-левое".

Допустим, некто, не знающий различия правого и левого, задает знающему вопрос:

— Какой рукой ты держишь ложку? Знающий ответит:

— Правой.

— Почему ты считаешь, что правой? — может продолжить незнающий.

И тогда вполне возможен ответ:

— Посмотри и сам увидишь!

Но если незнающий будет продолжать допытываться, знающему ничего не останется, кроме как начать договариваться:

— Смотри — эта рука называется правая, а эта левая. Запомнил? Ну-ка скажи мне теперь, в какой руке ты держишь вилку?

Итак, с момента, как только человек это запомнит, понятие "правое-левое" станет для него очевидностью. Почему? Потому что это то, что никаким разумом не распознается, а может только, как данность, храниться готовым зрительным образом в памяти и *распознается только в памяти!* Точнее, извлекается из памяти как образ-ярлык, заплатка, наклейка, которая нашлепывается на явление природы или вещь, сразу неся и все свое смысловое окружение со всей остальной картиной мира этого человека. А чтобы этот образ обнаружить в памяти, его там надо увидеть. Что означает, что очевидное видно отнюдь не в природе, не в окружении человека, а в его внутреннем видении. И видят очевидности отнюдь не глаза, что означает, что очи — орган не физический.

Ты глядишь на *явление мира* и *знаешь, что это величайшая тайна*, потому что оно недоступно твоему разуму. Но это означает, что дальше ты не можешь жить, поскольку ты в замешательстве. А жизнь не ждет! И тогда ты обращаешься внутрь себя и находишь в своей памяти образ того, как надо обращаться с подобными явлениями. Точнее, как принято в нашем обществе разгадывать такие загадки, чтобы прервать замешательство.

Что же такое очевидность? *Это мостик, который человеческое мышление перекидывает через дыры в Образе Мира, через провалы в неведомое, в тайну!* Можно сказать, что это двери в иные миры, миры, где наше мышление не применимо, и куда опасно соваться, как считает житейская мудрость человечества.

Не ходите, дети, в Африку гулять! Это заклинание звучит над землей уже много тысячелетий, вероятно, с момента рождения человека современного. Ну, а если все-таки идти, то надо быть готовым. Готовым к чему и как? С этого вопроса заканчивается обычай и начинается магия.

Очевидности — мостики над неподдающимся познанию — дают возможность продолжить мышление, а значит, и существование. Это их прямая задача. Но есть и нагрузка. Каждый народ применяет очевидности. Однако, поскольку очевидности не связаны с законами природы, то есть с истиной, и даже скорее призваны перекрыть эти законы, лечь поверх их заплатками, то их содержание становится необязательным. Лишь бы только они осуществляли задачу мостика — связывать разорванный поток мышления. А это значит, что каждый народ может позволить себе создать свой набор очевидностей, отличающийся от очевидностей других народов для тех же самых явлений природы. И тем определить своих и выделить себя из чужих. Иначе говоря, набор очевидностей народа становится орудием определения свойства и, следовательно, должен вводиться в мировоззрение "наших" с самого детства и проверяться на всех возрастных экзаменах-инициациях.

Очевидности впитываются членом общества в несколько этапов. Первый можно назвать бессловесным или детским. Дите познает мир телом, оно как бы осваивает сам образ человека, который избрало для будущей жизни. Загадки-задания, которыми оно проверяется в этот период, отражены в так называемом детском фольклоре. Это всяческие пестушки, потешки и прибаутки, цель которых — обучить и проверить, как ребенок владеет телом. Например, рассказывая про Сороку-белобоку, младенцу поочередно загибают и разгибают пальчики, так что он начинает их узнавать и

использовать осознанно.

Когда ребенка учат ходить, задают вопрос:

— Ножки, ножки,

Куда вы бежите?

— В лесок по мошок:

Избушку мшить,

Чтобы не холодно жить [12, с. 115].

Или ребенка заставляют плясать, держа за ручки:

Аи, деточка, попляши,

Твои ножки хороши,

Нос сучком,

Голова крючком,

Спинка ящичком [12, с. 114].

То же самое относится и ко всем известным "Ладушкам", которые, если их выполнить со всеми полагающимися движениями рук ребенка, являются просто великолепным детским оздоровительно-гимнастическим комплексом. И всюду один и тот же принцип — задание или вопрос — обучение или проверка усвоения. Я ограничусь этими примерами, потому что материал тут настолько огромен, что требует отдельной большой статьи.

Заканчивается первый этап с признанием за ребенком пола и первым постригом-посвящением в мальчики или в девочки. В традиционной культуре это происходило приблизительно в два-три года. Можно считать, что этим признавалось, что ребенок сдал экзамен на человека. Теперь он еще должен был стать своим.

Этому посвящен следующий возрастной этап до семи лет. В загадках ему соответствует основной корпус вопросов об устройстве мира. Причем, если взять загадки древние, условно говоря, этнографические, то бросается в глаза, что они неразрешимы. Их может отгадать только тот, кто знает ответ. Это загадки об устройстве Нашего, Своего мира! Это инструмент народной педагогики, с помощью которого воспитывались и проверялись на знание очевидностей свои. Кстати, количество загадок во всех традиционных обществах ограничено всего несколькими десятками. Очень вероятно, что это означает, что для проверки на свойство нужно знать всего несколько десятков очевидностей об устройстве мира. С чем это связано — с тем, что мир был "проще", или же изустное знание мифологии и фольклора заменяло излишние проверки?

Приведу для примера несколько традиционных загадок из статьи Цивьян "Отгадка в загадке: разгадка загадки?" [13]:

Сам жилистый, ножки глянцые, голова маслина = Лен. Я, Петров, имею восемь углов, четыре уха и два брюха = Корзина из лыка для хлеба и сена.

Стоит дед с милу длины, с версту толщины = Печь.

Я умышленно расположил загадки по степени возрастания свойства и убывания возможности искать ответ, вспоминая реалии жизни. При этом еще надо учесть, что русские загадки отразили все-таки стадильно довольно поздний этап развития общественного мышления. Среди загадок охотничьих народов запросто можно встретить что-нибудь типа: Белый старик трубку не курит = Луна; и т.п.

Обучение свойству и знанию очевидностей "устройства мира" происходит уже не индивидуально. Ребенок оказывается в игре, а с определенного возраста и в хороводе, где понятие "видеть — узнавать как правильное-неправильное" закреплялось порой даже с жестокостью через насмешку и издевку. Не буду останавливаться на этом слишком подробно, приведу только один текст из второго выпуска журнала "Живая старина" за 1902 год. Это песня "про невозможное", под которую казаки Восточного Забайкалья плясали пляску "Парочка".

Где это виданное,

Да где это слыханное,

Чтобы курочка бычка принесла,
 Поросеночек яичко снес,
 Тутусеночек за печку унес,
 Кобыла цыплят выпарила,
 Жеребенок раскудахтался,
 Безрукий яйца покрал,
 Голопузый за пазуху поклат,
 А глухой-то подслушивал,
 А слепой-то подглядывал,
 А немой караул закричал,
 Безногий на побег побежал! [14]

Именно этот экзамен-посвящение и описывает песня о "Семилетке", в которой появляется старик. Но когда семи-восьмилетняя девочка решает трудные задачи Бабы-Яги или Морозко в сказках типа "Василисы Прекрасной", мы видим задачи другого типа. Это явно экзамен, но в нем появляется кое-что новое, кроме знания "устройства мира". В. Я. Пропп считал, что задача этих испытаний — проверка **добродетелей**, которые позволяют овладеть магическими силами. Но что такое добродетели? По сути — это всего лишь соответствие личности определенным требованиям общества. С психологической точки зрения, смысл этих испытаний — проверить, знает ли отрок, как поступать *правильно*. Правильно, значит, в соответствии с **Правилами**. Знание же правил, правильность поведения и есть основной признак свойства, регламентируемый следующим типом очевидностей — очевидностями поведения или добродетелями. И это, на мой взгляд, следующий этап народной педагогики. Сказка, описывая семи-восьмилетних девочек, просто стянула в один узел два посвящения-экзамена.

Следующий этап в обучении и познании Мира совпадает с подготовкой к браку и идет с семи-восьми до двенадцати-пятнадцати лет. В древности брачный возраст был меньше, чем сейчас, но не надо думать, что наши предки только и мечтали, как бы пораньше женить свое детище:

Не доноска меня матушка родила,
Да родила, да родила, да родила,
 Не дороска меня матушка женила,
 Молодая та жена невзлюбила,
 Заманила не доростка по малину,
 Привязала недоростка ко березке...[15, с. 631, № 114].

Это из "Собрания разных песен" Михаила Дмитриевича Чулкова. О другом виде неравного брака — со стариком — напоминать не буду. Важно одно: необходимость подготовки к браку не просто осознавалась народом, а и воплощалась порой на уровне учебы и особого обряда-посвящения. Иногда он воплощался в специальный обряд-празднование совершеннолетия девицы, как это описано Зелениным [2, Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских]. Иногда по результатам негласного "экзамена", который проводило все общество, и в первую очередь, девическое сообщество, девушка-подросток просто допускалась на Беседы или в Хоровод. Так сказать, принималась в число своих остальными девушками-невестами. Я хочу верить, что где-то сохранялось и специальное обучение жреческого типа, следы которого, как мне кажется, и сохраняются в названных сказках.

Во всяком случае, ему тоже посвящен целый комплекс загадок и задач, разбивающиеся на два типа: очевидности правильного поведения и тонкости знания устройства мира.

К способам обучения очевидностям правильного поведения или добродетелям я бы отнес и "корильные песни" типа:

А я где была,
 Да что видела!
 Сын на матери
 Все дрова возил!

А также загадки и задачи, которые можно назвать неразрешимыми. Они тоже связаны с очевидностями, но другого типа. Их можно назвать **Исключениями из правил**. Ничто не растет без корней, кроме камня! Ничто не свищет без голоса, кроме ветру! Все цветы мне надоели, кроме розы!.. Знание исключений — это уже признак изощренности. Знающий исключения не просто

принял решение стать своим, он уже столько вложил в это решение, что стал защитником свойства и готов передавать его дальше. Поэтому ему можно позволить вступить в брак, рожать детей и обучать их свойству. Таков обычай!

Родился, женился, умер! Вот таким видится современному человеку традиционный мир. Скучно и нудно. Мы живем интереснее. Вот только непонятно, почему нам так хочется в сказку? В их сказку! Наши современные сказки, до тех сказок все-таки не дотягивают. Может быть, вся эта предопределенность была зачем-то нужна? Хотя бы затем, чтобы из несвободы тянуло к очищению, свободе, Духу? Или чтобы хотя бы было, откуда сбежать?

Можно ли противостоять свойству и миру очевидностей? Вопрос личный. Петь или не петь? Играть или не играть? Мечтать или не мечтать? Я не взялся бы ответить на этот вопрос.

Во поле поле трава да мурава,
У пана на сених вдова молодая,
Вдовушка по сеничкам похаживала,
Пялечки в ручках понашивала,
Сватался за вдовушку с Москвы дворянин
Сказывал житье, бытие, богатство,
Сто дворов крестьян, да село в барышах,
Думаю подумаю нейду я за нево,
Разумом раскину не быть делу так,
На войну поедет, покинет меня,
Грамотку напишет то слезы мои,
Во поле поле трава да мурава,
У пана на сених вдова молодая
Вдовушка по сеничкам похаживала,
Пялечки в ручках понашивала,
Сватался за вдовушку гостиной сын с Москвы,
Сказывал житье, бытие насад да корабль,
Думаю подумаю нейду я за нево,
Разумом раскину не быть делу так.
За море поедет, покинет меня,
Грамотку напишет то слезы мои,
Во поле поле трава да мурава,
У пана на сених вдова молодая,

- L

Вдовушка по сеничкам похаживала,
Пялечки в ручках донашивала,
Сватался за вдовушку с Москвы скоморох,
Сказывал житье, бытие волынка да гудок,
Думаю подумаю пойду за нево,
Разумом раскину быть делу так,
Он не уедет, не кинет меня,
Некуда ехать коль нужды в нем нет,
Буду я жити все вместе с дружкой,
Сыталь не сыталь всегда весела,
Пьяналь не пьяна скачи да пляши,
Званаль не званаль всегда во пиру,
Чья су такова скамарохова жена [15, с. 599-600, №

СТРОЙ ИЛИ СПАС ДЮЖИЙ

Сначала я думал, что рассказ о Тропе будет рассказом о русском язычестве, который я хотел начать с "русской мандалы" — космогонической модели мира, созданной или записанной моим дедом. Естественно, я употребляю выражение "мандала" условно, как ставшее уже общеупотребительным выражение для любых космогонических схем. Записи и зарисовки моего деда Владимира Харлампыча Комарова оказались для меня практически единственным источником. И это, пожалуй, могло бы явиться принципиальным препятствием публикации текста, если бы при общении с его товарищами, которых, в отличие от деда, можно было назвать практиками, я бы постоянно не ощущал, что созданный дедом теоретический образ устройства мира соответствует тому, как видели мир они. Тогда я понял, что это рассказ о народной психологии, потому что она без хорошо разработанного образа мира немыслима. Сам я думаю, что если подобная схема мирового устройства и могла родиться, то только в офенской среде, из которой вышли все мои прадеды. Но даже если все описанное есть лишь фантазии моего деда, я хочу это сохранить, хотя бы потому, что оно передает определенное состояние, в котором жили они все. Я бы назвал его состоянием погруженности в поиск своих корней, поиск путей к себе через понимание мира, человека и Руси. Откуда есть пошла она — Земля Русская?

Их самих очень мало интересовала научность или ненаучность собственного мировоззрения. Состояние их мышления не охарактеризовать лучше, чем словами профессора Маковского, которыми он открывает свой "Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках": "Мифологическое мышление — это особый вид мироощущения, специфическое, образное, чувственное представление о явлениях природы и общественной жизни, самая древняя форма общественного сознания. Оно представляет собой творение в воображении или с помощью воображения иной действительности — субъективной и иллюзорной, служащей не столько для объяснения, сколько для оправдания определенных ("священных") установлений, для санкционирования определенного сознания и поведения" [16, с. 15]. Я бы только добавил к этому: и возможности магического воздействия на мир и природу. Это мировоззрение оправдывало и санкционировало, то есть разрешало, магию. Для меня это тема исследования не исторического, а психологического.

Мандала, известная прежде всего по тантрическому Востоку, представляет собой циклическую по конструкции схему медитирования над божественностью миропорядка и управления космосом и его энергиями. Слова "энергия" не существовало в русском языке. Вместо него следовало бы употребить слово сила, и я ни разу не слышал иначе от стариков, у которых учился. Однако при разговоре о восточной Мандале я предпочитаю пользоваться тем языком, на котором о ней обычно пишут.

Русская "мандала", возможно, тоже использовалась для работы с некими силами и потоками, идущими от богов. Иконографическое изображение ее дед называет то "Строем", то "Спасом Дюжим" и рассказывает при этом о христианской иконе "Спас в силах", которую считал заимствованной, по крайней мере, по идее, из языческой древности.

Из записей деда складывается впечатление, что он считал свой "Спас Дюжий" — практическим понятием. Я лично не нашел в нем ничего, кроме местного офенского фольклора, но учившие меня старики все, что касалось моего деда, принимали с уважением. Так что, может быть, в этом что-то и есть. Для меня, проведенного среди потомков офеней много лет, да и родившегося в офенской семье, чрезвычайно узнаваем сам дедовский подход: все они любили копаться в мелочах, вводить тончайшие различия в понимании, доводя свое общение до удивительного состояния пребывания внутри притчи, коана, скоморошьей сказки, в которой все есть намек для понимающего человека. Сейчас уже общеизвестно, что тайный язык преступного мира, феня, родился в офенской среде. Иногда и мои старички употребляли его. Но гораздо чаще они говорили языком намеков, двусмысленностей, а еще точнее, многоуровневости видения и раскрытия любой поднятой темы. Они гораздо чаще использовали обычные слова с непривычным смысловым наполнением, чем феню. На какие только странные вещи я не налетал в общении с ними! Например, полной неожиданностью для меня стало, когда мой второй учитель Дядька начал расшифровывать "пальцовки" — те жесты и игры с пальцами, которые мы знаем с детства. Действительно ли они сразу создавались, чтобы нести определенный смысл, или же он был приписан им затейливым крестьянским умом, я не знаю, но считаю их фактом

культуры и когда-нибудь опишу.

То же самое можно сказать и про дедовскую расшифровку "мандалы", которая, как он считал, была чуть ли не изначально закодирована в русском счете, точнее, в русской дюжине. Отсюда и название его дюжины — "Спас Дюжий", то есть "Спас в силах".

Вот что пишет В. Н. Топоров в статье "Числа" в "Мифах народов мира": "Числа, в мифопоэтических системах, один из наиболее известных классов знаков, ориентированный на качественно-количественную оценку; элементы особого числового кода, с помощью которого описывается мир, человек и сама система метаописания". И чуть дальше: "В архаичных традициях Ч. могли использоваться в ситуациях, которым придавалось сакральное, "космизирующее" значение. Тем самым Ч. становились образом мира и отсюда — средством для его периодического восстановления в циклической схеме развития для преодоления деструктивных хаотических тенденций" [17].

Первая цифра дюжины Один или Йодин — Един, как пишет дед. Реальное звучание реконструируется, на мой взгляд, если совместить оба звучания единицы: один и един. У деда так и записано: "Один и Един — Еодин". Про второй слог дед говорит, что "дин" — это хозяин. Иначе говоря, он считает "дин" чем-то типа суффикса властвования и владения и в пояснение просто пишет одно слово: "Господин". Первый же слог я осознанно йотирую, чтобы сделать наглядным, что основа йо — та же, что и в Йоге, потому что, как это ни странно, но дед считал, что начальное йо (ё) — означает именно единение, как и в слове "йо-га", которое переводится как "путь единения". Я, правда, не мог бы сказать — эта параллель только лингвистическая, псевдоэтимологическая, так сказать, или мы можем говорить о каких-то общих древних корнях, уходящих еще в ведическую древность. Мне думается, о русских параллелях индийской йоге нужен специальный разговор, для которого у меня не хватает компетентности.

Итак. Единение всего в одном, где оно содержится потенциально и не развернулось еще в Космос или, как называет его дед, в "Поселенную". В "Мифах народов мира" в статье "Числа", которая поразила меня совпадениями с дедовскими мыслями, В. Н. Топоров говорит об этом: "Специфична семантика числа 1. В наиболее древних текстах 1 встречается крайне редко или вовсе не встречается. Оправдано предположение, что 1 означает, как правило, не столько первый элемент ряда в современном смысле, сколько целостность, единство. Совершенная целостность, понимаемая как единица, объясняет приписывание числа 1 таким образом этой совершенной целостности, как бог или космос" [17].

Из Йо-дина рождаются Два. "Два — это Дева. Дева — это две Девы-богини, потому что их две. Еодин просыпается видами". Вот так не очень грамматически гладко дед старается передать свое понимание. Вполне возможно, он ведет это от санскритского Дева — бог. У деда была приличная по деревенским понятиям библиотека. Он был потомственный уездный писарь, и я думаю, что многие книги достались ему еще от его отца Харлампа Сосипатрыча. Во всяком случае, уже много лет спустя, когда наш деревенский дом давно был продан, я попросил разрешения у новой хозяйки порыться на чердаке и нашел там много интересного вплоть до старых рукописных книг и "Азбуковника" восемнадцатого века. Мама рассказывала, что были и книги по мифологии "с картинками", которые ей очень нравились в детстве. Но их или растащили, или искурили на самокрутки. Сохранились только те книги, у которых бумага была слишком толстая. Так что дед, по моим понятиям, вполне мог оперировать любыми мифологическими терминами и именами.

Мне это сочетание — Один и две богини — напомнило о другой, ставшей по своему классической, формуле Бориса Александровича Рыбакова: Род и две Рожаницы. Правда, современной наукой оспаривается и наличие в русском пантеоне бога по имени Род и количество рожаниц [см. напр. 18]. Да и вообще неясно, что это такое. Но у Рыбакова есть одна интересная параллель между Рожаницами и Оленями, "рожающими оленцов маленьких". Профессор Маковский в "Сравнительном словаре мифологической символики в индоевропейских языках" в разделе "Число" пишет о двойке: "Числительное "два" (и.-е. Duo(u))? Как уже говорилось, восходит к deu- "a deer", "a cow" (возможно в сочетании с ou- "sheep", "deer"), то есть к словам "олень", "корова" [16].

Дед же безапелляционно заявляет, что Один и Две составляют языческую Троицу Руси, что скрыто в цифре Три.

А вот далее у него следует действительно интересное, на мой взгляд, наблюдение, которым он расшифровывает слово "просыпается". Он явно вкладывает в него двойной смысл — и пробуждаться и рассыпаться на части, на множество. Поэтому вилы тут вряд ли славянские богини природных стихий. Скорее это или орудия или развилки, и означают они двойственность, то есть парность и противоположность одновременно. Во всяком случае, понятие вил, вилки осознанно и активно употреблялось остальными стариками-офенями, когда они объясняли мне устройство человеческого мышления. Именно это свойство мышления (или сознания) "двоить" — двоить мир как целостность, дробя его, и одновременно двоить, удвояя, — легло в основу столь популярного у мифологов понятия "бинарных оппозиций". У деда же есть странная фраза: "Двое доят", которая, на мой взгляд, вовсе не описка, а попытка передать именно двойственность самого двоения — и уменьшение, деление и увеличение, прибавление одновременно, как при доении коровы, когда, разделяя молоко с коровой, мы увеличиваем его количество.

Итак, наблюдение состояло в следующем. Обе первые цифры имеют по три варианта произношения и, соответственно, разные корневые основы: один—два, раз—пара, первый—второй и составляют три пары, а вот Три начинает ряд чисел, имеющих только одно название, вплоть до двенадцати. Двенадцать, кстати, тоже нарушает этот ряд, потому что имеет в русском языке две корневые основы для своего обозначения. Про эти первые числа дед дословно пишет: "Эти три пары рожающая троица, но они одно. Строй-Троян. Он и устроит всю Вселенную". Далее дед пытается расшифровывать эти пары, этимологизируя их звучание из имен богов различных времен и народов, типа раз от Ра, второй от Тора и т. п. Я считаю это непринципиальным и не буду приводить полностью.

Кстати, вот что пишет об этих начальных числах Топоров: "...в ряде культурных традиций 1 и 2 (...) не рассматриваются как числа {соответствующие слова нередко оформляются иначе, нежели другие числительные}" [17].

На Трояне надо остановиться особо. "Слово о полку Игореве" тридцатого года издания было в числе немногих дедовских книжек, доживших в нашей семье до моего детства. Она была передана мне по дедовскому завету вместе с его тетрадями. Не могу утверждать наверняка — из-за упоминаний Трояка и тропы Трояней в "Слове" или какая-то традиция действительно хранилась в офенской среде, но дед считал Трояна верховным богом тех людей, среди потомков которых я и вел сборы. При этом он отождествляет его со Стрибогом русских летописей и Сатурном-Кроносом античности. Стрибога он пишет как Се-три-бог. А самого Трояна называет Небесный Строй. К этому можно добавить несколько слов из "Словаря" Маковского: "Тройка (и.-е. Trei-) символизировала божественный Разум, духовный порядок, гармонию микро-макромиров". И чуть ниже: "В связи с практиковавшимся в древности тройным жертвоприношением, можно полагать, что к корню *ter-* "три" относятся: (...), русск. *Строить*. (...) Интересно, что с числительным "три" соотносятся слова со значением "волосы" (символ сверхъестественной силы)" [16]. Для меня это действительно интересно, потому что, когда одна из бабушек, жена Дядьки тетя Нюра, рассказывала мне про яички-писанки, она совершенно определенно назвала один из рисунков "Косматый Троян". Не оценивая историческую сторону мифологических построений деда, я бы добавил сюда еще и этрусского предшественника Сатурна Сатре. А относительно отождествления Строя и Трояна можно, пожалуй, еще раз напомнить об исчезновении в русском языке назального "н", что могло означать существование изначального имени типа "Стройн". Впрочем, это чистой воды фантазирование.

Три — особое число "Русской мандалы". Меня всегда удивляло это. Правда, кое-что объяснили слова Топорова из той же статьи "Числа": "Первым числом в целом ряде традиций <...> считается 3; оно открывает числовой ряд и квалифицируется как совершенное число. 3 — не только образ абсолютного совершенства, превосходства <...>, но и основная константа мифо-поэтического макрокосма и социальной организации {включая и нормы стандартного поведения}" [17]. Иными словами, собственно счет начинается с трех, а не с единицы или двойки. Эти два первых числа родились для обозначения чего-то совсем иного. Их выделенность тройными звучаниями словно завораживала деда. Он считал: не только устройство вселенной, но и ее разворачивание идет "тройными путями". Творческая потенция их притягивания — отталкивания (как женского и мужского начал, очевидно) пронизывает Вселенную и дюжину, превращая ее в Устроение, то есть в космос.

Эти первые числа, разворачивающиеся в пары и объединяемые и упорядочиваемые тройкой, дед называл Вселенной и Миром Старых Богов. Я бы условно назвал его большим космосом в отличие от Поселенной или Земного мира, как он видел следующие числа от четырех до восьми.

Четыре, четверка — сложное слово, имеющее двойную структуру. "Чет" показывает двойственность, а "ыре" означает, как считал дед, Ирей, Вырей, то есть Рай — так он назывался раньше на Руси. Иначе его можно назвать Небеса (которые на самом деле включают, по народным представлениям, семь или девять уровней). О двойственности четверки чуть позже.

Число Пять означает "корни" и расшифровывается как Пята. Маковский считает пятерку символом центра, середины, божественной силы, а также Мирового древа, Вселенной и Мирового змея и середины мира, что соотносится им с низом человека: "(ср. русск. *nax*, др.-инд. *paksah* "середина", и.-е. *pugos* "vulva"). К тому же пятерка сопоставляется им с индоевропейским *pak*- "сзади, назад" [16].

По дедовским представлениям, она есть основание земного существования человека. Пята связывается с понятиями корней и основания, видимо, потому, что "душа со страха бежит в пята", а это значит, туда, где ощущает себя защищенно и спокойно. Где для нас в этой жизни самое защищенное место? Дома. Мой дом — моя крепость. Если в трудные минуты мы сбегает из жизни домой в пята, значит, мы оттуда и пришли. Тогда пята — не просто пятка, задняя часть ноги, а, по крайней мере, некое философское понятие или явление сознания, обладающее весьма определенными качествами, которые, если и не называются, то ощущаются. Можно сказать, что пята — определенное пространство сознания, сопоставимое с теми, которые описываются в сказках о творении мира под видом домика старика и старухи или сундука с яйцом Коша бессмертного. О них речь еще впереди. Могу только сказать, что подобная расшифровка цифры пять как пространства сознания для деда не была случайной, потому что он обращается к этой теме неоднократно. Интересное подтверждение особого отношения к пяткам услышал я от повитухи Бабы Любы. Она обучала меня, как править и ладить младенцев. Младенца должен был изображать я, поскольку других не было. Поэтому я очень многое прочувствовал, но зато, к сожалению, не смог посмотреть со стороны. Приступая к правке, Баба Люба однозначно заявила:

— Править надо с пяток.

— Почему?— тут же спросил я.

— Если пятка очень короткая, так, может, и править нечего. Может, он и жить не собирается. Особенно если за пятки встряхивать не дается, так, может, и не беспокоить лучше.

— Это как, короткая?— поинтересовался я.

— Ну короткая, она короткая и есть,— просто объяснила Баба Люба.

Меня такое объяснение не удовлетворило, и я показал ей свою ногу:

— У меня короткая?

— Нет, не короткая,— засмеялась она и принялась покручивать и потягивать мой голеностоп. Как ни странно, там действительно что-то похрустывало и пощелкивало, но научиться отличать короткую пятку от длинной я так и не смог.

Я практически позабыл этот случай и вспомнил о нем только тогда, когда случайно налетел в одном из сборников Петербургской кунсткамеры за 1994 год на статью М. Е. Мазаловой "Физические особенности человека в представлениях русских", где имеется вот такое место: "Физические особенности новорожденного ребенка свидетельствовали о сроке его жизни. Короткая жизнь отведена младенцу, у которого короткие пятки, в то время как длинные пятки свидетельствуют о долгом сроке жизни. Наличие/отсутствие пяток в мифологическом сознании рассматривается как признак "своего"/"чужого": у демонологического персонажа беса пяток нет вовсе — беспятый бес" [19]. Если немножко пофантазировать, то беспятость беса может рассматриваться не как физическая особенность, а как признак укорененности его в иных мирах. Пята его как бы постоянно там. В таком случае "пята" становится синонимом души. С другой стороны — отсутствие пяты может означать отсутствие души человеческого типа. По крайней мере, Живы, то есть жизненной силы у ребенка.

Очень сложное и важное понятие Шесть, расшифровывается как Шест, Кол. Маковский в статье "Змея" связывает кол с понятиями "змея" и "лестница". (Интересно, есть ли у слова кол

этимологическая связь со словом коло?) Шестерку же сближает с символами борьбы добра со злом, счастьем и Мировым змеем [16]. Даль определяет шест как "срубленное и очищенное прямое дерево, сравнительно долгое и тонкое; весь хлыст высокого и тонкого дерева". И еще: "*шест* заключает в себе понятие о стоячем положении" [20], что так характерно для человека. Слово шест не просто подменяет слово Ствол или дерево, а дает подсказку родившемуся Человеком. Ствол Мирового древа обычно трактуется как земное бытие, земной уровень жизни. "Спас дюжий", даже если это всего лишь творение старого уездного писаря, деревенского интеллигента, лишь игравшего в историка, как и восточная мандала, ни в коей мере не являлся для него простой фиксацией какой-то воображаемой картины мира. Он предназначал свое творение для работы над собой, некоего движения, которое и прячется в таких привычных и знакомых нам словах, если начать рассматривать их как термины определенной, хотя и не названной или не реконструированной еще дисциплины.

Живой человек уже есть идеальное воплощение законов бытия на земном уровне. Все эти законы он познал еще раньше, когда вобрал их в себя, так сказать, на клеточном уровне и даже "сдал экзамен на человека", сумев им родиться. Задача земного уровня, и это не только мысли моего деда, но и всех стариков учивших меня, — выйти на понимание законов следующей ступени, совершить "огненный переход". "Шесть" для деда объединяло в себе идею движения и огня. "Человек — это шестник, ходок", записано у него. Когда я рассказал об этом своему первому учителю Степанычу, он был очень доволен. Слова он, правда, произнес при этом не очень определенные, но он всегда говорил, по моим понятиям, туманно: "За что Харлампыча и уважали..." Мне же важно подчеркнуть этим важность даже для далеких потомков бродяг-скоморохов всего, что связано с дорогой и движением. Даль считает, что слово шестник происходит от слова шествие [20]. Если это так, то вряд ли оно такое уж древнее, потому что, вероятнее всего, является церковно-славянизмом. Но это никак не исключает возможности его бытования у офеней.

Кроме движения, дед усматривал в шести и огненность, считая слово шесток производным от шести. Я же, опираясь все на того же Даля, считаю более вероятной связь с шестом, потому что "*шест*, стар. Тягло, дым, очаг, двор, семья, (...) мера земли на тягло: четыре шеста составляют *долю*", а "*шесток* припечник, припечек, очаг под кожухом (который ставится на стойках, *шестиках*), площадка перед русской печью" [20]. Что на мой взгляд здесь принципиально, так это связь шеста с понятиями очаг, двор, семья, которые раньше назывались "животами". А выражение "земной живот" означает то же самое, что и "моя доля".

Шесть было для деда стволом древа жизни, по которому, как по шесту совершается огненный переход в иные миры или от корней к ветвям, то есть на небо. Мне кажется любопытным в связи с этими, казалось бы, очень шаткими построениями, напомнить о так называемых сорока днях, во время которых покойник считается находящимся в лиминальном состоянии, то есть еще не достигшим места своего успокоения. Сорок дней на самом деле — это шесть недель. "Шесть недель покойник умывается, шесть недель утирается", как говорили в народе. Интересна и определенная связь этого образа с шаманистскими представлениями. Приведу для доказательства последнего цитату из работы В. Н. Топорова "К реконструкции мифа о мировом яйце": "Тридцатое царство сказок типа 301 совмещает в себе черты не только нижнего, подземного царства, которые более рельефны, но и верхнего, небесного царства. (...) Герой не только спускается *под землю, в подземное или подземельное царство, подвалы, на тот свет через отверстие, дырку, яму, норку, шарлоп, пещеру, скважину, провал, пропасть, ров, конуру, дверцу* и т. д., но и поднимается в гору (...) с помощью *цепи (...), железной лестницы (...), бруса*". И далее в ссылке: "Упоминание бруса как средства попасть на гору, в верхнее царство очень характерно. Соответствующий текст (ответ на вопрос героя, как ему попасть на железную гору): "*Ты поди сюда; вон там лежит брус, чрезо всю Русь; ежели ты этот брус поставишь на конец, то и на железну гору попадешь; а если тебе будет не поднять, то и на горе тебе не бывать*" (...) — с одной стороны поразительно напоминает воздвижение шаманского дерева или столба с целью попасть в верхнее царство, а с другой стороны, через известную загадку (*Лежит брус через всю Русь, на этом брусѣ 12 гнезд, в каждом гнезде по 4 яйца, а в каждом яйце по 7 цыплят*. — Год), этот сказочный текст позволяет связать пространственное измерение с временным (что вообще очень характерно для космогонических текстов, в частности, для русских загадок, относящихся к структуре вселенной)" [21].

А еще одно своеобразное подтверждение является моим личным этнографическим наблюдением. Это уже упоминавшиеся мною пальцовки, которые показывал Дядька. В частности, офенский счет на

пальцах. Офени умудрились в привычные нам десять пальцев рук запихнуть дюжину! До пяти счет велся как обычно. Показывая большой палец при сжатом кулаке, говорят: "Один". Это объединение именно большого пальца с именем Один кажется мне символичным в свете всего рассказанного о Спасе. -Затем раскрывали последовательно пальцы от большого до мизинца. Это пять. Причем, мизинец как бы нисходящий, слегка опущен. Тот же мизинец, направленный к сжатому кулаку второй руки, — шесть. Шесть оказывалось тонким переходом, шествием от пятого пальца одной руки к мизинцу, то есть первому пальцу другой, который считается седьмым в дюжине. При этом раскрывается мизинец второй руки и близко подносится к мизинцу первой. Шестеркой считается сам промежуток между пальцами. Дюжина же изображается сомкнутыми ладонями с переплетенными пальцами, это переплетенное состояние и есть двенадцать, но одновременно означает силу, дружбу и защищенность, а также обещание или просьбу о взаимовыручке и защите. Дядька рассказывал, что так офени общались "на отходе" — договаривались, когда их могли услышать покупатели или посторонние — "лохи".

Семь, Верхний мир, читается дедом как Семя, и тоже прячет в себе движение. Семь означает у него "малый Земной круг корней и ветвей". Очевидно, смысл этого в том, что семя, то есть "созревшее", должно пасть в землю, как бы быть похоронено, но именно благодаря этому возродиться новой жизнью. Рождение и вообще жизнь есть подаренная возможность. Падение, возвращение в землю есть движение в Пяту, потому что **идея огненного перехода означала** для деда своего рода **отказ от перерождений и переход из человеческого состояния в следующее, более высокое**, условно говоря. Следовательно, возвращение на круг смертей и рождений есть ловушка и потеря предоставленной человеку возможности.

Вот теперь пришло время еще раз вспомнить о двойственности Ирея или о чете в цифре Четыре. Если представить себе Шесть в виде прямой линии, как иголки внутри яйца, то все почти остальные цифры окажутся оболочками или концентрическими кругами вокруг нее, если попробовать все это нарисовать. Именно этот образ дедовских построений и заставил меня сопоставлять его "Спаса Дюжего" с восточной мандалой. Но не все цифры будут кругами. Исключения составят симметричные относительно шестерки четыре и восемь. Они тоже прямые линии, перекрещивающиеся с шестью и одновременно круг или еще одна оболочка. Почему?

Потому что восемь для деда — "осьмера", то есть ось мира. Ирей не только рай в русском народном мировоззрении, но и мировое древо. При этом когда-то народ считал, что Иреедва. Следом этого и показались деду чет в четверке и две четверки в восьми. Размышляя об этом, он пишет, что шест направлен вверх, то есть является вертикальной осью мира, а два Ирея своим перекрестием творят четыре стороны Света. Естественно, три оси во вращении создают идеальную сферу и замыкают круг Небес. Тут надо еще учесть, что шест дед рассматривает не столько как ось физического мира, сколько как то, вокруг чего вертится жизнь мира-общества. Это, впрочем, нисколько не противоречит тому, что эта ось наравне с Иреями участвует в создании сферы Небес, поскольку понятие Неба традиционной культуры есть явление сознания, а не физики. В этом Спас тоже нисколько не противоречит принципам построения буддистской мандалы.

Далее за восьмерой снова начинается Большой космос или мир Богов.

Девять дед переводит как девята (это для него не девятка, а множественное число, как в слове девчата; будет понятнее, если читать девяты). Это примерно то же самое, что и божата. Т.е. девять — это уже не Девы, "старые Боги", относившиеся к первым тройкам, а новое поколение молодых богов или же, своего рода, "энергий", развернувшихся по истечении определенного цикла из первоисточников. Девять или трижды три девяты составляет три новых тройки симметричных начальным тройкам Дев и Йодина. Они же, соответственно, охватывают Земной мир еще девятью защитными оболочками.

Космос становится в полном смысле слова Космосом, то есть Порядком проявленных потенций, в Десяти. Десять — дед переводит как "Деус — Отец-управитель, потому что десный, правый, правящий. Неспокойный Дух". Единственную параллель его Деусу я смог подыскать в древнем арийском Дьяусе — тоже божоте. Дед пытается сопоставлять Деуса с Йодином, но рассуждения его

туманны и несколько невнятные, поскольку он вряд ли хорошо владел мифологией этой темы. Однако смысл, в общем-то, улавливается и сводится приблизительно к тому, что, если в Йодине уже есть все, но свернуто, в состоянии идей-потенций, то в Деусе это все сопребывает в полноте своего бытия и явленности, поскольку прошло полный цикл развития, снизойдя в материю. Теперь эту полноту ждет возрождение в очищающем огне. Огонь этот возрождающий назывался Крес, а возрождение — кресением или воскрешением.

Обычно предполагается, как это пошло с пифагорейцев, что десятка есть совершенный, по-своему законченный числовой ряд, кодирующий собою всю полноту мира. Дед в простоте душевной идет дальше, то ли потому, что пифагорейцев не читал, то ли потому, что офеням вообще было не свойственно преклонение перед авторитетами.

Он предполагает, что вслед за полнотой мира должна вернуться изначальная нерасчлененность бытия. Дед пишет, что "наш мир переполнен и все по себе". Что бы он сказал, если бы узнал, как подпрыгнула численность людей и вещей за последние годы! Объединение мира по сути означает его конец. Эта мысль не нова, но дед об этом не говорит. Нерасчлененность, просто продолжает он, в свою очередь опять развернется в мир через творение и устройство. Этот "колебательный контур" отражен в Одиннадцати — совмещении Одного и Десяти, начала и конца. И это, совершенно очевидно, значимо и принципиально для понимания мировоззрения Тропы. Потому что поверх всех построений, как в типичном заговоре, наложен замок, скрепа, которая должна беречь не только Вселенную, но и ее саморазрушение-самовозрождение.

Бесконечное кольцо разворачивания и сворачивания Устроения Вселенной защищается Силой Дюжины, откуда и название — "Спас Дюжий".

Несколько раз в своих записях дед говорит о том, что все сказанное им об устройстве мира имеет прямое отношение к составу человека, так сказать, микрокосму. Отражением этого звучат для меня его рассуждения о сходстве счета до двенадцати и азбуки. Он пишет: "И счет, и азбука начинаются из Аза, из единицы. Аз — это начало". Дед использует термин "мысленно древо", который, видимо, взял из "Слова о полку Игореве". Под ним он понимает и Мировое древо, и структуру мышления человека, которые как бы накладывают друг на друга. Это, в общем-то, оправданно, потому что никакого Мирового древа помимо нашего сознания не существует. Иначе говоря, его можно считать организующим наше мировоззрение, наш образ Мира принципом. В этом смысле оно действительно может считаться вырастающим, как из корня, из этого самого Аз, потому что аз — это начало азбуки, значит того, из чего складываются слова. А мышление, по представлениям офеней, и есть образы мира обложенные в слово.

При этом азбука разворачивается от "аз" до "я" (дед считал, что наш алфавит заканчивается "я", и отбрасывал все остальные кириллические буквы, хотя и кончал Реальное училище), тем самым охватывая человеческое естество во всей его полноте: от божественного до личности. Аз для него был германским Ас, то есть "молодой бог".

Отбросим историческую сторону этой идеи и поглядим с точки зрения психологии: пока ты младенец, отношение к тебе окружающих подтверждает, что ты есть средоточие любви, внимания и поклонения людей. Это входит в наше сознание как основа, на которой формируется мышление, как корень, из которого вырастает мысленно древо. Но очень скоро ты взрослеешь, и люди меняют свое отношение к тебе. Ты оказываешься перед выбором: сохранять ощущение себя Богом или же принять человеческую долю. Остаться в мире устройства от Аз до Дюжины или перейти в мир от Аз до Я. В общем-то, выбора у нас нет, потому что не принять "договор человека", означает не выжить. Поэтому все мы из мира чистых чисел или взаимодействий сбегает в мир слов или взаимоотношений.

Азбуку в рамках "Строя" дед вписывает в шестерку — земное существование человека и одновременно огненный переход. Из него и, соответственно, из азбуки можно вырваться, только проскочив сквозь Крес за семерку. В другом месте, относящемся к сказкам, дед говорит об огненной Жар-реке, за которую надо прорваться, чтобы обрести силу, но это скорее относится к теме мифологии Тропы.

Дед довольно определенно говорит о том, что "Спас Дюжий" нужен для работы над собой в рамках

так называемой Науки мышления. Эту дисциплину очень подробно излагал мне Дядька. Но то ли из-за дедовских намеков на существование каких-то практик магического или медитативного толка, связанных с этим мандалоподобным образом устройства, то ли из-за моей изначальной нацеленности на поиск вполне определенных вещей, я чуть было не пропустил настоящее. Как мне казалось, дед этими практиками то ли не владел, то ли не посчитал нужным записать. У остальных же стариков выяснить соответствие дедовских записей тому, что они показывали, чаще всего было чрезвычайно трудно. И вовсе не потому, что они были с ним не согласны или ничего о записанном им не знали. На мой взгляд, это был принципиальный, продуманный педагогический подход: или я дохожу до ответа на свой вопрос сам, или меня надо к этому ответу подводить всеми мыслимыми и немыслимыми путями, но ни в коем случае не давать его. Почему? Потому что уже продуманный, четко сформулированный вопрос почти победа, а ответ — это же всего лишь праздник в твою честь. По большому счету он не имеет значения, потому что сразу же переводится в память, а это значит, переводит туда и тебя из настоящей жизни. Только состояние поиска, борьбы есть движение и жизнь. Да и нельзя подарить победу. Отобрать, украсть — сколько угодно, скажем, решив за человека задачу, к которой он подошел на своем жизненном пути. Но подарить — никогда! Сейчас, по прошествии лет, когда я могу считать себя в какой-то мере практиком, прикладником в той науке, которой они меня тогда обучали, я и сам не вижу пока ничего равноценного этому подходу. И на новой Тропе, мне кажется, он все больше прививается как "школа", да позволено будет такое выражение. Тогда же, имея перед глазами только педагогические принципы обучения в советской школе и институте, я шибко возмущался и негодовал, когда меня учили "так неправильно!" Все первые годы ученичества я изображал из себя историка и собирателя и постоянно выпытывал из стариков сведения об офенском быте, о скоморохах и о мифологии. Со Степаныхом это не проходило никогда, а вот Дядька иногда вдруг выдавал мне изрядный кусок пирога, хотя, как я это вижу сейчас, делал это не под моим управлением, а в моменты, когда я был переполнен обидами сверх меры и мог бросить все и сбежать. Можно сказать, он просто гасил меня этими рассказами. Все это были всего лишь приманки для моей личности, чтобы удержать ее как можно дольше в работе над собой — чистке и кресении. Тем не менее, независимо от цели, ради которой это делалось, рассказы эти были рассказами о том, что меня интересовало, в частности, и о мифологии.

Иногда это были очень близкие к дедовским запискам вещи. Так, однажды Дядька рассказал мне своего рода философскую притчу о зарождении мира, которая, на мой взгляд, вкладывается в дедовскую "мандалу". Это был ответ на мой вопрос о Боге-отце и о том, как же творилась Вселенная. Когда он начал говорить, я ожидал, честно говоря, что это будет этиологический миф, как это называется в науке, своего рода легенда или предание, бытовавшие в офенской среде. Но это был скорее образ, некое видение и непонятно, существовал ли этот образ до него, передавался ли как устный рассказ, или же был создан Дядькой для меня по ходу разговора. Вкратце он сводится к следующему.

Если говорить о творении мира, то надо принять как исходное, что существует его настоящее состояние и должно было быть предшествующее, из которого он и творился. Если считать, что предшествующего состояния не было, тогда не было и творения. Предшествующим может быть или другой мир или ничто. Но творение нашего мира из предшествующего вряд ли стоит рассматривать, если говорить о творении как о таковом, потому что если в начале всех предшествующих миров не было их отсутствия, то это не столько творение, сколько перестройка, переделка. Значит, как исходное мы должны принять, что есть настоящее и было предшествующее ему ничто.

Что такое это изначальное ничто, сказать невозможно. Может быть, это пустота, может быть, некая однородная среда без признаков и различий. Тем не менее, мы можем вообразить ее в виде объема, пространственно. Этого, правда, нельзя сделать, не ощущая себя внешним по отношению к этому пространству, но в данном случае это неважно, потому что в качестве примера Дядька использовал еще более отдаленный образ.

— Вот представь себе: водная гладь без единой волны,— сказал он,— совсем-совсем неподвижная. И на нее падает камень. Что произойдет?

— Пойдут волны,— ответил я.

— Только это не поверхность, а объем. Короче этот камушек умудрился упасть прямо в серединку. Какие будут волны?

— Круглые,— сначала ляпнул я, но быстренько поправился,— Я хотел сказать, сферами.

— Нет, наверное,— задумчиво покачал он головой, глядя куда-то в пространство своего видения.— Сфера тут, пожалуй, окажется такой же плоской, как и круг на воде... Там, наверное, все гораздо... во много раз сложнее. Но нам неважно. Понятно?

— Понятно. Многомерность,— довольно уверенно отозвался я.

Он с подозрением и скрытой улыбкой уставился на меня, вынудив этим задуматься, откуда у меня выскочил такой уверенный и быстрый ответ. Я почти сразу нашел, что этот якобы понятный мне образ многомерности есть детище научной фантастики, а значит, уже определен мыслями других людей и, следовательно, держит меня внутри себя, не давая возможности понять или даже увидеть ничего нового. Попросту говоря, ответив Дядьке: "Понятно",— я даже не делал попытки понять его, а подбирал из памяти хоть что-то сходное из старых запасов, тем самым загораживая себе же дорогу к познанию. Меня даже пот пробил, когда я это увидел.

— Мы с тобой попозже поговорим, как творятся нашим мышлением очевидности,— сказал он, заметив, что у меня произошло осознание.— Поди умойся.

Когда я вернулся, он сначала напоил меня чаем и, только убедившись, что я в состоянии слушать, продолжил свой экскурс в мифологию творения.

Итак, в пустоте или некоей настолько однородной изначальной среде, что она может быть сопоставима с пустотой, появляется точка возмущения, которая тут же превращается или разворачивается в многомерную волну.

Пробежавшись вкратце по всему уже сказанному, Дядька завершил это словами:

— Вот это и есть Бог-отец. Точка и волна одновременно! Смотри сам, все выходит из него, значит, все было в нем. Но он и есть все. То есть весь наш мир, конечно, который творится. Как он творится?

— Расширением волны,— ответил я.

— Ну да. Разбеганием в пустоте этой волны. Но не только. Посмотри, а что с точкой-то?

— А что с точкой?— переспросил я.

— Ну, она-то куда девается?

— А никуда! Из нее следующие волны идут.

— Правильно! Только не следующие, а все та же! Все та же, но повторяющая себя!

— Пожалуй...— не совсем уверенно согласился я, потому что, хотя с точки зрения какой-то сути я с этим и был согласен, но с точки зрения языка все последующие за первой волны от камня называются все-таки волнами, а не волной. Значит, обладают некоей самостоятельностью существования.

— Да,— сказал Дядька, точно читая мои мысли,— точка, первая волна и последующие волны имеют отличия. Вот так и отличаются Боги-отцы, Их несколько. Начальная точка, из которой все выходит, она же самая крайняя волна, захватывающая пустоту все шире — это Бог-отец-творец. Она все время новая, непредсказуемая, просто потому, что до нее еще ничего нет и не по чему предсказывать. За ней же волны повторяются. Это уже какой-то порядок. Это, конечно, все тот же Бог-отец, но Бог-отец-устроитель. Небесный Строй. Он заполняет сотворенную вселенную. И пока все так, все неизменно, новые боги не нужны. Но вот если порядок нарушается, тогда появляется необходимость в том, кто его восстановит. Вот тут-то и рождается третий Бог-отец. Можно сказать, Бог-отец проявляется как Бог-отец-управитель. Творением нельзя управлять, им можно только быть. И устройством тоже нельзя управлять. Его можно только поддерживать. Любое управление его разрушит. Нельзя вмешиваться. Так что неважно, из-за чего появляется Бог-отец-управитель — из-за какого-то случайного сбоя в устройении или из-за желания вмещаться и управлять порядком, но это начало конца. Это разрушение, а Бог-отец-управитель одновременно и Бог-отец-разрушитель. С него все пойдет к началу. В конце концов, любой управитель доуправляется до хавоза. Считай, до пустоты.

Слово "хавоз", безусловно, произошло от хаос, но имеет на Верхневолжье еще одно дополнительное значение. Нахавозить означает насорить. Поэтому, когда я спросил Дядьку:

— И что же делать?— он удивленно посмотрел на меня и сказал:

— Третий год толдычим! Насорил, что надо сделать? Первое, что просится на язык в качестве ответа — убрать.

Но к этому моменту мы уже действительно неоднократно обсуждали одну простую идею: сор из деревенской избы не выметают и не выбрасывают, его сжигают в печи. Мне было обидно, но я засмеялся.

Кресение! Вот о какой практике постоянно говорил дед, ничего не тая и не скрывая. Она-то и скрывается под понятием огненного перехода. Это просто мои изощренные мозги шутили надо мной

и не хотели принять очевидное. Для тех, кто изучал Кресение, я надеюсь, понятно, почему это открытие так поразило меня. В поисках страны Востоко-Запада я искал чего-то возвышенно Тибетского и одновременно жутковато Кастанедовского, а кресением мы занимались со стариками каждый день, и в этом не было совсем ничего особенного, потому что это всего лишь беседа по душам, хотя и считалась у троповых стариков огненным очищением! Может быть, даже огненным очищением Вселенной...

В заключение скажу, что дед связывал свою "мандалу" с понятием яйца из русских сказок, но об этом отдельный рассказ.

РУССКАЯ ЛЕСТНИЦА

Рассказывая о Тропе, о чем бы ни шел разговор, я все равно пытаюсь понять то, что делает меня русским, то есть одним из ста пятидесяти миллионов, считающих себя единым народом. Кстати, еще один вопрос о самоопределении: кого считать русскими — тех, кто в России и привыкает к имени россиянин, или и тех, кто за рубежом, но считает себя потомком Русов? Для меня это так сложно! Единящую нас идею веками называли русской душой и признавали загадкой. Иногда вообще отрицали. Однако что-то все-таки есть такое, по чему все свои узнаются, и с потерей чего начинается внешняя или внутренняя (культурная) эмиграция и народ распадается. Примеров исчезновения так называемых малых наций в Советском Союзе было более чем достаточно.

Народы живут, пока есть единящая их идея, некая тайна, которую знают все свои, по знанию которой свои узнаются. Нет тайны — нет тайноведения, нет тайноведения — нет народа, потому что тогда наши начинают преклоняться перед чужими тайнами и бегут за ними в ученичество к чужим. Народ, потерявший тайноведение, заслуживает презрение собственных людей. Я это почувствовал на себе. С момента, когда появилась потребность в обретении тайны, я, и на миг не задумываясь, сбежал из России. Сбежал условно, не выезжая за ее границы. Просто я жил в Китае, Японии, Индии, в Америке, в конце концов! Я собрал библиотеку эзотерической литературы, тогда это было еще непросто, и жил в ней как в пространстве сознания, которое, конечно, не было за границей, но и Россией тоже не было. Я еще не очень презирал Россию, но проявления нашего русского хамства уже повсюду подталкивали меня собрать деньги и уехать или в ашрам к Раджнешу, в Пуну, или в какую-нибудь из японских школ боевых искусств и чайных церемоний!.. В крайнем случае, списаться с Грефом и уехать работать в Институт трансперсональной психологии в Штаты. Причем, ведь я даже ни на миг не задумывался о том, что я русский и обо всем, что с этим связано. Я хотел жить, а Россия меня сдерживала! Вот и все.

Осозналась эта, я бы сказал, болезнь, только когда я столкнулся с хранителями русского тайноведения, можно сказать, с деревенскими колдунами. С осознанием потенциальной глубины нашей собственной культуры мое путешествие в страну Востока закончилось. И не потому, что наше выше или сильнее. Это неизвестно. Но просто потому, что это путешествие не нужно. Все, что необходимо, уже с тобой. Как говорили мои старички: у нас все есть! Даже тайна.

То, что я хочу рассказать, наверняка, очень частный случай, очень узкая традиция, передававшаяся небольшой локальной группой крестьянского населения Верхневолжья, считавшей себя наследниками скоморохов и офеней. Но тайноведение вообще характерно для узких сообществ религиозного или национального толка. Тайноведение существ) ст даже у детей. Меня оно интересует сейчас не с исторической или этнографической точек зрения, а как явление мышления, характерное человеку вообще.

Любое тайноведение имеет понятие лестницы или ступеней духовного роста. Для Руси как для христианской державы символом лестницы долгое время была лестница Иакова — мистическое Библейское видение поднимающейся "в горние выси" лестницы, по которой ангелы опускаются на землю и поднимаются к Богу, очевидно, сидящему на облаках.

Иными словами, нижней ступенью в христианском духовном росте является Земля, а верхней — Бог Отец. Правда, в отличие от других религий, Православное христианство в своем самоуничтожении никогда не говорит, что Бог Отец есть высшая ступень духовного роста, а задача искателя — уподобление Богу вплоть до отождествления. Католицизм гораздо откровеннее в признании этой

цели. И сам папа — наместник Бога на земле, что означает уже почти Бог, и лиловые облачения высшей католической иерархии — тоже скрытое признание целью достижения божественного состояния. Скрытое, потому что символика цвета — это другой язык, другой способ сказать то же самое. Ведь цвета тоже складываются в лестницу, начинающуюся с красного и в соответствии со спектром или радугой, разворачивающуюся до лилово-фиолетового. В православном же христианстве красный цвет означает траур. Служба в дни поста ведется в красном стихаре.

Другая же, вышедшая из иудаизма, а значит и несущая понятие лестницы Иакова, религия, ислам прямо заявляет в своей мистической суфийской части словами Руми и других мистиков, что их цель — прямое слияние с Богом: "В этом халате нет ничего, кроме Аллаха!"

Так же откровенно в своем желании уподобиться Богам вплоть до того, чтобы самому стать богом или полубогом при жизни или породниться с ними, и любое язычество. Все монархии ведут свое происхождение от богов. Русский царь в средневековье считался одновременно Богом и наместником Божиим на Земле. Лишь при Петре принцип "царь — представитель Бога" был заменен на "царь — представитель государства". Такая легкость в смене самой верхушки нравственной устремленности показывает, что под Богом в лестницах понимается нечто условное, а еще точнее, социально обусловленное. Мои наставники-офени назвали бы это разными видами мышления свойства: те, что карабаются по нашей лестнице — свои, чужие пусть катятся по своей лестнице.

Цветовая лестница смыкает христианские системы ценностей с теософско-мистическими системами девятнадцатого-двадцатого веков, в которых низшим из цветов тоже считается красный, а высшим — фиолетовый. Цвет духовного совершенства!

Кроме того, на цвета накладываются "стихии", то есть первоосновы, из которых "состоит" Вселенная. Через систему "стихий" современный мистицизм смыкает христианство с античностью и даже индийской философией, где, как в ньяя-вайшешике, тоже существовало понятие первостихий — земли, воды, огня и воздуха. Но то, что в древних философиях "стихии" имели свое конкретное понятийное наполнение, мало учитывается современной эзотерикой, которая, на мой взгляд, механистично использует многие понятия древности, лишь бы за ними ощущалось присутствие тайны.

Однако путешествие идеи еще не закончено. Все эти лестницы за последнее столетие неожиданно плотно срослись с йогой, настолько плотно, что можно даже говорить о феномене "христианизированной йоги". Семь цветов, стихии и вертикально-ориентированная лестница Иакова настолько "органично" легли на йогические семь чакр, что в итоге стали сегодня одним из нравственных императивов русской интеллигенции. То есть являются одним из рычагов, определяющих выживание нашей нации, поскольку не только дают возможность "оценить" уровень духовного развития человека и его поведение, но, в какой-то мере, определяют и саму цель существования.

В окончательном виде современная лестница выглядит примерно так:

1. Нижняя ступень, Муладхара, красный цвет, стихия Земля, находится в районе копчика. Приблизительно означает агрессию, ярость, борьбу за выживание.
2. Вторая ступень — чакра Свадхистхана, оранжевый цвет, стихия Вода, находится ниже пупка, означает сексуальную устремленность.
3. Третья чакра — Манипура, желтый цвет, стихия Огонь, в районе солнечного сплетения; про "манипурных" людей в народе сказали бы, что у них руки к себе гребут.
4. Четвертая — Анахата, зеленый цвет, стихия воздух (подчеркиваю это!), центр груди. С этой чакры, "если она у человека раскрыта", начинается положительная оценка человека.
5. Пятая — Вишудха, голубой цвет, стихия — "эфир", район горла.
6. Шестая — Аджна, синий цвет, лоб.
7. Седьмая — Сахасрара, фиолетовый, макушка.

Современный мистик считает, что раз человек сотворен из праха, то есть из Земли, то и двигаться к Богу надо вверх, то есть последовательно вскрывать в себе один стихийный центр за другим, одну чакру за другой от низших к высшим, пока не будет достигнуто освобождение. Такое библиейско-йогическое смешение отнюдь не есть нечто абсолютно новое. Ранний христианский мистицизм, по

крайней мере, времен Лествичника, совершенно определенно использовал не так уж мало медитационных техник, заимствованных у нагомудрецов, то есть, индийских йогов.

Поскольку это мистическое освобождение осуществляется через верхний, тысячелепестковый лотос, Сахасрару, то без малейшего сомнения принимается на веру необходимость поступательного раскрытия чакр от Муладхары до Сахасрары для того, чтобы достичь христианского "Бога на облаке". Более того, создается впечатление полного взаимоподтверждения лестницами различных систем друг друга. Тем более что и система даосских Котлов — Дань-Тяней, с помощью которых выращивается "бессмертный зародыш", в чем-то подтверждает приведенную выше лестницу, помещая нижний Дань-Тянь — Котел силы — ниже пупка, а остальные располагая в теле человека последовательно вверх в местах, примерно соответствующих чакрам. Сюда же, ниже пупка, помещает Силу и мексиканская магическая система Кастанеды.

В результате создается впечатление, что все лестницы создавались или на основе какого-то единого древнего знания, или на основе реального видения структуры сознания человека. Именно эти вполне очевидные закономерности И подтолкнули, видимо, современный мистицизм к поиску некоей синтетической системы, так сказать, Универсальной лестницы, объединяющей все эти, в общем-то, очень разные пути духовного совершенствования. Попытка эта вполне закономерна, вопрос только в том — удачна ли она?!

Если присмотреться внимательно, то впечатление, будто йога подтверждает христианскую идею устремленности к Богу по вертикали, создалось в результате чисто механического совпадения высшей чакры с самым высоким местом стоящего человека — теменем. То, что даосы и Кастанеда признают важной зону то ли ниже пупка, то ли ниже солнечного сплетения, фактически истолковывается и как подтверждение универсальной лестницы, и вертикальной устремленности, хотя для даосов она весьма условна, а для Кастанеды и вовсе отсутствует. Впрочем, как и для суфиев, которые в основном нацелены на проработку сердечного уровня.

Для йоги же весь вертикальный рост есть лишь физиологический акт разворачивания по чакрам таящейся в копчике "змеиной" или огненной силы, Кундалини. Но при всем том, что она разворачивается от крестца до макушки, это вовсе не означает для йога вертикали ни в пространственном, ни в христианском смысле. Пространственно разворачиваться она может и не только в направлении от земли к небу, но и горизонтально, как это естественно происходит, если адепт инициирует ее разворачивание в одной из лежачих поз. Но и после выхода через Сахасрару адепт йоги не устремляется на христианское небо.

И все же, несмотря на эклектичность и уязвимость "универсальной лестницы" современной эзотерики, откуда-то этот "дым" идет, и идет уже тысячелетия. Причем, древность истоков этих воззрений позволяет предположить, что родились они у людей видящих, то есть отражают некую объективную реальность человеческого устройства. Искажения и осознанные отклонения от первоначального образа ради отличия от других, безусловно, накапливались в веках. Но первооснова может быть верной просто потому, что она — физика человеческого естества. А если это так, то игнорировать ее означает искусственно удерживать себя в тупике!

Пути и цели духовного роста представителя любой культуры — результат многотысячелетнего развития и с наскоку не познаются. Сами йоги, наверное, с улыбкой относятся к попыткам Европы играть в индусов. Точно так же отнеслись бы ко всему эзотерическому теоретизированию и в русской деревне. Конечно, и мы можем посмеяться над ними в ответ — еще в былинах можно встретить пренебрежительное отношение столичного щеголя к "деревенщине", "мужику простому, червяку земному". Однако, для любого русского, более или менее всерьез интересующегося собственной культурой, ясно, что насмешки над деревней делались за ее приверженность старине, то есть как раз тому источнику, к которому мы и хотим припасть. А о какой старине мы можем говорить в отношении Руси? Тысяча лет после крещения? Или двадцать пять тысяч лет на территории Европы, если верить сопоставительному анализу археологов на материале орнаментов керамики и народной русской вышивки? Пусть даты уточняют специалисты, однако, и без них ясно, что под названием Русь или под каким-то иным, но народ наш существовал десятки тысяч лет, храня свою культуру всеми доступными ему способами и прежде всего в языке.

Мой дед сделал кое-какие записи на эту тему, кое-что на основе его записей я вызнал у стариков

специально. Даже если все, что я намереваюсь рассказать, не старше девятнадцатого века, все-таки это часть традиционной русской культуры и пример мировоззрения "примитивного" русского крестьянина, деревенщины!

Прежде всего, о "Составе человека" или, иначе говоря, об "анатомии тонких тел". Чакры как таковые в Тропе известны не были, хотя присутствовало понятие о семи составах (суставах) человека. Источников получения знаний у меня было несколько. Точнее, кроме дедовских записей и моей собственной бабушки было еще семь стариков. Все они с охотой, хотя и не просто, отдавали знания. Но сказать, что это были одни и те же знания, я не могу. Конечно, определенные взаимоподтверждения, особенно в прикладном отношении, были. Делали они одинаково, очевидно, одинаково и видели. Но вот в отношении теории, названий и вообще слов, мне было очень и очень не просто. Сначала я хотел все собрать и опубликовать, а потом, когда старики мне это запретили, систематизировать, чтобы легче понять. Поэтому я очень придирчиво копался именно в терминах. Итак, мне кажется, что этот странный термин "Семь составов", встреченный мной только у деда, соответствует понятию Ядер сознания и Стогн, которые использовали другие старики.

Ядер сознания три — Верхнее, Среднее и Нижнее. Они расположены внутри Пузыря Жизни (он же Поселенный Пустырь), который видится как та самая знаменитая среди эзотериков аура человека. У каждого из Ядер сознания есть свое "Царство" и своя "Царевна" или "Царица". Именуются Царства сознания соответственно: Среднее (оно же первое) — Медным, Нижнее — Серебряным, Верхнее — Золотым. Правит Медным Царством Дева Обида, Серебряным — Дева Боль, а Золотым — Безмолвная София. Так у деда. Но в отношении этих имен имеется практически полное совпадение у деда с остальными стариками. Только они, в отличие от деда, называли их просто: боль, обида и София или мудрость.

С точки зрения мифологического Мирового Древа, которое делит мир на три уровня, эти три "царства" являются "навными", "нижне-верхними" мирами потусторонних сущностей по отношению к явному, внешнему или срединному миру, в котором живем мы — люди. Хотя можно, на мой взгляд, увидеть и соответствие Серебряного царства нижнему миру, миру сил, золотого ~ верхнему или миру духов, а медного, наполненного обидами и душевной болью — миру людей, обществу.

Кстати, хотел бы добавить, что у деда в записях почему-то ничего не говорится об алмазном царстве, а в сказках оно есть. Там в конце пути герой находит украденную Змеем или Вихорем матушку, что очень символично, поскольку подводит к идее о духовном путешествии к собственной природе, естеству, о возвращении самого себя. Я не могу объяснить этого. С каким бы доверием я не старался относиться к дедовским тетрадам, все-таки я историк, и это заставляет меня искать соответствия этой офенской мифологии с мифологией, описанной наукой. И могу признаться честно, иногда это очень трудно. Тем не менее, я считаю, что сначала должен все передать, как получил, а там придет и время критики и исследований. Сейчас время накопления материала.

Ядро сознания, являющееся "столом" Медного царства, именуется Сердцем. Это, конечно, не физический орган сердце, а сердцевина, середка человека. И хоть оно находится за грудной костью, с Анахатой не совпадает. В свое время я, честно говоря, потратил немало времени, чтобы выяснить это.

Столом Серебряного царства является Живот. Не тот Живот, что брюхо, а тот, про который в народе говорится: "До конца живота моего!"

Ядро Верхнего царства так и именуется Софией, но это только потому, что истинное имя Безмолвной Мудрости произнести нельзя, как мне объясняли. Оно на языке безмолвного знания и общения. И это действительно так, потому что неоднократно за время пребывания у стариков я его знал! Но там! А как принести то, чем обладаешь там, сюда?!

Зоны, где ядра между собой соприкасаются, называются стогны. Стогны в русском языке означали пути, улицы, перекрестки и площади в городах. Но для крестьянина стогно — это прежде всего место, на которое ставится стог. Иначе говоря, это земляная площадка, в которую вбиваются шесты, вокруг которых навивается стог. Этимологически слово "стогно" родственно слову "стегно", которое означает ляжки, бедренную часть ноги. Оба слова, очевидно, происходят от праславянского *stьga* означавшего стезю, путь, тропу [22]. Именуются стогны следующим образом: нижнее, промежность — Стегно, ограничивает или открывает Серебряное царство книзу. Соединяет и разделяет Серебряное и Медное царства стогно с названием Ярло, оно же солнечное сплетение. Стогно между Медным и

Золотым царствами — Горло. На голове же сразу два стога, очевидно, в связи со спецификой Золотого царства. Это Чело и Колород (возможно, от "Коло вокруг Родника", Околородничек?).

Вместе с Ядрами сознания Стогны, как и Универсальная лестница, тоже дают своего рода семь ступеней, которые могут быть рассмотрены как ступени роста, развития или движения человеческого Духа. Их-то я и называю "Русской лестницей". При этом мы обнаружим и совпадения и значительные расхождения с общепринятой сейчас христианско-йогической системой. Совпадения, на мой взгляд, объясняются единым индоевропейским источником и йоги, и русского тайноведения. Расхождения же, на мой взгляд, произошли из-за какого-то катастрофического для древней культуры события, о котором в "Слове о полку Игореве" сказано: "Наниче ся години обратиша!" — Времена обратились наничь! [3, с. 99]. Пока причина этой катастрофы не будет понята, со всей очевидностью можно утверждать, что Россия может по-прежнему сколько угодно молиться, истязать себя аскезой и самоуничтожением, но у нее не будет ни силы, ни счастья.

Первое, что сразу бросается в глаза при сопоставлении Русской и Универсальной лестниц, — это то, что в Универсальной лестнице две чакры — Вишудха и Анахата — как бы поменялись местами, тем самым направив энергию устремлений искателей в пятю. Чакры, конечно, остаются на своих местах, перепутан подход, и, следовательно, потеряна ориентация, управляющая действиями человека. Если же при этом не забывать, что лестница эта Йогическо-христианская, — то в итоге теряется ориентация чуть не во всей системе нравственных ценностей, созданных за тысячелетие для нас христианством. Кроме того, это обращает вспять и токи жизненных сил или, проще говоря, саму жизнь. К тому же принципиально искажается понимание последовательности прохождения этапов, то есть ступеней лестницы и их внутренней сути.

Если в основе йоги и эзотерики лежит реальное видение устройства человеческого сознания, то человек духовного поиска, сориентирован он на открытие чакр или нет, тем не менее, открывает их в себе одну за другой. Точно так же, осознавая это или нет, он ступень за ступенью проходит "Русскую лестницу". Вопрос только в том — насколько успешно это происходит, насколько часто в конце жизни люди оценивают себя реализовавшимися полностью. И насколько же успешно открываются профессионалами эти чакры? Судя по специальной литературе, четыре первые — от Муладхары до Анахаты — с большей или меньшей скоростью — вскрывают. На пятой — Вишудхе, излучающей эфир, — ломаются практически все, даже такие асы эзотерики, как Люсьен Ферер, автор книги "Энергия и чакры". Так и помирают не открыв. Что-то тут не так!

Если верить обычным для современной эзотерики представлениям, то красный цвет, цвет Муладхары, очень плох. Это низший уровень! Кундалини — этот огненный змей — засунут в красную Муладхару, как в темницу, а по-русски, так прямо в задницу! А это плохо, надо срочно поднимать его вверх по чакрам выше к божественным цветам. Хотя бы до Вишудхи — в Анахату. Анахата сопрягается в представлении христианизированного йога, кроме воздуха, — с любовью и великим будущим России (!), потому что Мир вступил, согласно астрологии, в эру Водолея, то есть воздуха и России. И это значит, "анахатная" Россия в следующие тысячелетия любовью спасет мир, взрастив шестую расу людей! На Китайско-Финской границе!.. А кто спасет Россию?

Красный цвет! Солнышко над Русью красное. Девки красные. Красота. Краса... Боги и история шутят над людьми. Пришли кровавые, совершенно не русские по духу люди — коммунисты, узурпировали власть, вырезали пол-России, а знамя сделали красным. Сами не поняли, как это у них получилось, попытались придумать хоть какое-то объяснение, естественно, про кровь...

И никто из них не заметил улыбки Бога — Красна Солнышка. А ведь на Руси стяги всегда были красными. И Спаса потом при христианстве носили на красном знамени. Красный — высший цвет народов, сориентированных на жизнь, на плодородие. Византийские императоры, к примеру, Багрянородные... Как цвет радости стал цветом траура?

Нам говорят — высший цвет фиолетовый. Духовность фиолетовая. А вот русский серебряный век, самые тонко чувствующие люди России, все воспринимали фиолетовый как цвет inferнальных миров. Наверное, потому, что он ближе всего к черному?

У истины нет цвета, у нее есть чистота. Все чистые цвета божественны, смешанные цвета — личностны, поскольку они тварны. Можно ведь и так?

Дикая случайность или коварная ловушка — на цветовой спектр наложить чакры и стихии и сделать

все это системой нравственных оценок. Слабые духом да улучатся и не пройдут дальше, пока не изживут потребность судить и устремляться выше других?

Имеют ли значение для оценки человека "стихии"? Мне кажется, накладка их на человека предельно механистична, хотя и отражает очень древнюю тенденцию рассматривать человека, то есть микрокосм, как подобие большой вселенной. Скорее всего, такой подход есть всего лишь отражение того начального этапа познания мира, когда способ познания по образу и подобию оказывается чуть ли не единственным инструментом познающего ума. Особенно пугающим выглядит стремление создать из стихий систему моральных оценок, что получается чуть ли не само собой, как только они располагаются "ступенями духовного роста". Для современного человека это может означать ошибку и тупик в поисках.

Земля, соответствующая низшему уровню развития человека, получается самой плохой. Но Земля — Богиня! Земля — мать! Ради нее наши предки шли на смерть. Низшей по отношению к чему она оказывается? К небу? Ну а там, где американцы ходят вниз головами, она тоже ниже неба? Земля не ниже, она в центре; Небо не выше, оно вокруг. Она не низшая, она ближняя. Наших предков Земля носила; человек, устремленный вверх по лестнице Иакова, жаждущий сбегать из этой "юдоли печали", попирает ее ногами. Русское мировоззрение начинается за этой росстанью! Карабкающиеся на Афонские горы или на столбы аскеты могли быть святыми, но русскими они быть переставали. Земля же оказалась открывающей ряд "стихий" во всех философиях, создавших понятие первооснов, не потому, что она низшая, а потому, что она первая. С нее и воды начиналось осмысление человеческого бытия. Приведу слова В. Евсюкова из книги "Мифы о вселенной": "Среди космических стихий именно вода и земля должны рассматриваться как наиболее древние и универсальные, ибо мифологическая картина мира, хотя и представляет собой обобщение, тем не менее, полна конкретности, складывается из максимально предметных и чувственно воспринимаемых образов" [23].

Как представляли себе процесс духовного роста скоморохи? Исходя из того, что **то, что вверху, подобно тому, что внизу**. Я вовсе не хочу этим сказать, что они знали слова Гермеса Трисмегиста. Просто — все рождающееся рождается сходно, даже идеи. Они имели прямое отношение к служению плодородию и разбирались в этом вопросе. Даосы сравнивают процесс духовного роста с "вращиванием бессмертного зародыша". Можно говорить на языке буддизма или Юнгианского психоанализа, но, в любом случае, понятия зарождения, вынашивания и рождения некой новой, духовной сущности и есть основное в духовных поисках. Для скомороха, правда, рождающийся телесно ребенок был таким же Богом, как и самое наидуховнейшее стремление, как и само несказанное. Для язычника все есть Бог.

Как входит жизнь в человека? В орнаментике Руси много веков существует похожий на трилистник символ для обозначения этого. Его мои старички именовали Зарод, и он есть не что другое, как изображение тройной шишечки хмеля. Именно хмелем, "вьюном" вместе с семенами осыпают молодых и брачное ложе. Иногда они изображались в виде вписанной в круг розетки с четырьмя Зародами, благословляюще направленными на все стороны Света. Это и есть Колород, Родовое колесо — Символ Рода, служителями которого, очевидно, были скоморохи. Во всяком случае, так писал мой дед. Впрочем, я бы доверял его словам гораздо меньше, если бы об этом же месте вокруг родничка мне не рассказывала старая повитуха Баба Люба. Она накладывала на это место руки так, что пальцы сходились вокруг темечка, я видела, насколько деформирована голова ребенка. Ребенка, правда, в тот момент под рукой не оказалось, и мне пришлось пройти полный курс правки головы самому. Она же принесла из чулана старую расписную прялку, показала на ней рисунок Коло-рода и сказала, что это один из сильнейших оберегов. Попробуем расшифровать его символику, как она это объясняла.

Как в человека входит жизнь? Когда можно считать его живым? С первым криком! Не раньше. Что тогда происходит? Открывается Рот и вместе с дыханием человеку дается Рота или Законная Душа, как бы присягнувшая служить этому телу. Не знаю, насколько чиста этимологическая сторона этих построений, но офеней это нисколько не интересовало. Им нужно было донести до людей понятие "тока Жизни". Рот дан человеку не только для потребления внутрь. Рот — это Ворота Жизни в Теле человека. Пока ток жизни правильный, изо рта могут выходить слова истины — роты, которые даже обещаниями назвать нельзя, хотя в древности Ротой называли присягу, клятву. Но это уже не верно — слова Роты не осознаются как нечто самостоятельное или вообще слова. Просто отделенность от Бога

еще не существует, и все твои слова часть или проявление всеединства, поскольку они просто Естина — то, что есть. С момента, как ты начинаешь осознавать их клятвой, рот твой из Ворот становится Воротом, то есть тем, что поворачивает ток жизни вспять. Рота превращается в Кля или Кляцу, такое слово употреблял один из моих учителей — Дядька, то есть в силу, открывающую нам ворота "навного" мира. Пока Жизнь течет в него, Рот есть Ворота, а когда из него — Кля, что тоже есть ворота, но в мир Смерти. Когда я впервые услышал это слово, я попытался выяснить у Дядьки, откуда он его взял и что оно значит. Он мне ответил фразой, которая меня, честно говоря, сразила:

— Что такое кляча, знаешь?

— Ну... лошадь едва живая.

— Кляча — это одер, на котором покойника везут в иной мир! На смертном одре, говорят!

Кстати, и Маковский однозначно считает лошадь символом смерти и преисподней [16, с. 111].

Умение обращать, возвращать, превращать или просто вращать ток Жизни в ту или иную сторону и считалось у скоморохов волшебством, то есть искусством волхования. Но когда мне об этом рассказывали, это было так сложно, что я пока еще не готов об этом говорить.

Возвращаясь к начатому, добавлю — Рота еще совсем не есть слово в собственном смысле. Клятва, заклинание, проклятие или заклятие уже слова, но тайные, известные только посвященным и используемые исключительно в сакральных целях для поддержания Жизни на Земле. Но как только нарушена первая клятва, в Мире появляется Слово в собственном смысле. Вот с этого момента Времена и обратили себя наничь. Все, что было до этого, было не больше словом, чем первый крик ребенка. Слово было в начале лишь теперешнего, обращенного наничь, железного века. Кали-Юги. Но очень хочется верить, что Русь пришла, еще когда были веда Трояни на Земле! И хранит память о пути назад. И у моего деда, и у Дядьки прямо звучало, что Тропа Трояня — это путь в Небесную Русь. В науке это называется "поисками утерянного рая" или "возвращением к истокам" и т.п. В общем, это все описано и закаталогизировано... Но очень хочется верить!

Итак, с первым криком открывается рот, открывается Горло, и запускаются в работу сердце и легкие. И вот перед нами первая часть Зарода — Черешок и две верхние доли шишечки. Черешок — путь, ведущий во Чрево.

Когда ребенок издает второй крик? Когда он захочет есть. И тогда, со вторым криком, в тело входит Живая Душа или Жива, открывает Уду желания жизни — Желудок — и опускается в Живот. Вот и завершающая, третья доля Зарода.

Здесь опять появляются сложности с точки зрения науки. Дело в том, что Жива известна как одна из богинь западных славян, и о бытовании этого имени в России сведений нет. Как ни странно, но именно это слово Жива, только не уверен — с большой буквы или маленькой, то есть как имя или как название, чаще всего употребляли старики. Скорее, они использовали его в том же значении, что и слово Живот в смысле жизнь. Как имя богини, занимающей престол нижнего царства, употребляет его только мой дед в своей тетради. Правда, и здесь у меня нет ощущения, что он, говоря о Живе, подразумевает ту же богиню, следы которой сохранились в истории западного славянства.

Я думаю, что в ранг богини он возвел ее сам из слова производного от понятия Живот. В то же время я не могу сомневаться в том, что он подразумевал под ней именно животную душу, то есть нечто, что оживляет тело, потому что в той же тетради он совершенно определенно говорит, что у растений тоже есть душа и зовут ее Жнива. Жниву он тоже пишет с большой буквы. Это в каком-то смысле переключается с заговором после жатвы, когда жницы катаются по стерне и приговаривают: "Жнивка-жнивка, верни мою силу!" Под Жнивой в этом случае явно подразумевается некая сущность — то ли хозяйка урожая, то ли растительной силы, спорости. В любом случае, даже если параллель с западнославянской Живой случайна, и у Жнивы и у Живы есть вполне определенный образ и функции в представлениях русских крестьян. Вот что пишет об этом Даль в книге "О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа": "Народному поверью, что сердце лежит под грудной костью, под ложечкой — сердце болит, отвечает по крайности и ученое, латинское название этого места (sevobiculum cordis); а поверью, что душа сидит немного пониже, в желудке, соответствует положение брюшных нервных узлов, называемых также брюшным мозгом и седалищем животной души" [24].

Итак. Жизнь вошла, и что же у нас открылось первым — Муладхара или Сахасрара? До них еще, как до полюсов, далеко. Открылось горло или эта самая пресловутая Вишудха, а за ней легкие — Анахата, желудок — Манипура и живот — Свадхистхана. Грамотный русский йог, конечно, скажет, что это

разные вещи. Об этом я и пытаюсь сказать. Духовный рост и "энергетическое" копание в чакрах — не одно и то же. В русской деревне не было ни Вишудхи, ни Эфира, чтобы их открывать. У меня даже произошел курьезный разговор с одним из моих наставников, со Степанычем, у которого я допытывался, есть ли Эфир:

— Нет, не завозили,— в конце концов лаконично ответил он.

Все товары к ним в деревню завозила автолавка.

Эфира на Руси нет. Но масса современных эзотерических учений дает нам титанические построения, основанные на Эфире, как на одном из базовых принципов Вселенной. Совершенно очевидно, что это пришедшее к нам через латынь слово — дань уважения учителям римлян древним грекам, которые называли

Эфиром пятый первоэлемент Природы. Однако, современники этих теорий уже тогда, в древности не принимали их в большинстве своем всерьез. Загляните в историю философии. Для них это были очень частные гипотезы, философские изыски, умствования... Почему? Да потому что и задолго до греческих философов, и после них существовало истинное, народное понимание эфира. Никто из эзотериков почему-то не догадался просто посмотреть это слово в латино-русском словаре. Латынь в чем-то удивительно близка древнему русскому языку. Может быть, и не безосновательны предположения, что предшественники и учителя римлян этруски близки нам, русским? Язык живет и изменяется. В русском языке исчезло, например, назальное "н". Игорь когда-то звучал как Ингор, Святослав как Свентослав, Световид как Свентовид. Конечно, за века и тысячелетия звучание многих слов значительно изменилось, и все-таки древняя единая первооснова до сих пор просматривается внимательным взглядом. В латыни перестало произноситься начальное "в". Веней, беглец из земли Трояней, после того, как на нее восступила Дева-Обида, стал Энеем. Соответственно храм (aedes) звучал как Ведес, воздух (aer) как веер, а наш пресловутый эфир (aether) — ветер, воздух или небо. Желающих отправляю за подробностями к исследованиям Л. Рыжкова. Приходят времена, и вместо чистого Ветра-воздуха требуется одурманивающий наркотический Эфир.

Так чем же открывается Вишудха? Мне думается, тем же, чем и русское Горло — воздухом. Движущимся воздухом. Ветер — это движущийся воздух. В отношении человека движущийся воздух — это дыхание. Ветер же можно считать дыханием Земли. И китайское ци и индийская прана — это не энергия, а воздух, дыхание. Соответственно, и "эфир" должен бы обозначать все то же дыхание, которое заполняет горло. Воздухом открывается оно при первом рождении, телесном; воздухом же и при втором, духовном. Или по-русски — Духом. Иначе говоря, воздухом, несущим искреннее, душевное слово — как на духу! То есть исповедью.

Я был свидетелем диалогов между "видящими" экстрасенсами и их пациентами, когда "мастер", устремившись вглядываясь внутрь пациента или ученика, значимо произносил: "Почему Вишудха-то закрыта?" И ученик начинал плести какую-то околесицу о сложностях жизни. Мне кажется, наши русские самородки, обладающие видением в том или ином объеме, но не прошедшие полноценной подготовки в йогической среде, все-таки видят не Вишудху, когда говорят, что она закрыта, а эффект закрытости или забитости Горла. Забитое невысказанными словами и невыплаканными слезами Горло, может, и перекрывает Вишудху. Не знаю. Но вот то, что рот надо было держать на замке всю нашу советскую жизнь, а имя этому замку было Неискренность, неоспоримо. Это основная болезнь Горла в двадцатом веке. Очень не простая и разрушительная болезнь. И лечится она только Крещением. Но не тем крещением, которое ведет свое происхождение от Креста, а тем Крещением или Кресением, как говорили офени, которое произошло от ритуального очищающего огня Креса. Но это особый разговор.

Так что за реальность прячется за этим мифическим пятым первоэлементом, и что говорит об этом русская традиция? Ранее я помянул две перепутанные чакры — Вишудху и Анахату. То, что в Горле воздух, а не эфир — очевидно. Но если понимать под словом эфир то, что оно и означает в родном языке, то есть в латыни, без философических накруток, то мы имеем первое совпадение Универсальной и "Русской лестниц". В горле действительно эфир, но в значении воздуха. А что же в Анахате или, по-русски, в Сердце, стихией которого считается воздух. Но это же тоже очевидно для представителя русской культуры — любовь, а не воздух! Но любовь есть духовный свет, а свет есть материализованная любовь, как понимали в Тропе. Вот этот самый Свет божественной любви, очевидно, и был истолкован в Универсальной лестнице как Эфир. Во всяком случае, мне доводилось встречать такое объяснение понятия эфир. Да, собственно говоря, тот же Парменид, одним из первых

начавший использовать понятие эфира, понимал под ним Свет и Огонь. В итоге, Свет божественной любви начал сознаваться как нечто самостоятельное по отношению к сердечной любви, а самостоятельное имя эфир сыграло злую шутку и подтянуло новорожденный "первозлемент" к горлу, которое назвалось таким же непонятным, но очень впечатляющим словом Вишудха. В итоге собственный первозлемент горла был отодвинут, перекрыт, а к горлу оказался приписан несуществующий в природе первозлемент, являющийся лишь заимствованием из предыдущего уровня. Раньше ученик "брал" школу, как соответствующие состояния сознания, напрямую от учителя, по прямой передаче. Современный человек, да еще оторванный от глубинных источников школы, вынужден очень до многого доходить через понимание. Попытка понять, что такое Вишудха и, соответственно, эфир, заворачивает его устремленность обратно к любви, то есть Анахате. Результат — на глубоких подсознательных уровнях, где находятся архетипы мышления, а значит и культуры, и основные значения слов, перемешались токи жизненных сил. Жизнь обратилась в пятую.

Эфир-воздух, приписанный к горлу как любовь, направляет духовные токи к месту любви, то есть обратно в сердце и через него в Манипуру-Ярло. Здесь мы имеем еще одно совпадение лестниц по стихиям. Ярло, Ярило — ярый огонь, солнечный огонь в солнечном сплетении. Веды говорят, что Огонь имеет три ипостаси — Костер на Земле, молнию в поднебесье, Солнце в небесах. Ярило — один из солнечно-огненных Богов Древней Руси.

Следующая стихия — вода. Расположенный ниже пупка "центр", именуемый по-русски Живот, однозначно признается местом силы и у русских. Начать хотя бы с того, что Живот является мерой усилий. Больше, чем он позволяет, не сделаешь: не тужься слишком сильно — живот (или Пупок) надорвешь! Что же там такое под пупком? Ни одна традиция, ни одна культура не сумели связать понятия Воды и Силы так мощно, как русская. Ниже пупка у нас находится Моча! Жидкость и Мощь одновременно.

Но обращение вспять лестницы Иакова продолжается, и мы стремительно приближаемся к Земле.

Как вы помните, зона Муладхары на офенско-скоморошьем языке называлась Стегно и связывалась ими с понятием Стогна, то есть земляной площадки, на которой между двух шестов-стожар навивается стог. Пространство между стожарами называлось в крестьянском быту Промежек, на него-то и кладется так называемый Зарод стога.

А теперь посмотрим на человеческое тело. Два шеста-стегна — две ноги — разделены промежностью, над которой находятся органы, которые лучше, чем Зародом, и не назовешь. Стегно же является путем в Зарод. Посмотрите, как рассказывают об этом русские старины о рождении знаменитого Вольха Всеславьича:

По саду, саду зеленому,
Ходила гуляла молода княжна
Марфа Всеславьевна.
Она с камени скочила на лютаго на змея;
Обвивается лютый змей около чобота зелен-сафьян,
Около чулочика шелкова,
Хоботом бьет по белу стегну —
А втапоры княгиня понос понесла [25].

Шесты эти именовались стожарами от слова стог. Но Стожарами же именовались в русской традиции и Плеяды (иногда, впрочем, и Медведицы). Они же именовались и Волосожарами. То есть огнями Волоса. А Волос-Белес — подземно-подводная ипостась когда-то единого Бога-отца Варуны. Кстати, в так называемом основном мифе индоевропейцев, в битве Громовержца со Змеем, именно Волос выступает в роли Змея. А Вольх, очевидно, его жрец, волхв. Если попытаться найти место Белеса в человеческом теле — то это, видимо, ноги, особенно пятка. В тропе она считается нижним Родничком или Пупком, через который мы связаны с Богом-отцом. Не случайно в ней находилось самое ценное место выходца из Скифии Ахиллеса, Так же совершенно не случайно Душа прячется от страха именно туда. Я даже и не задумывался, почему она в "пятки убегает", пока меня об этом не спросил Дядька. Душа, как и маленький ребенок, со страха бежит не в случайное место, а под защиту

отца или матери. Только тут требуется одно уточнение. Как мы уже говорили, на Тропе считали, что у человека две души — Душа и Жива. Отец первой какой-то другой бог. К Велесу же то ли в ноги, то ли в огонь бежит прятаться Жива. Все это закономерная деталь огненного перехода, который должен в результате своего духовного развития совершить каждый человек.

Огонь для Тропы действительно тесно связан с ногами. И они находили этому языковые подтверждения. Во-первых, при чтении слова нога наоборот получается агон(ь). Ходячий огонь. Они говорили: это вниз идет нога, а вверх огонь. Точно так же шесты для них прямо являются символом огненного перехода, поскольку содержат в себе и понятие шествия, и огненности: шесток — площадка, на которой разводится огонь в печи.

Еще один, хотя и весьма уязвимый, намек на связь ног с Волосом, который и исследователями считается змееподобным противником громовержца Перуна, дает чтение слова ноги как наги — индийско-санскритское "змеи". Допустима ли такая этимологическая связь? Не знаю. Скорее всего, нет. Но очень многие древние боги были змееногими. Говорить же о едином происхождении санскрита и древнерусского языка не приходится, так эта тема избита.

Возвращаясь к скоморошьему мировоззрению, надо еще добавить, что уподобление ног человеческих стожарам они видели еще и в их утвержденное в земле. Стожары не вольны покидать свои стогна. Не вольны и мы. Сорок тысяч лет тому назад, записал мой дед, Русь пришла Тропой Трояней на Землю, и пока не истечет отведенный ей срок, "крыльця соколам будут припешаты" Земными Тягами, которые все возрастают век от веку. Но стогны — это не только площади, но и дороги. Поэтому "не вольны ноги покидать дороги". Скоморохи верили, что они, внуки Велесовы, то ли выходцы со Стожар, то ли через Стожары пришли на Землю. Ходоки. Они хотели вернуться Тропой Трояней на далекую нашу Прародину, на Небесную Русь, и для этого всеми доступными им способами уменьшали свои Тяги. До восемнадцатого века они предпочитали не иметь семей, не иметь дома-хозяйства и бродить артелью по всей Руси Великой. Главной своей задачей они считали сохранение для крещеного люда древних знаний о Небесной Руси.

Может быть, это все было самообманом, да и были ли в действительности какие-то знания, кроме веры в существование где-то далекой прародины?! Но обратиться наничь еще раз, повернуться к своим истокам — это заманчиво, это сказка. Во всяком случае, Русь народом-богоносцем сделала пробный рывок по лестнице Иакова... приземление было памятным. Теперь уже вряд ли кто-то в мире считает русско-советский народ богоносным. Хорошо это или плохо? Офени считали, что "все, что ни дается, к лучшему". Наше современное положение, конечно, не из самых завидных и уж точно стало ниже, зато ближе к земле. Падать дальше некуда. Зато основание надежное, если опять не соврем себе. По крайней мере, вполне можно подумать о собственном пути, о собственной Лестнице.

Природа человека божественна. В тебе от рождения уже все есть, ты уже всего достиг, еще не начав пути. Лишь чужеродный сор мешает осознать это. Тяги земные. А они убираются. Кресением. В общем-то, в этом и есть смысл движения по "русской лестнице". Все очень, очень просто — всего лишь вычистить, убрать из себя все, что было привнесено в тебя помимо твоей воли. Вычистить только то, на что ты не давал согласия, чему ты в себе не хозяин. Этого достаточно. И это одно из первых согласий, которое заключается со слушателями, пришедшими учиться на Тропу: Тропа — это место, где собрались единомышленники в вопросе поиска знаний, средств, возможностей и помощников для очищения себя от чужеродного сора. Все остальное — твое личное дело. Это суть этнопсихологического подхода, как я его понимаю.

Правда, для объяснения этой простоты была создана целая "Хитрая наука" — она же "наука мышления".

И

Психология

Этнопсихология

В психологической науке для меня все начинается с Николая Ивановича Надеждина, с его доклада "Об этнографическом изучении народности русской" на первом собрании Русского географического общества в тысяча восемьсот сорок шестом году. Там он поставил вопросы. А это уже половина успеха. Вот первый: "В России, которая в настоящем величии своем сама есть целый огромный мир, главным предметом внимания нашего должно быть то, что именно делает Россию Россиею; то есть — "человек Русский!" Разумею: совокупность отличительных черт, теней и оттенков, обуславливающих особую, самообразную бытность человечности, или как говорится обыкновенное — "народности Русской", сказать короче еще — этнографию собственно "Русскую!" [26, с. 107-108]. Второй — о предмете новой научной дисциплины: "После языка, выражающего собой <...> целостность "человеческой природы", внимание этнографии естественно должно обращаться порознь на обе составные ее стихии, то есть "телесную" и "духовную". <...> Это составит две другие части народоописательной науки, кои можно назвать "этнографией физической" и "этнографией психической" [26, с. 112].

Затем идею изучения этнической психологии русских подхватывает Константин Дмитриевич Кавелин, юрист, философ и соратник Надеждина по этнографическому отделению Русского географического общества. Всю свою научную жизнь философ Кавелин пытался стать психологом и для этого воевал с "материализмом" с позиций "положительной" науки. В конце концов, это выразилось в крупнейшем научном конфликте века, о котором говорило все просвещенное общество России. Это был так называемый спор идеалиста Кавелина с материалистом Сеченовым. Русское общество второй половины девятнадцатого века приняло сторону Сеченова, поскольку он был прообразом то ли того самого Тургеневского резателя лягушек Базарова, то ли другого кумира передовой интеллигенции Рудина. Но это, по сути, было политическим решением научной проблемы.

А проблема заключалась в том, что один великий психолог, прикрывающийся от общественного мнения мундиром материалиста, утверждал, что психология — это наука о "психических процессах", которые можно исследовать методами, сходными с исследованием процессов физиологических. Другой великий психолог, прикрываясь от общественного мнения мундиром положительной науки, считал, что психология — это наука о "психических процессах", которые можно исследовать, изучая эти процессы материально воплощенными в артефакты, то есть через культуру и историю народа. Почему это не устраивало Сеченова — тема особого разговора. В принципе, он постоянно исследовал и "предметное" мышление и генезис мышления. Что не устраивало Кавелина в теории Сеченова понять, мне кажется, проще — скорее всего отказ от Души и признание машинное человеческого сознания. И опять же этот спор мне кажется скорее политическим. С научной же точки зрения они были очень и очень близки, они исследовали одни и те же темы, они использовали одни и те же термины, только шли они к истине с разных сторон.

В итоге этого спора Кавелин, по сути, оказался основоположником русской этнопсихологии. Как разворачивалась его мысль? Приведу только одну цитату из его "Задач психологии" тысяча восемьсот семьдесят второго года.

"Единственное, чем человек действительно, коренным образом, отличается от всего остального мира, — это способность его выражать, во внешних предметах, психические свои состояния и движения, передавать в образах и знаках совершающиеся в нем психические явления, не подлежащая внешним чувствам. Ни одно, даже самое развитое и совершенное животное не может извлекать статуи, нарисовать картины, начертать план или фасад, положить звуки на ноты, написать письмо или книгу" [27].

Если приглядеться, то за этой фразой скрыт все тот же спор с Сеченовым, который в 1863 году в своей основополагающей работе "Рефлексы головного мозга" заявил: "Все бесконечное разнообразие внешних проявлений мозговой деятельности сводится окончательно к одному лишь явлению — мышечному движению" [28]. Не такое уж и неуязвимое заявление, но если понимать под "мозговой деятельностью" мышление, то оно очень близко к истине. Но вот исчерпывается ли мышлением все многообразие того, что попадает у Сеченова под определение "мозговой деятельности"? Могу сразу сказать, что учившие меня старики не согласились бы с этим однозначно, и мы еще к этому вернемся когда-нибудь. Вот так же и Кавелин в приведенной цитате, да и во всей этой работе, которую историки психологии считают целиком направленной против теории Сеченова [см. 29], пытается показать "пути за" эту категоричную однозначность психофизиологии.

Еще раз повторю: к сожалению, "прогрессивная" русская общественность приняла в том споре

сторону Сеченова. Из крупных научных авторитетов той поры, пожалуй, можно помянуть еще профессора Челпанова, который был близок к взглядам Кавелина. Да небольшую научную периферию, которая как-то незаметно сходит на нет к концу столетия. В итоге этнопсихология так и не развилась в России, хотя родилась на полтора десятилетия раньше, чем в Германии, где ее зачинателями были Лацариус, Штейнталь и Вундт [30].

Правда, с 1916 года в Московском университете Густав Густавович Шпет читает даже специальный курс этнопсихологии. Результатом его трудов явится в 1926 году "Введение в этническую психологию" [31]. Но ее вряд ли можно хоть в какой-то мере считать продолжением Надеждинско-Кавелинского направления, хотя сам Шпет как феноменолог и очень к нему близок. Во "Введении" Шпет, скорее, дал начало совсем новому научному направлению в психологии, которое и является преобладающим в современной русской науке. Его этнопсихология — это психология межэтническая. Предшествующее же направление я бы назвал психологией этнографической. Межэтническая психология рождается в условиях социалистического режима под давлением "социального запроса" на создание инструментов регулирования межэтнических взаимоотношений. Кавелинское же направление вело к изучению собственных знаний народа о психологии, к психологии неосознаваемой, так называемой, "наивной психологии" [1], хранящейся в языке народа, в его истории и культуре. Только в последние десятилетия в мире появился интерес и какое-то понимание этого явления [см. напр. 32]. Потребовалось больше века, чтобы идеи Кавелина стали современными.

Как ни странно, но я бы посчитал продолжателем той же линии, что вел в психологии Кавелин, не Шпета, а швейцарца Юнга, работавшего в одно время со Шпетом. В тридцать четвертом году он публикует работу "Об архетипах коллективного бессознательного", где заявляет: "...душа содержит в себе все те образы, из которых ведут свое происхождение мифы" и "благодаря тысячелетним усилиям человеческого духа эти образы уложены во всеохватывающую систему мироупорядочивающих мыслей" [33, с. 100—101]. Для меня это прямое развитие идей Кавелина. И более того, очень многое у Юнга поразительно совпадает с тем, что говорили мне простые русские старики. Но об этом надо рассказывать особо.

Можно, конечно, упомянуть еще немало имен людей науки и искусства, кто близок лично мне или подтверждает, как мне кажется, психологическую теорию Тропы своими поисками. По крайней мере, приведенная выше цитата из Кавелинских "Задач" может рассматриваться и как задача создания науки интерпретации знаков культуры, то есть значений и смыслов, что воплощено в современной семиотике и этнолингвистике. Но лучше продолжить этот разговор в специальной статье. В этой же статье я бы хотел поразмышлять с точки зрения этнопсихологии о главном, на мой взгляд, для науки: языке, предмете и методе.

ЯЗЫК

Надеждин писал в своем докладе РГО 1846 года: "До сих пор всеми усилиями и трудами этнографов не открыто другого вернейшего и удобнейшего средства различать и обозначать "народы", как по их "языку".

Это всеми признанная, непреложная истина, что "слово" вообще, будучи не чем иным, как мыслью, воплощаемой в звуках, выражает собой сущность "природы человеческой", которая сама есть не что иное, как воплощение духа в веществе; от того понятие "человека" всегда и везде считается совершенно равнозначным понятию "существа словесного". <.,> Можно посему сказать наверное, что "язык народа" как был, так и останется навсегда — главным залогом и главным признаком "народности", следовательно — главным предметом, призывающим на себя внимание этнографов" [26, с. 110-111].

Возможно, что это утверждение уже устарело и может быть оспорено с каких-то позиций. Однако и недооценивать его нельзя, хотя бы по тому, как активно развивались за последние десятилетия лингвистические дисциплины типа этнолингвистики, теории машинного перевода, семиотики, интегрального описания языка и другие. Можно, пожалуй, считать, что языковедческий подход снова лидирует в науках о человеке. Однако меня интересует лишь язык науки психологии, науки о душе.

Последнее время в России снова появился интерес к этнопсихологии. За последнее время вышло несколько работ — авторских и научных коллективов — посвященных этой "научной дисциплине". Я

осознанно беру выражение "научная дисциплина" в кавычки, потому что оно, на мой взгляд, предельно сжато и предельно наглядно показывает язык психологической науки. Я бы назвал его "язык-кентавр". Посмотрите, как определяет предмет этнопсихологии доктор психологических наук Ю. П. Платонов во "Введении в этническую психологию": "Предмет этнической психологии в его социально-психологическом аспекте составляют этнические стереотипы, диспозиции и экспектации взаимодействующих субъектов, которые и выступают этническими детерминантами человеческого поведения" [34].

Хочу сразу оговориться, что это пособие было одним из лучших на момент выпуска, и Платонову удалось собрать целый научный коллектив для работы над ним. Однако, после выхода пособия в свет, коллектив распался. Независимо от объективных причин, мы можем усмотреть определенные психологические предпосылки к этому уже в самом определении исследуемого предмета. Для этого достаточно задаться вопросом: а что хотят авторы такого текста?

Вполне можно заявить, что этническая психология в частности и психология вообще еще не определились со своим предметом. Все попытки определения не совпадают с самоназванием. Ставя в одном предложении: "Психология есть то-то..." — психологи, по сути, заявляют: "Наука о душе есть не наука о душе". Следовательно, не изучение души (что бы под этим ни понималось) является основной задачей. Тогда что?

Кстати, русский язык плохо принимает и само выражение "психология", как только оно перестает быть термином. "Наука о душе" не звучит в русском, хотя легко и естественно принимает сходные сочетания, типа наука побеждать или наука мышления.

Полтора года психология всерьез сражается за то, чтобы занять место равной среди других наук. Это место равного есть место в обществе, свое место, со всеми вытекающими из этого последствиями. Место в обществе, в первую очередь, всегда достойное место! А у человека, занимающего достойное место, всегда имеется один отличительный признак, показывающий всем его место в обществе и их место относительно него — признак этот называется мундир, форменный мундир в соответствии с табелем о рангах. Мундиром русского аристократа конца восемнадцатого начала девятнадцатого веков был французский язык, который был его главным отличительным признаком от плебса, то есть русского народа. Одежду можно украсть или присвоить, как и трон, но языком надо владеть. В присутствии говорящих на языке аристократии остальные сразу осознают свое место и их место в обществе.

Вот в этом, пожалуй, и скрыт ответ на вопрос о целях, правящих большинством психологов при написании их работ тем языком, который считается языком "научной психологии". Занять достойное место...

В народной культуре, как и в науке, все повторяемо. Это дает основание для вопроса: не является ли цикличность народной жизни, праздников, труда, своего рода признаком "научности" той "психологической теории", которая лежала в основе устройства этой жизни? "Научность" в этом случае означает определенную равноценность народного мировоззрения современной науке с каких-то точек зрения, в частности, с точки зрения повторяемости результата, предсказуемости, нацеленности на решение жизненных задач. Конечно, подобная "психологическая теория" не имеет автора, в то время как наука глубоко личностна, однако, анонимность не есть признак неистинности. Эту теорию мы можем назвать по-русски Мировоззрением, что означает "способ видеть мир". Что это такое — вопрос долгих исследований, но сразу можно сказать, что народное мировоззрение — самый мощный из психологических инструментов выживания в земных условиях, находящийся в распоряжении как непсихологов, так и психологов. И выражается оно, в первую очередь, в языке. И именно в языке мы видим наибольшее расхождение современной психологии со своей материнской средой.

И тут надо честно признать, что это именно наука, психологическая наука, молодая и заносчивая, как ее творцы, вроде Сеченова и Павлова, не успев родиться, принялась создавать свой язык внутри русского языка, даже не попытавшись присмотреться к нему, поискать, нет ли в русском языке уже готового подъязыка, так называемой "наивной" или народной психологии. Что в итоге? Создан язык для своих, язык свойства. Но между тобой, как русскоязычным человеком, живущим в мировоззрении, вросшем в тебя с детства в соответствии с тем способом, каким видят мир русские, и миром, который исследуется, встал дополнительный инструмент — "научный язык", на который увиденное надо дополнительно переводить. Это при всей-то сложности мира!

В итоге внутренне первоочередной задачей психолога становится познание "языка науки" и уж только во вторую очередь — понимание познаваемого. Редкая птица долетает до середины Днепра!..

Конечно, практические задачи научного поиска и обработки материалов предъявляют весьма определенные требования к языку. Одно из них — необходимость в иностранных заимствованиях, когда отсутствует соответствующее русское слово. Знаменитый пример с калошами-мокроступами, когда почвенникам было доказано, что фанатично отказываться от заимствования нового — неразумно. Однако, чем лучше фанатично заимствовать и даже искусственно изыскивать иностранные замены русским словам? Если мы приглядимся к заимствованиям, то увидим, что они, по сути, бывают двух родов. Первый — это заимствование имен, второй — понятий. Очень легко и естественно вписываются в русский язык все слова, которые пришли к нам вместе с соответствующим предметом: трамваи, троллейбусы, автомобили и тому подобное. Есть предмет, есть называющее его имя. Язык обогащается и не страдает. Но это скорее народный или собственно языковой уровень заимствования. Науку он не удовлетворяет. Наука предпочитает заимствовать по крупному, выкидывая понятия и заменяя их терминами, которые можно потом бесконечно переводить и комментировать в целых трудах. Дико видеть сейчас психолога или психиатра, который, крутя перед собой рукой, просит: "Подскажи, как это по-русски! Эмоции, эмоции! Как это по-русски!" Одна только литература по определению отличий эмоций от чувств могла бы занять книжную полку.

Конечно, ни один живой язык не может обходиться без заимствований. Но, принимая это положение, каждый раздел науки должен, как мне кажется, вполне осознанно поставить и решить вопрос о собственном языке. Наверное, совершенно не имеет значения, на каком языке говорят чисто знаковые науки типа математики, лишь бы сами ученые себя понимали. Но для наук мировоззренческих этот вопрос не так однозначен. В общем, любая наука имеет право на свой язык, в том числе и психология. Этнопсихология, как психология межэтническая, наверное, может говорить на некоем усредненном языке, научном эсперанто, одинаково понятном любому из изучаемых этносов. Но психология этнографическая, изучающая мировоззрение, не может не ориентироваться на язык того народа, чье мировоззрение она изучает, особенно в части мировоззренческих понятий. Русская этнопсихология должна говорить на чистом русском языке, соответствующем ее целям.

Впрочем, стремление к "особому" языку есть признак отнюдь не злого умысла, а всего лишь того, что соответствующее сообщество живо и борется за выживание. Любое сообщество в обществе создает свой подязык в рамках общенародного языка. Его, наверное, можно назвать паразитным языком, потому что такие подязыки используют в основном общенародный язык с его словарем и грамматикой, внося лишь поверхностные отличия для того лишь, чтобы выделить своих из всего остального народа. Потребность выделиться — один из сильнейших механизмов общественной части человеческого мышления. Безусловно, подобный особый язык был и в Тропе.

Тропе вообще было присуще обособляться и выделять себя в самостоятельный и самодостаточный мирок, одновременно прячась, насколько я это понимаю. Так было во времена скоморошества, так было в офенские времена, так это и сейчас.

Причина этого, очевидно, в наличии собственного образа мира, содержащего в себе все, что необходимо для полноценной жизни. И подтверждением этого является всегда полноценный язык. Язык не только словесный, в первую очередь, полноценный понятийный язык.

Естественно, особый язык просто так не рождается. И офенский язык, и язык шерстобитов, и язык конокрадов, и "галицкий лимент" и тому подобные языки прошлого рождаются ради какой-то практической и долгосрочной цели, достижение которой они обеспечивают. Но цель в данном случае становится определенным принципом мироустройства, потому что обслуживающая ее память, запоминая шаги, тем самым накапливает признаки, по сути, присущие миру как явлению сознания: границы, внутреннюю самодостаточность с экономическим и культурным (бытовым) отношением, то есть устройство. Ведь все эти языки обслуживали некую деятельность, достаточно производительную, чтобы обеспечить выживание, и достаточно сложную, чтобы заполнить всю жизнь. Иначе говоря, этот язык становится работающей частью мировоззрения.

Является ли при этом язык живым, определяется не только и не столько даже чисто языковедческими составными, сколько наличием в нем образа мира и образа человека. Именно они определяют устройство языка и способы поведения его носителей, соответственно, и словарный запас и даже грамматику. И, пожалуй, именно разработанность этих двух образов и определяют самодостаточность культурного явления как самостоятельного мира, в котором можно жить. Мне

кажется, разработанность именно этих понятий выделяла язык Тропы из всей остальной массы особых языков.

Стоит, однако, оговориться. Требование к этнографической психологии задуматься о своем языке вовсе не является призывом заменять все иностранные по происхождению слова на русские. Это вряд ли возможно вообще, тем более в рамках науки, которая все равно невозможна без собственного языка. Требование вдумчиво подходить к специальным психологическим терминам — не борьба с заимствованиями, а создание собственного научного языка. Оно не относится ни к бытовому общению, ни к разговору о других научных дисциплинах. Зато внутри этнопсихологического текста любое заимствование на уровне понятий есть знак вопроса.

В завершение разговора о языке мне хочется привести маленькое этнографическое добавление из воспоминаний о том, как я сам познакомился с языком Тропы. То, что блатная феня пошла от офеней, общеизвестно. Даль называет офеней картавыми проходимцами. Картавые значит ломающие язык. При этом сами офени свой язык называли не феней, а маяком. Мне кажется, следы этого сохранились в фене. Язык же бывших скоморохов, влившихся в офенство, стал называться у блатных музыкой, что, видимо, произошло от самоназвания офеней — масыги, масы. Дядька же мне говорил, что нельзя путать понятия масыги и мазыки, от которых и произошла "блатная музыка". Масыги — это всего лишь "свои", "наши". Мас — перевернутый сам. Я-сам — масыга. Мазыки же — это потомки скоморохов, "потому что они с музыкой ходили", как сказал Дядька. Язык же мазыков назывался музыкой только блатными. Сами мазыки называли его Свет или Огонь.

Поэтому, когда в дороге встречались двое мазыков, они приветствовали друг друга словами:

— Ты со светом?

— Со светом по свету.

И обмануть было невозможно, и невозможно было чужому затереться к мазыкам, потому что при этом совершалось скрытое действие, которое мой дед называл "Молением Световидовым", а остальные старики — зажиганием сердца, сродни так называемому "умному деланию" русских исихастов. Видеть его может только тот, кто умеет делать. А умеющий делать — свой.

Слова же: "Ты со светом?" — можно воспринять как блатное: "По фене ботаешь?" (По нашему говоришь?), а можно и как: "Работаешь ли над своим очищением? Бьешься ли, брат, за свою и нашу свободу? Впустил ли в себя вместе с Тропой весь Белый Свет? И несешь ли Свет Миру?"

За этими словами стояли огромные и чрезвычайно важные для Тропы эзотерические теория и практика — основы их маленького мирка.

ПРЕДМЕТ

Я затрудняюсь вот так сходу назвать еще какие-то науки, у которых, как у психологии, было бы так же неопределенно с предметом и он не соответствовал бы названию науки. Сама психология говорит о себе так: "**Психология** (от греч. Psyche — душа, logos — учение, наука) — наука о закономерностях развития и функционирования *психики* как особой формы жизнедеятельности" [351]. При этом понятие психики непонятно и требует обязательной расшифровки даже для психологов: "Взаимодействие живых существ с окружающим миром реализуется посредством качественно отличных от физиологических, но неотделимых от них психических процессов, актов, состояний" [35]. Что же мы имеем?

Кроме ярко подчеркнутой старой и до сих пор по-настоящему не преодоленной зависимости от физиологии, которая потребовалась в свое время психологам, чтобы выделиться из философии, мы, с точки зрения языка, по сути, не имеем ни одного русского слова. "Психология — это психические процессы, психические акты и психические состояния". Без определения психики слово "состояния" становится иностранным и тоже не читается.

Для чего мы в жизни придумываем новые слова? Для того, что еще не имеет имени, для нового и неизвестного. Иными словами, для меня это определение психологии звучит как: "Незнаючто — это незнаюкакие незнаючто, незнаюкакие незнаючто и незнаюкакие состояния". Я не вижу иного смысла заменять "действия" на "акты", кроме как для того, чтобы подчеркнуть, что в "актах", кроме "действий", есть еще и дополнительная неизвестная составляющая, которая все коренным образом меняет, уничтожая "действие" и создавая нечто совсем новое, для чего требуется свое имя.

Что же такое психика? "**Психика** {от греч. Psychikos — душевный) — системное свойство высокоорганизованной материи, заключающееся в активном отражении *субъектом* объективного мира, в построении субъектом неотчуждаемой от него картины этого мира и саморегуляции на этой основе своего поведения и деятельности" [35].

Конечно, и это определение требует дополнительных знаний для того, чтобы быть понятым. "Субъект" и "объект" уже давно стали легко переводимыми с определенной степенью приближения к действительному значению этих слов любым "образованным человеком". Я выделяю понятие "образованный человек", чтобы показать, что это всего лишь еще один круг расширения свойства, слово из языка большого сообщества, в которое входит малое сообщество психологов и более широкое сообщество ученых вообще. Они же все входят при этом в еще более широкое сообщество "мало-мальски образованных людей", где тоже все свои должны понимать "наш" язык. Правда, при этом есть ощущение, что слова "субъект" и "объект" имеют свои "предметы", для которых они являются именами. Но это обман, психологическая иллюзия принадлежности нас к сообществу мало-мальски образованных людей. Это ощущение не из языкового круга психологии, а из более широкого круга. Иначе говоря, их использование может быть оправданно в рамках определенной знаковой или символической "системы" рассуждений, в частности, в философии. В психологическом же тексте они являются заимствованиями, поскольку понятие "системности" в психологии, кажется, еще совсем не разработано. Поэтому выражение: "психика — это системное свойство..." — для моего уха пока звучит диковато и ощущается как заимствование и претензия на наукообразность. Только если раньше психология подделывалась под физиологию, теперь она подделывается под незнаючто — очень современное и очень защищенное мундиром повышенной псевдоточности.

Тем не менее, если приглядеться к этому определению психики, то за ним начинает проступать предмет, как ни странно, отступающий от психофизиологии и приближающийся к тому, что обосновывал в "Задачах психологии" Кавелин. И этот предмет гораздо ближе к тому, что называется Душой, чем хотели бы сами психологи. Конечно, это тема особой работы, но если отойти от философского понимания души и попытаться просто вслушаться в русский язык, то неожиданно окажется, что народ понимает душу совсем не так, как церковники. Безусловно, существует и понимание ее как "нематериального, независимого от тела животворящего и познающего начала", но, кроме этого, язык знает и "добрую душу", и "черную душу", и "широкую душу", и "болеющую душу", и "русскую душу", в конце концов.

Если эта работа по восстановлению этнографического понимания души будет проделана, то очень вероятно, что именно Душа и окажется тем "субъектом", который "активно отражает объективный мир" и "строит неотчуждаемую от него картину этого мира", а также "регулирует на этой основе поведение и деятельность" человека.

Конечно, я сейчас говорю не о Душе как таковой, а о том, что народ понимал под этим словом. Но вот это-то народное (языковое) понимание и является предметом, по крайней мере, "наивной", то есть собственной народной психологии. Этнографическая (переведем вслед за Надеждиным это слово с греческого на русский как "народоописательная") психология не может не принять такое определение души как свой основной предмет. Тем более что это понятие разрабатывалось и Надеждиным, и Кавелиным, и Юнгом.

МЕТОД

Философский словарь определяет метод (от греч. Methodos — путь, исследование, прослеживание) как способ достижения определенной цели, совокупность приемов и операций практического или теоретического освоения действительности. В области науки метод есть путь познания, который исследователь прокладывает к своему предмету, руководствуясь своей гипотезой [36].

Иными словами, метод — это путь познания предмета, разложенный на определенные шаги. Целью же может являться и сам предмет, и его познание. Зависит от того, что ты хочешь.

А что ты хочешь?

И стоит только всерьез поставить перед собой этот вопрос, как вся наука начинает разваливаться. Того, что ты **хочешь**, в этом определении метода нет. Хотя это все, безусловно, нужно ученому (философу в данном случае) для достижения его сокровенных желаний и опосредованно к ним ведет. Иначе говоря, наука — лишь пошагово разложенный путь к настоящим желаниям ученого. А можно

посчитать, что это всего лишь один шаг, одна ступень в его лестнице достижения счастья. Это никак не отменяет ни значения науки для познания мира или жизни, ни того, что ею действительно достигаются "объективные результаты". (Попробуйте сказать "объективные результаты" русскими словами и почувствуете, как сопротивляется язык. В русском эти суррогатные "незнаюкакие незнаючто" явно требуют перевода во что-то, что является "субъективным" и оценочным, то есть без человека невозможным). Итак, отсутствие в научном методе вопроса о том, что хочет ученый, не отменяет науку вообще, но с психологией все сложнее! Это как раз ее вопрос. По крайней мере, "наивная" психология начинается с этого вопроса, который каждый "наивный психолог" — что означает, каждый человек — обязательно ставит перед собой, если не сразу после прихода в жизнь, то уж точно каждый раз, когда его нос упирается в чужой кулак.

Возвращаясь к вопросу метода, можно определенно сказать, что этнопсихология в определении своих "цели и предмета" следует за "наивной" психологией, которая свою цель определяет как достижение "счастья", а всю жизнь — как путь его пошагового достижения. Следовательно, мы вполне уверенно можем сказать, что вопрос о методе, то есть о путях и способах достижения счастья в жизни, является основным для народной психологии, а значит, и для этнопсихологии.

Я не случайно беру "счастье" в кавычки. Это понятие требует расшифровки и только на первый взгляд кажется однозначным. Тем не менее, такое определение предмета науки, даже в случае, если она родилась как описательная, заставляет развивать ее как прикладную. Иначе нас снова утащит в некую "объективность", то есть отстраненность от предмета исследования. А это значит поучать других, не попробовав самому. Можно ли учить жизни, не зная ее?

И тут мы вольно или невольно приходим к тому, что предметом этнопсихологии является человеческая жизнь, а методом — человеческая жизнь же. Иначе говоря, ты можешь познавать этот предмет, только живя и совершая ошибки. И поскольку, не имея инструментария для исследования такого привычного явления как жизнь, исследовать его слишком сложно, старики советовали начинать с ошибок. Ошибки всегда видны, к ошибкам ты как-то приходишь, по поводу ошибок ты не волен не задавать вопросов, хотя бы потому, что они задаются сами. Поэтому материалом начального этапа в изучении этнопсихологии является то, что мы в жизни привыкли считать ошибками. Научись видеть ошибки, в них есть все ответы, сказали бы мои учителя. Конкретнее этому, может быть, придется посвятить несколько книг.

ИНФЕРНО

Старое и новое неожиданно смыкаются. Особенно очень старое и очень новое. Упанишады и квантовая физика, Тропа и современная психология. Можно отказаться от нового ради традиции. Но тогда приверженность традиции, традиционализм становится лишь одним из видов эскепизма — поиска возможностей бегства от действительности. Каким-то образом традиционное, даже древность, должны сливаться с самым современным очень органично, уже потому хотя бы, что они сливаются так в моем мозгу и в мозгах многих известных мне людей. Значит, психологический механизм такого слияния естественно существует, а мы просто не в силах его рассмотреть.

Конец XX века принес нам новое понятие — виртуальная реальность. Это не значит, что он создал и само явление, — просто никто раньше не считал, что, читая книгу, тыходишь в виртуальную реальность. Скорее, в мир, иной мир. Отсюда популярное сейчас: Миры писателя такого-то... Виртуальная реальность не была осознана даже с появлением кино. Только компьютер принес это имя в середине восьмидесятых. Это значит, что количество накопилось, и произошел какой-то качественный скачок. Какой?

Виртуальная реальность, с психологической точки зрения, невозможна без двух составляющих: того, что мы именуем виртуальной реальностью и человека, способного ее воспринять. Мы можем назвать ее психологической реальностью, хотя больше принято называть искусственной. Однако, слово "искусственность" передает только значение созданности человеком, в отличие от мира природы, в каком-то смысле, нетварного Божьего мира. Термин "психологическая реальность" позволяет расширить понятие и приблизиться к видению его "механики".

Когда начинаешь рассматривать виртуальную реальность как со-действие двух людей, одного — творящего миры, а другого — их воспринимающего и даже живущего в них своим мышлением, становится ясно, что для такого взаимодействия нужно нечто третье, связующее этих двоих и

связующее очень жесткой связью, удерживающей перед книгой или экраном до изнеможения, почти на уровне с тем самым знаменитым рычажком, стимулирующим центр наслаждения в мозгу у крысы. Иначе говоря, слово "механика" здесь вовсе не случайно — связующее звено виртуальной реальности является основой человеческого разума и мышления. Это образ или, точнее, способность разума творить и узнавать образы. Но мир вокруг, как кажется, заполнен образами. Достаточно выйти на улицу и поглядеть вокруг себя. В чем же секрет особой привлекательности образов именно того, что мы именуем виртуальной реальностью?

Для того чтобы попытаться ответить на такой вопрос, надо четко оговорить некоторые термины. В первую очередь, мы должны просто и естественно, буквально на бытовом уровне, видеть разницу между образом и знаком. Образ — явление психологическое и чисто внутреннее. Это некий объем сознания, заполненный жизнью, точнее, памятью о прожитом. Это слепок с куска жизни. Он делается человеком непроизвольно на уровне механики ума и хранит всю информацию о мире в определенном месте пространства за определенное время в объеме, соответствующем "пропускной способности" органов восприятия конкретного человека. В нем может быть что-то главное для человека, так сказать, доминанта, некая черта, которая заставляет человека постоянно возвращаться мыслями к этому образу. Тогда человек будет хранить его в ближней памяти, в отличие от образов без значимых черт. Значимость (вплоть до патологической привязанности) образов определяется остальным мышлением человека.

Знаком может быть все, что напоминает нам о каких-то образах, что вызывает их из памяти. Знаки — это узелки на память. Еще Гегель говорил о том, что сознание перекодирует воспринятое и пережитое с помощью знаков. Если говорить о знаках, имеющих отношение к так называемой виртуальной реальности, то придется заняться систематизацией.

Во-первых, у самого знака может быть образ, образ этого знака. Это наша память или "узнавание" знака. Этот образ в точности повторяет знак, только, условно говоря, в другом материале, и нужен, чтобы перекидывать мостик от знака снаружи через узнавание к более глубоким слоям мышления внутри, где хранятся следующие образы, связанные с этим знаком. Эти образы можно назвать именами или названиями знаков. Мы их или помним, или нет, но жить в них нельзя, это не мир. Они составляют целый слой мышления, но то, что нас интересует, лежит в следующих слоях.

Знаки дорожного движения и подобные им, составляющие следующий слой, имеют и образы-имена, и более сложные образы, вызываемые из памяти через имена или напрямую. Эти образы можно назвать образами действия. Это память о жизни как о лабиринтах, сквозь которые надо прорываться к желаемому, но само по себе пребывание внутри этого слоя образов удовольствия не доставляет, хотя может дать ощущение удовольствия от самого себя и жизни. Это очень разумный слой образов — тобою управляют, но по договоренности и в твоих же интересах. Этот слой мышления можно назвать разумной необходимостью.

Знаки рекламы пытаются воздействовать на воспринимающего их человека вплоть до управления им через зрительное сходство с нужными творцу этих знаков действиями или состояниями, навязчиво вызывая в мышлении образы, сходные с рекламным изображением. И очень часто они "попадают", будят такие воспоминания, которые заставляют тебя подчиниться навязываемому. Это уже совсем другой тип управления, его можно назвать манипулированием, "обыгрыванием на слабостях". Но раз появляется "обыгрывание", значит, наш язык подозревает, что есть не только игра, но и противники, а может быть, и враги. А игра эта называется схваткой, где победа далеко не всегда за нами. Используемые рекламными бойцами "слабости", с точки зрения психологии, тоже элементы механики мышления, иначе они бы не срабатывали. Это уже ближе к искомому, хотя еще не совсем та механика, которая работает в виртуальных мирах.

Последующие знаки надо выделить в особый раздел. Знаками книжных миров, как кажется, являются буквы, значки. Они принципиально отличаются от знаков-рисунков. Они не должны вызывать воспоминаний, на которые похоже изображение. Скорее наоборот, они делают, создают воспоминания, накапливая их описания, точнее, накапливая от буквы к букве, от слова к слову описания образов, соответствующих воспоминаниям или образам читающего. И оказывается, что собственно знаками являются слова и идиомы (образные речевые выражения), потому что, если мы приглядимся к восприятию книжного текста, то увидим, что воспринимаем слово или речевой оборот целиком. Для этого мы собираем его из букв, как из кубиков в одном слое мышления, а затем передаем или отсылаем в другой слой уже целым знаком, где по этому знаку и узнается образ. Это

явление многоуровневой знаковости принципиально важно для понимания психологической механики восприятия виртуальной реальности.

Другой категорией знаков, которые, как и книжные знаки, тоже можно назвать кумулятивными, то есть накапливающими образность, и которые далеко не всеми ощущаются сходными со знаками книги, являются знаки музыкальные и математические. Их различие с буквами заключается только в том, что они вызывают образы, доступные не всем, точнее, не всеми принимаемые. Это можно назвать определенной культурой. И это верно, если под "культурой" понимать определенный язык, язык своих, наших, а не так называемые образованность и воспитанность. Да, музыкальные и математические знаки — это язык определенных сообществ, будящий у членов этих сообществ сонмы образов их мышления. Образы эти совсем, как кажется, не такие, как книжные, но при этом "понимающий" человек тонет в них так же, как в хороших книге или фильме. И эффект накапливается по мере погружения в этот слой мышления.

Однако восприятие таких знаков может вести как бы в два мира: мир бытовых образов и мир собственно музыкальных или математических образов. Это явно далеко не для всех меломанов. Многие любители музыки просто позволяют ей "расслабить себя", что означает, что такой человек всего лишь предается под музыку воспоминаниям или мечтам, которые тоже есть образы из памяти. Можно сказать, что он позволяет музыке таскать и таскать себя по бесконечным кругам старых переживаний. Такой образный язык музыки принципиально ничем не отличается от образов книги на схожую тему. В данном разговоре его можно отбросить. Гораздо интереснее те образы математики или музыки, которые не вызывают бытовых воспоминаний. Эти образы можно назвать образами взаимодействий. Взаимодействий чего — пока неважно. Пространств, сил, величин, духов, первопричин... Важно, что взаимодействия — это проявление в нас истинного мира, мира Природы, точнее, его отражение сознанием. Судя по всему, пребывание в мире взаимодействий дает глубинное наслаждение и чувство неслучайности себя и своей жизни, потому что они — материал творения, устройства и управления.

Следующий слой был создан живописью, впоследствии ожившей. Кино, а вместе с ним и компьютерная мультипликация, компьютерные игры, что является образами для них? Разбирая кино с эстетической или художественной точки зрения, многие считают образами кино те картины, которые получаются на экране, и пытаются анализировать их, как живопись. Однако, с психологической точки зрения, и полотна художников и кадры кино — лишь знаки, вызывающие соответствующие образы в умах людей.

Соответственно, все, что происходит во время компьютерной игры на экране монитора, — это лишь игра цветовых пятен, складываемых творцом виртуальной реальности так, что становится знаками, которые узнаются зрителем и, в силу этого, вызывают в его уме соответствующие им образы. Однако для воспринимающего это отнюдь не пятна, это фигурки людей, зверей, монстров и т. п. Это надо учесть. Пятна — это всего лишь буквы, словами являются фигурки. Но даже не они, на мой взгляд, являются знаками компьютерной игры, а предложения, состоящие из определенных последовательностей действий, которые и являются в виртуальной реальности полноценными знаками, вызывающими образы — образы взаимоотношений. Эти образы, соотносимые с образами взаимодействий, но совсем не тождественные им, составляют один из самых объемных и насущных слоев нашего мышления.

Итак, если мы начинаем рассматривать знаки виртуальной реальности в терминологии языка, то основная задача творца виртуальной реальности, как и любого творящего речь, об этом писал еще В. Вундт в "Психологии языка" (Первый том "Народной психологии") [см. напр. 37], сделать свое сообщение предельно понятным. Иными словами, язык развивается и усложняется по психологическим причинам, и в первую очередь не из-за необходимости понять другого, а из-за необходимости быть понятым. Это лежит в самом основании мышления, потому что без этого невозможно управление. А для этого надо знать, как устроено у другого это самое "понимание". Сложнейшая задача, если подходить к ней научно. Современная психология с этим не справляется, а эмпирики, то есть не психологи, владеют этой "магией" на бытовом уровне настолько хорошо, что даже изобрели виртуальную реальность. А что такое реальность, если попытаться перевести это на бытовой русский язык? Это мир, наш мир, из которого хочется сбежать в мир иной, лучше нашего, так эта "реальность" нам не нравится!

Совершенно очевидно, что секрет именно в этом понятии — Мир. Точнее, Образ мира (0/м). По

сути, это сложнейшее психическое образование, которое мы создаем с самого раннего детства, чтобы выжить в мире настоящем. В этой статье нет возможности раскрывать понятие О/м подробно. Вкратце же можно сказать, что это многослойная конструкция, хранящая в себе все знания об устройстве окружающего мира в виде воспоминаний или образов, уложенных в соответствии с определенной "архитектурой". Принципиально то, что О/м архитектурно разделен на два основных слоя: слой разумных знаний о Мире-природе и слой памяти о Мире-обществе. Можно сказать, что знаково-образные системы типа знаков дорожного движения относятся к первому, разумному Миру, а все способы манипулирования через вызывание переживаний — к Миру-обществу. Образ мира-общества — это огромный мир взаимоотношений с другими людьми. И в этом он подобен мирам музыки или математики или шахмат, то есть мирам взаимодействий. Это колоссально сложная, запутанная и интересная игра, наполненная взлетами и падениями, поражениями и победами. Она так захватывает, что нам даже некогда жить! Но поражений и боли в нем все-таки гораздо больше, чем побед.

Основу О/м составляет глубинный слой взаимодействий-взаимоотношений (выделим и такую категорию), которые, как это ни парадоксально, оказываются психологически гораздо более важными, чем сами бытовые ситуации, которые мы помним, но без которых мы до этого слоя мышления добраться не можем. А может, точнее было бы сказать, до которого не можем добраться, минуя слой быта и переживаний, напрямую. То, что на одном уровне, в одном слое сознания являлось образами, в следующем, более глубоком есть лишь знак более значимого и будит все более и более абстрактные, с точки зрения быта, образы. Именно в этом притягательность пошлых, казалось бы, бессмысленных "мыльных опер" и самых простых пасьянсов и карточных игр и непопулярность сложных авторских художественных произведений. Примитивизм, показывая настолько узнаваемые бытовые ситуации, что они даже не имеют характерных черт, делает их знаками. Они больше не требуют от зрителя осознанного внимания, и он может направить все свои силы на те образы, что порождаются этими знаками в глубине его мышления. Сложное же художественное произведение претендует на то, чтобы описывать глубинные образы и в силу этого, как ни парадоксально, оказывается предельно обедненным образно. Ты не можешь видеть сквозь него ничего, кроме навязанного тебе автором. Но навязанное редко оказывается еще и интересным именно для тебя. А вот простейшие и глупейшие на вид комбинации ограниченного числа знаков, как в знаменитом карточном "Дурачке", позволяют зрителю самому разворачивать богатейшую палитру взаимодействий, да еще и свою собственную! Партнер ничего не навязывает ему. Каждый разыгрывает свой мир и разыгрывает всегда на пределе своих творческих способностей и ума. Название игры "Дурак" отражает один из важнейших психологических механизмов человеческого разума и поэтому ничуть не случаен. Но об этом надо говорить отдельно.

Итак, если мы создаем набор знаков, между которыми возможны взаимодействия или взаимоотношения, разум накладывает на них собственную "архитектуру" и проверяет, можно ли этот набор использовать для отыгрыша стоящих перед ним задач. Пропуская тонкости, связанные с понятием задач разума (так сказать, самой "задачности"), скажу только, что, поскольку архитектурой разума является О/м, то и набор знаков проверяется на то, можно ли с его помощью творить миры. Жизнеспособность же таких миров определяется опять же возможностями, которые данный набор знаков предоставляет для обыгрывания как можно большего числа задач, стоящих перед разумом человека. А какие задачи стоят перед разумом?

Выживание, в первую очередь, выживание. Сначала в природе, а потом в обществе. Выживание в природе мы осваиваем еще в детстве, а затем бросаем все свои силы на выживание в обществе, ради чего создаем сложнейшее мышление. Значит, меньшая, хотя и являющаяся основой, часть разума занята взаимодействиями величин, связанных с природой и ее законами, а большая и более поздняя — взаимоотношениями с людьми.

Теперь вернемся к тому, что же такое виртуальная реальность. Если мы приглядимся к компьютерным играм, то увидим, что они очень четко делятся на две категории в соответствии с предложенным делением. Абстрактные игры на взаимодействия и аркадные игры на взаимоотношения с людьми. Как кажется, промежуточное положение занимают игры стратегические, вроде бы про людей, но больше похожих на шахматные фигурки. На самом деле люди в таких играх лишь знаки взаимодействия сил. Но эти силы тоже борются за выживание и ради уничтожения противника. Даже игры почти чисто математические склонны подавать завершенную игру как победу, выигрыш. Все остальные — это просто нескончаемая война с постоянным изоощренным углублением

разрушительности. Виртуальная реальность компьютерных игр и вторящих им компьютерных фильмов — это уже огромный и с постоянным ускорением расширяющийся Мир. И имя ему, по точному определению фирмы "Идсофтвэр", создавшей игровой сериал "Дум", — Ад на земле. Инферно!

Что в этом действительно неприятно, так это то, что Инферно оказывается соответствующим структуре нашего мышления. Не рай и не жизнь, а Инферно. Отсюда особая привлекательность для человека и самого Ада, и демонических персонажей, отсюда и увлеченность искусства всяческими страданиями и искушениями святых. Попробуйте заставить режиссера сделать фильм о Рае! Или попробуйте написать книгу о Рае, и вы тут же поймете, что у нас нет для него ни образов, ни слов. В итоге это очень скучно, мышлению просто не на чем там задерживаться, и мы соглашаемся закончить свое существование в Раю только из страха перед Адом. Но даже делая робкие попытки его описывать, мы скатываемся в живописание его инфернальными чертами, как, например, у Высоцкого: "О чем там ангелы поют такими злыми голосами?!"

Инферно долгие века был и виртуальной реальностью нашего мышления, и основным Миром, в котором мы жили своими чувствами и переживаниями. А теперь, благодаря компьютеру, Инферно лавиной выплескивается в наши дома. И становится все злее и злее, если понаблюдать за тенденцией развития компьютерных игр, скажем, от "Вольфенштейна", в котором "Идсофтвэр" впервые заявил, что хочет подобными играми выпустить наш "Ид" во фрейдистском смысле, то есть наш внутренний ад, и кончая "Хранителем подземелья" — игрой во Властелина Ада, который ставит задачей уничтожение "этого глупого Добра там наверху".

Если учесть масштаб развития игровых технологий в мире, можно сказать, что это только начало, мы увидели пока только самый краешек океана такого привлекательного и манящего виртуального Инферно. Может быть, придет время, когда на фоне этого померкнет слава создателей водородной бомбы?

Однако, это всего лишь моральные оценки. С точки зрения психологической они значения не имеют. Хорошо это или плохо надо не заявить, а доказать. Тем не менее, в качестве своеобразного противовеса Инферно-играм, начиная с того же Дума (Doom), стоит виртуальная реальность компьютерных фильмов — "Газонокосильщика" и дилогии о Терминаторе с подзаголовком "Судный день" (Doomsday). Говоря иными словами, если однажды, благодаря развитию компьютерных сетей, чей-то злой гений (и скорее всего, государственный) или Сверхкомпьютер установит на земле "компьютерную диктатуру", разговоры о новой компьютерной сверхбомбе обретают смысл. A-bomb, H~ bomb, C-bomb?!

Независимо от того, насколько это реально технически, с психологической стороны факты говорят о том, что страх перед подобной возможностью является одной из составляющих мышления современного человека, точнее будет сказать, его внутреннего ада. Правда, инфернальная составляющая исконно присуща мышлению, по крайней мере, человека европейской культуры. Он все время ждет наихудшего — конца света в 1999 году, загробных мучений, смерти... Компьютер просто наделяет эту составляющую небывалой силой, потому что это первая виртуальная реальность, где человек перестает быть только зрителем или мечтателем, а становится деятелем, бойцом, да еще и магом, магом-воителем. Совершенно очевидно, что наработанные в игре алгоритмы поведения становятся естественными и в быту. Современный человек, окунувшийся в виртуальную реальность компьютерных игр, больше не хочет сдерживаться и сдерживать рвущееся наружу "Ид". Значит, общество скоро начнет коренным образом меняться. Христианская нравственность, и так уже давно переживающая кризис, скоро будет сметена. Теперь нравственность диктует компьютер, а это уже серьезно. Это проблема и государственная, и общественная, да и ни одна личность ее не минует, когда компьютер станет таким же обиходным, как телевизор.

Каким же образом родилось мышление настолько уязвимое и почему компьютерная виртуальная реальность столь притягательна для него?

С компьютером, пожалуй, все просто. Он детище или не очень удачное воплощение нашего не очень удачного мышления. Я не сомневаюсь, что когда-то появятся и хорошие компьютеры, но сегодняшние хороши только по сравнению с прежними плохими вычислительными машинами. Особенно с точки зрения программного обеспечения, то есть как раз мышления компьютера. С психологической точки

зрения, принципиальной ошибкой в отношении к компьютеру является то, что подавляющее большинство людей — и профессионалов, и не профессионалов — считают, что компьютер есть вычислительная машина по определению и, следовательно, главное в нем — математика. Да, компьютеры не появились бы без математики, но подавляющее большинство пользующихся компьютером ничего не знают и знать не хотят о математике. Им нужны возможности компьютера или игры. А это все виртуальная составляющая компьютера. Без математики компьютер не может, как без воздуха. Но мы не замечаем воздух, пока он в достатке, и никто не ставит его в вершину пирамиды ценностей. Без него нельзя, но он служебен, как многое другое в нашей жизни. Так и в компьютере смысл вовсе не в математике. "Компьютер" завтрашнего дня останется "счетчиком" только для крошечной группки профессионалов. Для всей остальной массы населения Земли он будет каким-нибудь "Виртуатором". И это принципиально!

Посмотрим на это с точки зрения психологической системы ценностей. Высшей ценностью компьютера считается математика. Это вершина пирамиды. Сегодня человек, разбирающийся в математических основах компьютера, считает себя значительно выше всех остальных людей, которых презрительно именует "чайниками". Достаточно взглянуть хоть на названия книг по программному обеспечению: "QuarkXPress для полных идиотов"! Второе место в иерархии ценностей компьютера занимают его прикладные возможности, по сути — пользовательская виртуалистика. И третье — с определенным пренебрежением "идиотам" разрешается использовать компьютер для игр. Игра в нашем прагматическом мире оценивается бытовым мышлением как нечто не совсем достойное взрослого человека. Поэтому родители еще не очень охотно позволяют детям использовать такой ценный инструмент "для баловства". Что мы имеем в итоге? Пирамиду с высшей точкой в математике и бесконечно расширяющуюся куда-то вниз. Куда? Что считает низом наша европейская цивилизация? Инферно!

Все очень логично. Мы установили жесткий ценностный потолок и тем заставили растущее явление двигаться в противоположную сторону. К этому добавляется то, что с психологической точки зрения и наша основная жизненная установка на выживание тоже держит нас в Инферно. Посмотрим на это так: "жить" — ценность положительная. Состояние войны противоположно не просто миру, но и понятию "жить". Оно преддверие смерти. Бытовой язык говорит про него: "Только бы жить да жить, а тут война! Только начали жить, и на тебе!.." Выживание — это недо-жизнь, нацеленная на борьбу и победу. (А ведь это основа стратегии большинства игр!) Но вот ты победил, и язык говорит: "Теперь будем жить!" И так подавляющее большинство людей живет только в мыслях, после еще не достигнутой победы, с отсрочкой. Значит, победу можно рассматривать как нуль, с которого только и может начаться жизнь. Выживание же ниже нуля психологических оценок. Собственно говоря, оно-то и есть та основа нашего мышления, которая творит наш виртуальный Инферно.

Вернемся к корням компьютера, виртуальной реальности и привлекательности их для нашего мышления. То, что причина притягательности компьютерных миров скрыта в соответствующем устройстве нашего О/м, кажется, ясно. Но в образе мира несколько принципиальных составляющих. Я бы выделил четыре основных: домифологический О/м, мифологический индоевропейский О/м, библейский О/м и быто-научный О/м. Совершенно очевидна индоевропейская мифологическая основа компьютерных игр, очевидно и сращение с нею библейской системы ценностей, то есть "архитектуры" мира, и все это закреплено пиететом перед наукой вообще и математикой в частности.

Преклонение перед наукой — одна из психологических черт бытового поведения современного человека. Выражается оно, в первую очередь, в ощущении собственной приниженности и в отказе проверять науку под предлогом, что все равно там ничего не поймешь, поскольку это доступно только избранным. Приведу пример из истории русской кибернетики, точнее, такого ее раздела как "теория машинного перевода", что означает и искусственный интеллект, и русскую школу семиотики.

Кибернетический бум начался в России в начале пятидесятых. Казалось, еще немного, и будут решены все проблемы человечества. Лингвисты бросились к математикам, чтобы освоить язык машин. Рождалось что-то великое. И. Ревзин, стоявший у истоков этого движения, в своих "Воспоминаниях" посвятил немало места высокомерной снисходительности или, в лучшем случае, "благожелательной пренебрежительности, с которой, как правило, математик заговаривал с лингвистом": "Да и чувство бедного родственника у богатого дяди, по-видимому, отчетливо проявилось для меня именно теперь, в момент писания. Тогда я скорее находил все в порядке вещей: математики — действительно люди высшего класса, и великая честь уже в том, что они до нас нисходят. Все, что может лингвист, думал я, может и математик, а обратное само собой неверно. Я еще не знал, что в науке важен не столько логический аппарат (хотя он очень и очень нужен), сколько интенсивность переживания ученым некоторого факта..." [38].

Сходство с поведением программистов очевидно настолько, что вызывает мысли о наследственной болезни всей науки. Посмотреть хоть на ту же самую русскую семиотику, представителем которой является сам Ревзин. До сих пор в ней сохраняется внутреннее правило говорить языком принципиально непонятным для непосвященного, для "несемиотика". За последнее столетие наука в целом стала значительно демократичнее, она допускает, что специалист в одной отрасли может не знать многих других отраслей человеческого знания, к примеру, лишних иностранных языков. Но только не семиотика. В работах по семиотике, казалось бы, посвященных фольклору и мифологии, которые могут заинтересовать очень широкий круг читателей, помимо профессионалов экстракласса, не дается перевода обильных цитат не только ни с одного из современных языков Европы, но и с греческого и латыни. И, подобно Ревзину, начинаешь испытывать униженную благодарность, когда автор, как подарок лично тебе, переводит цитату с санскрита или хеттского. Примерно то же самое происходит с читателем и когда авторы пытаются разбирать фольклорные тексты с помощью математических символов.

Рождался такой язык этой науки, в первую очередь, как ответный удар по начавшему в шестидесятых травлю новой науки Политбюро. Я для себя определяю его приблизительно таким заклинанием: "Вы нас травите?! Так нате вам! Вы, подлецы и невежды, даже не понимаете, что мы пишем! Какое право вы в таком случае имеете нас критиковать?!" На языке мышления выживания — это, безусловно, язык ненависти, то есть Инферно, насколько я понимаю. И он, что самое страшное, сохранился в семиотике до настоящего времени. Вот такую шутку сыграла история! Теперь любой читатель, за исключением узкого круга своих, читая семиотический текст, ощущает, что его держат в дураках, говоря так, чтобы он явственно чувствовал себя "чайником", а лучше — "полным идиотом", а значит, ненавидят! При этом такой язык совершенно понятен и приемлем для мирового научного сообщества! А это уж особо настораживает. С психологической точки зрения, тот факт, что многие наши ученые, занимавшиеся искусственным интеллектом, живут и работают теперь за рубежом и высоко оцениваются, показывает, что язык науки как язык ее творцов, язык ученых предназначен в первую очередь не для описания взаимодействий, а для передачи определенных взаимоотношений, как и у "простых людей". Можно уверенно сказать, что язык науки на сегодня является всего лишь самым неуязвимым из всех существующих у людей способов показать остальным, что ты их выше и умнее. Именно это является основной психологической задачей ученого и прямо вытекает из ценностной архитектуры его мышления, которое в этом смысле абсолютно типично для любого человека европейской культуры. Наука наукой, но счастье важнее! А что есть счастье ученого?

В любом случае, вся наука строится по образу и подобию здания нашего мышления. Что это означает в свете всего предыдущего разговора? То, что если искусственный интеллект, то есть Сверхкомпьютер, будет создан, он будет подобен нашему инфернальному мышлению, и страхи перед третьей мировой войной с машинами обоснованы!

Можно сказать, что виной всему математики. Бытовое мышление частенько обвиняет ученых: "Понаизобретали — жить невозможно!". Мы уже привыкли отмахиваться от подобных "мещанских" выпадов: при чем здесь наука! Наука только инструмент. И при этом, кажется, мало кто задался вопросом, инструмент какого психологического механизма? Для чего она нужна каждому конкретному ученому, какова его личная цель в науке? Кстати, в большинстве своем "большие" ученые выглядят дико безграмотными в отношении подобного психологического языка. На мой взгляд, правда, это не безграмотность, а нежелание отвечать на вопрос: зачем? Он один в состоянии разрушить дело всей жизни. Ведь цель-то избиралась еще совсем глупым, злым и обиженным юнцом,

а теперь, когда все состоялось и ты всеми признанный маэстро на престоле в возведенном тобою за долгую плодотворную жизнь Храме или Дворце, кто-то смеет заставлять тебя заглядывать в собственный подвал или рыться в шкафах в поисках скелетов! Впрочем, судя по тому, как много больших математиков к концу жизни начинали поиски Бога, вопрос этот они все-таки себе задают.

Заслуживает ли математика того преклонения, с которым к ней относятся в нашем обществе? Это не праздный вопрос, потому что он является одним из шагов к ответу на вопрос о происхождении и устройстве нашего мышления. Думаю, нет. Математика не зарождалась как наука об измерении площадей, затопленных разливами Нила. Для этого достаточно было начального счета. Математика родилась как великая наука, только приобретя к себе уважение людей, а это произошло, когда числа стали языком описания божественных взаимодействий. (Числовой ряд использовался во многих культурах для описания устройства Вселенной. Первые два числа вообще не были предназначены для счета. Это были имена Богов. Собственно числовой ряд начинался с тройки.) Вот тогда родился пиетет сходный с религиозным. Но затем произошла незаметная революция. Математика стала обывляться. Родилась Евклидова геометрия, родилась физическая механика, родились технологические науки. Пиетет остался, а науку подменили. Прикладники, технические работники, обслуга счетных машинок требуют почитания, как и жрецы, стоявшие у истоков, как творцы идей. Царство грядущего Хама, о приближении которого вопиет Мережковский еще в 1906 году, начиналось не с русской революции. Оно все время с нами, прямо в самой "операционной среде" нашего мышления.

Современная физика показала, что механика Ньютона, скорее всего, лишь частный случай более широкой физической механики. То же самое проделал Лобачевский, когда на основе критики одиннадцатой теоремы (точнее, постулата) Евклидовой геометрии создал теорию Большой геометрии, в которую Евклидова входит как частность. Что это нам дает? То, что суть нашего мышления — способность творить миры, вводя границы, выделяя ими куски сознания, и тем самым создавая в сознании искусственный объем, внутри которого законы действуют непреложно. Какие законы? Выбранные тобою из законов вселенной по каким-то устраивающим тебя признакам. Допустим, по признаку доступности их твоему видению. Ты выбираешь достаточное количество проявлений закономерностей, определяешь, где они перестают действовать, и по этой границе возводишь стену своего Мира. Законы внутри него настоящие, а вот Мир — виртуальный! В науке он называется — познанный. И наука постоянно раздвигает его границы. Это верно, у нас просто нет другого способа познавать настоящий мир, иначе как осваивая ближнее и через него расширяясь. И при этом давая имена все новым и новым вещам и явлениям мира. Одним из таких явлений является и сама наука.

Итак, инферальность — основа нашего мышления, а в силу этого — науки и виртуальной реальности любого уровня. Причем, явление это расширяющееся и грозящее, как это ощущается массовым сознанием, перерасти в мировую катастрофу, технотронную мировую войну. Однако, несмотря на реальность такой угрозы, совершенно непонятно, что же в таком случае инферальность как психологическое явление, а не как воображаемый ад христианства.

Если быть кратким, то за всеми ожидаемыми муками ада нет ничего, кроме вколоченных в нас в детстве нравственных оценок: хорошо — плохо. Ад — это все, что плохо для человека. Все плохое в той или иной мере несет в себе дух ада. Все хорошее — рая. Это ворота в четвертую основную часть О/м — домифологическое мышление, где хранятся очень естественные и отвечающие природным требованиям механизмы психики. Там же хранится и боль, и способы реагирования на нее. Можно сказать, что этот слой хранит образы взаимодействий, в то время как все остальные — взаимоотношений, то есть вторичного. Так что использование образов быто-научного, библейского и мифологического мышления есть лишь использование знаковых языков для ворошения образов этого глубинного слоя мышления. Ворошение всегда полезно, потому что, снижая сдержанность, выпускает излишний заряд ненависти. Так что творцы виртуального игрового Инферно вполне могут реабилитировать себя перед лицом грядущей старости и мига расплаты за содеянное. А такая проблема, если верить американским психологам, перед американскими программистами стоит. Если C-bomb и станет реальностью, то как раз не по их вине. Скорее наоборот. Их "игры-ворошилки" отодвигают этот миг. Но, к сожалению, ворошение, ослабляя и оттягивая срыв, не дает исцеления. Как быть?

Вот этот вопрос я и считаю той проблемой, которую хотел бы поставить в этой статье в качестве

прикладной психологической задачи. Компьютерные виртуальные миры, все расширяясь, идут в наши дома и диктуют нашим детям и нам самим новые нравственные императивы. Их воздействие колоссально и все возрастает. Значит, если задумываться о будущем Земли, то на игры нельзя смотреть сквозь пальцы, их надо не только учитывать, а и всерьез разрабатывать как сильнейшее педагогическое и психотерапевтическое орудие, какого еще не бывало. Каковы пути?

Основная задача, на мой взгляд, по крайней мере, для прикладной психологии — вслед за "ворошилками", то есть играми вскрывающими глубинные слои сознания, хранящие внутренний ад человека, его "недо-жизнь", создать "кресилки" — вторые серии тех же самых игр, способные вычищать боль и патологии, тем самым воскрешая к жизни. Это дало бы вторую жизнь многим уходящим с рынка классическим компьютерным играм, но это дало бы и вторую, а может быть, и первую жизнь многим людям. К сожалению, объем данной статьи не позволяет углубиться в разработку психологической теории подобных виртуальных психотерапевтических инструментов, поэтому я останавливаюсь на самой постановке задачи.

ДОРОГА ДОМОЙ ЧЕРЕЗ СТРАНУ ВОСТОКА

20-й век, на мой взгляд, по крайней мере, в отношении интеллигенции поражен болезнью путешествия в Страну Востока. Не важно, какой Восток. Свет с Востока даже для русских, восточнее которых уж просто некуда. Даже христианский мистический Восток — это все-таки Восток. Паломничество в Иерусалим для русских географически — это путешествие на запад, в крайнем случае, на юго-запад. Но это Страна Востока! Это всегда считалось путешествием на Восток. Как и Египет, к примеру. Почему? Потому что, когда устарела старина, нужно найти настолько старую шутку, чтобы она выглядела новой. Как говорил Юнг в статье "Об архетипах коллективного бессознательного": "...для всего душевного имеются религиозные формулы, причем намного более прекрасные и всеохватывающие, чем непосредственный опыт. Если для многих христианское миросозерцание поблекло, то сокровищницы символов Востока все еще полны чудес. Любопытство и желание получить новые наряды уже приблизили нас к ним. Причем эти образы — будь они христианскими, буддистскими или еще какими-нибудь — являются прекрасными, таинственными, пророческими. Конечно, чем привычнее они для нас, чем более они стерты повседневным употреблением, тем чаще от них остается только банальная внешняя сторона и почти лишенная смысла парадоксальность. Таинство непорочного зачатия, единосущность Отца и Сына или Троица, не являющаяся простой триадой, не окрыляют более философскую фантазию. Они стали просто предметом веры. Неудивительно поэтому, что религиозная потребность, стремление к осмыслению веры, философская спекуляция влекут образованных европейцев к восточной символике, к грандиозным истолкованиям божественного в Индии и к безднам философии даосов Китая. Подобным образом чувство и дух античного человека были захвачены в свое время христианскими идеями" [33, с. 101].

Но что такое Страна Востока, если мы подойдем к этому с точки зрения Тропы или прикладной этнопсихологии? Иными словами, что такое Страна Востока лично для каждого из нас, если исходить из того, что, "говоря о содержаниях коллективного бессознательного, мы имеем дело с древнейшими, лучше сказать, изначальными типами, т.е. испокон веку наличными всеобщими образами", которые Юнг называет архетипами [33, с. 98]?

Само по себе наше мышление воспринимает понятие Восток как некое пространственное измерение, путешествие в пространстве. Но в каком? Старики на Тропе называли настоящее, географическое пространство простором. Слово же "пространство" означало для них пространство сознания — нечто сопоставимое с понятием "виртуальная реальность". Путешествие в Страну Востока очень похоже на охоту на Кэрроллового Снарка. Можно путешествовать по степям и болотам, по горам и морям, по пустыням и дебрям, сквозь снега и жару... В общем, это не имеет значения, потому что лучше путешествовать, не выходя из дома, можно с книгой или с компанией мульташек в компьютерном "Квесте". Путешествие в Страну Востока — это путешествие за чудом и за знаниями, которыми, как нам кажется, обладает Восток. Ради него многие современные американцы, европейцы и, в том числе, русские отреклись внутренне даже от своей Родины, от своего народа и родства. Они живут среди нас, но они шаолиньские монахи, японские ниндзя или тибетские тулку. А это значит, что мы можем ради

Страны Востока съездить в одну из восточных стран, но можем найти и совсем другое пространство, в котором будем путешествовать с не меньшим наслаждением и пользой. И чаще всего это пространство нашего сознания.

А что такое этот Восток, если приглядеться к нему трезвым взглядом? Индусы, на ваш взгляд, обладают знаниями, которыми должна обладать Страна Востока? Да, конечно, великая древняя Индия! Но это пока мы не заглядываем в подлинную историю и культуру современной Индии. Там более 600 миллионов человек. Вспомните телевизионные хроники про Индию. Что встает перед глазами? Страшные наводнения, цунами, грязные индусы, валяющиеся вдоль дорог возле картонных лачуг, и мафия, чаще китайская, которая эксплуатирует индусов. И все это замешано на наркомании. Если верить прессе, чуть ли не две трети индусов наркоманы в той или иной степени.

Значит, если мы путешествуем в Индию, мы путешествуем не просто в Индию как в географическую страну. Мы там в этой далеко не райской стране еще куда-то путешествуем, ищем еще какую-то Индию. Если мы попробуем найти Страну Востока в Китае, то все тоже очень и очень неоднозначно. Кто из нас хотел бы приобрести эзотерические знания в коммунистическом Китае времен Особого района или культурной революции? Куда же мы путешествуем в Страну Востока?

М. Элиаде в "Аспектах мифа" начинает свой рассказ о традиционном или мифологическом мышлении с выдержек из этнографических и древнеиндийских сочинений, показывая его суть следующими словами: "Так как миф рассказывает о *деяниях* сверхъестественных существ и о проявлении их могущества, он становится моделью для подражания при любом, сколько-нибудь значительном проявлении человеческой активности. Когда миссионер и этнограф Штрелов спрашивал представителей австралийского племени арунта, почему они совершают тот или иной ритуал, ему отвечали однозначно: "Потому что так нам повелели наши предки". Члены племени кай (Новая Гвинея) отказывались как-либо менять свой образ жизни и особенности своей трудовой деятельности и, объясняя это, говорили: "Так поступали немусы (мифические предки), и мы делаем так же". Когда у певца племени навахо поинтересовались о причине возникновения одной из деталей обряда, он ответил: "Потому что наши Святые Предки поступили так в первый раз". Мы находим точно такое же оправдание в молитве, которая сопровождает тибетский древний ритуал: "Как нам было завещано от начала сотворения мира, так мы и должны совершать жертвоприношения (...) Как наши предки поступали во времена прошедшие, так и мы должны поступать сегодня". Такое же оправдание приводится и индусскими теологами. "Мы должны делать так, как боги делали во времена "начала всех начал" (Satapatha Brahmana, VII. 2, 1, 4). "Так поступали Боги, так теперь поступают люди" (Taittiriya Brahmana, 1. 5, 9, 4)" [39].

Вот она, наша Страна Востока. Текст пришел из Индии. Но Страна Востока не в Индии, и не в Тибете, и не в Гималаях. Она где-то там, откуда тянутся традиции. Она где-то там, где хранятся источники знаний.

На самом деле, если вспомнить послевоенную историю, то увидишь, что основные учителя тайноведения уехали из Китая и из Тибета большей частью в Америку. Не выдержали коммунизма. Многие индусы предпочитают тоже сбежать из Индии, если только они выходят на что-то оцениваемое как реальное европейской культурой. Тот же Махариши Махеш-йоги или Щри Чинмой, к примеру.

Почему? Наверное, потому же, почему и в России плохо с тайн сведением. Мастера появляются только там, где общество их признает и кормит. Буддизм смог возникнуть не потому, что пришел Будда, а потому что ведическая культура могла его принять. Сам он, когда создал свое учение, пренебрежительно отнесся к ведическим корням собственной культуры. Он, в общем-то, отрицал Веды, в каком-то смысле можно назвать Буддизм реакцией индийского общества VI века до нашей эры на Ведизм, как правящую религию. Однако при этом он смог создать свое учение только благодаря тому, что Веды создали определенную культуру, в которой бродячий философ или саньясин мог посвятить жизнь науке, знанию, мудрости и не помереть с голоду. Ему достаточно было иметь облик бродячего "мудреца", соответствующую одежду и чашку, и его кормили пищей и наделяли вниманием. Иначе говоря, людьми он воспринимался как обязательная и необходимая часть общества, которую надо содержать. При такой поддержке не мудрено было и зазнаться — отрицать даже само кормящее общество, как сук, на котором сидишь. В итоге это и кончилось тем, что в Индии буддизма нет. А выживет ли бродячий философ у нас?

В каком-то смысле мы с вами действительно путешественники в ту самую страну Востока. Но на

самом деле, если это расшифровать, мы путешественники за тем древним знанием, которое хранит Восток как Земля Таинственная для европейца по сравнению с Западом и которое, вроде бы, гораздо выше, чем хранящееся в нашей собственной культуре. Возможно, что это иллюзия.

Если мы посмотрим на современное состояние науки о древних знаниях, основанной на археологических находках, на сопоставлении новых материалов, которые прошлый век не знал, то мы увидим, что глубина того, что именуется "храмами знания", опускается неожиданно далеко.

Когда современный человек ищет источники Древнего знания, он предполагает найти нечто совсем мистическое, к истории Земли отношения не имеющее, типа Шамбалы или Агарти или странного государства неземных мудрецов, обнаруженного еще Аполлоном Тианским. Мы даже согласны, чтобы это было совсем неведомым и непостижимым для человека, лишь бы надежда на чудо сохранилась. Но оставим пока психологическую механику этого явления. С исторической же точки зрения, у нас просто нет при этом способов распознать иные мистические или тайноведческие явления, кроме тех, что хоть как-то известны нам из истории человечества. Это означает, что при встрече с Неведомым, мы просто не увидим его, пройдем мимо, если оно не будет похоже на традиции Междуречья, Египта, околосредиземноморья, т.е. Греции, Малой Азии и Рима. Сюда же попадают иранцы с зороастризмом, а позже суфизмом в рамках ислама. Ну и конечно, Индия, Китай и Тибет. В крайнем случае, Америка или Африка. Но ведь все, что введено на сегодняшний день в "эзотерический оборот", в основном было опубликовано за последнее столетие и имеет корни не глубже третьего тысячелетия до нашей эры. Все эти культуры с их тайноведением есть лишь европейская романтическая культура девятнадцатого века. Часто она просто спекулирует имеющимися спрос коммерческими темами. В лучших же случаях пытается передать свое впечатление от первых поверхностных знакомств с другими культурами доступным языком. Причем, язык современного тайноведения слаб и уязвим по сравнению с языком науки. Не говоря уж о языке подлинников.

Зато за последнее время появляется все больше работ ученых — археологов, палеоастрономов и прочих, которые показывают, что существовали культуры, владевшие жреческими знаниями еще в древнем каменном веке — уже за 25 тысячелетий до нашей эры. Для знакомства можно посмотреть работы В.Е. Ларичева — археолога и историка из Новосибирска.

В состоянии ли были бы мы просто встретиться с их тайноведением? Я задаю этот вопрос не риторически. Все масштабные исторические работы, выходящие за рамки хорошо изученного последнего периода в истории человечества, вынужденно опираются на гипотетические допущения, что не может не являться слабостью с точки зрения требований к научному исследованию. Но возможен ли в отношении такой древности тот же подход, что и к истории цивилизаций, обладавших письмом? Вряд ли. Что же тогда, отбросить имеющийся в изобилии странный и заманчивый археологический материал и расписаться в своей бессилии понять его? И исследователи делают все возможное, чтобы разгадать древние загадки. Очень вероятно, что им еще не раз придется менять метод исследования, пока результаты не станут со всей очевидностью достоверны. И мне думается, что и этнопсихологический метод тоже не будет обойден стороной, потому что он, по сути, есть попытка понять, как же было устроено мышление наших древних предков.

Исходя из этого, я и задаю вопрос о встрече с неведомым или даже просто основательно забытым. Он принципиален с точки зрения того, что изучает Тропа, то есть прикладной этнопсихологии. В состоянии ли мы понять или даже просто узнать традицию, для узнавания которой у нас не сохранилось образов? Приведу рассказ психолога В. Петренко об экспериментальном исследовании этой дороги в Неведомое.

"Близкие по феноменологии данные мы получили в совместном с В. В. Кучеренко исследовании, посвященном влиянию постгипнотической инструкции на процессы категоризации. Если ввести испытуемого в глубокий гипноз и дать команду выполнить какое-нибудь действие, то испытуемый, выйдя из состояния транса, как правило, не помнит того, что с ним было в гипнозе, но, тем не менее, выполняет инструкцию-приказ экспериментатора. Например, в знаменитых фрейдовских экспериментах испытуемым внушалась необходимость совершить некие бессмысленные действия, например, открыть старый зонтик и пройти с ним по комнате. Испытуемый совершал требуемое, но при вопросе: "а зачем он это сделал?" — искренне полагал, что по собственной инициативе решил проверить исправность зонта на случай дождя. Этот феномен домысливания рациональных мотивов собственных действий, истинная причина которых внушена испытуемому и не осознается им, был назван Фрейдом "феноменом рационализации".

Мы в своих исследованиях также работали с постгипнотическим внушением, исследуя его влияние на функционирование сознания испытуемого. Так, если дать в гипнозе запрещение видеть какой-то объект, то человек, выйдя из гипноза, действительно не будет его видеть. Однако он не увидит не только "запрещенный объект", но и другие семантически связанные с ним объекты. Если запретить видеть сигареты, то человек может не видеть пепельницы, полной окурков, спичек, зажигалки или, что интересно, забывать ее предназначение (ее предметную функцию). Зажигалку человек вертит, крутит, не понимая, что за странный "цилиндрик"? Возникает своеобразный разрыв между номинализацией (вербальным ярлыком) и образом. Например, испытуемому предлагается представить "табачный киоск". Он, сам курящий, не в состоянии представить табачный ларек. Может визуализировать овощной ларек, киоск "Союзпечать", но не может представить себе табачный. Если сказать: "Ты можешь представить себе киоск!", испытуемый с большим трудом что-то представляет. На вопрос: "что там продается?", он отвечает: "брелки для ключей, талончики на бензин" и т.д. Сигареты он визуализировать не может.

Этот эксперимент может быть интересной иллюстрацией того, что существуют два пласта отражения: видение и осознание. В эксперименте мы запретили испытуемому видеть конкретного человека. Этот человек сидел в комнате, но испытуемый вел себя так, как будто этого человека нет. Через некоторое время этому человеку надоело "быть невидимым", он взял электрическую бритву и стал бриться. Испытуемый буквально измучился, пытаясь понять, откуда идет непонятный звук, так как он не видел этого человека вместе с бритвой, а шум слышал. Но если этот "невидимый" человек становился на пути идущего, то человек с постгипнотическим внушением, но уже вышедший из гипноза, останавливался, впадал в транс. То есть он видел этого человека, ведь он не пытался проходить сквозь него, он видел его... но не осознавал" [40].

Конечно, этот рассказ тоже не до конца корректен с точки зрения требований к описанию научного эксперимента. Но меня он вполне устраивает, потому что все старики, мои учителя, показывали мне сходные вещи без всякого гипноза. Мой второй учитель, Дядька, рассказывая об устройстве мышления, в частности, о Лопоти, то есть, говоря современно, Образе Мира, движением руки стирал из моей памяти названия предметов, которые находились передо мной. Я помню это состояние, когда сидишь, глядя на какой-нибудь стакан, и с мычанием шевелишь пальцами. И уж совсем плохо, когда поворачиваешься к хозяйке, чтобы попросить у нее чего-нибудь, и тут дед взмахивает рукой. И вот висишь перед ней, замершей в ожидании, с: "Теть Н...э...э...э... Теть э.-э..." Конечно, потом это довольно смешно. Многие на Тропе помнят, каково это, когда мы проделывали такие штучки на семинарах! Но все это было детскими шуточками по сравнению с тем, что первый дед, Степаныч, просто исчезал, таял в воздухе у меня на глазах. А последний, Похання, рассказывал, что применял подобные фокусы в драках.

Ни в этнографии, ни в психологии ничего подобного не описано. Значит, это все кто-то может посчитать ненаучным. Хотя правильнее было бы назвать это не введенным в научный оборот. Но при этом это факт нашей материальной вселенной, потому что это существует как объективная реальность и уходит корнями в какую-то традицию. Традицию явно русскую, не месопотамскую и не китайскую, и, может быть, очень древнюю. Однако когда мы показываем такие вещи признанным русским "эзотерикам", они отвечают: "Ничего особенного. Такое многие делают. Наша каббала {или наш цигун} не слабее!" Я уже не говорю о том, как это странно — слышать про русскую каббалу, но это не так принципиально, на мой взгляд, как то, что они, в погоне за спецэффектами, "сидхами" на их языке, просто не видят, что перед ними что-то стоит. Не видят, как воздух или черный занавес фокусника, на котором вдруг появляются предметы. Не видят само тело традиции. Изредка впадают в транс или в ступор, потом встряхиваются и продолжают жить как прежде. Ничего нет! Только гудит где-то... Как же распознать тайноведение более древнее или совсем неведомое?

Итак. Многие факты человеческой истории современная наука достоверно объяснить не может. Может быть, просто в силу неполноты имеющегося на сегодняшний день материала. Но, тем не менее, пока картина жизни человечества не завершена, не убита и жажда поиска. И поиск этот только прячется под исторический или научный. Это поиск чуда, поиск чаши Грааля или древнейшего источника знаний. Какая разница, главное, что надежда еще жива. Мы действительно очень хотим, что бы там, в глубоком прошлом, нашелся источник знаний выше того, чем обладали ближайшие к нам культуры. Откуда у нас эта вера? Еще раз перечитаем слова Брахман:

"Мы должны делать так, как делали Боги во времена начала всех начал".

Иначе говоря, 40 тысяч лет существования современного человека человечество знает, что в начале всего стояли Боги, то есть, знания пришли от Богов, даже если это всего лишь обоготворенные предки. И как это ни удивительно, но это убеждение характерно для всех культур всех континентов Земли.

Что такое Боги? Я имею в виду, конечно, этнографический подход к этому понятию — то есть как считают, что видят за этим понятием носители разных культур. Вопрос сложный. Принципиально для нас с вами сейчас неразрешимый, да и не стоит, наверное, его решать, потому что слишком широк выбор возможных ответов. Фантастика их предложила в избытке.

Может быть, это пришельцы, которые провели эксперимент и обезьяноподобному существу, которым был неандерталец, сделали "нечто", после чего биологический вид изменился. Что это могло быть за "нечто"? Судя по данным раскопок, у неандертальца речевой аппарат был близок скорее к обезьяне, чем к современному человеку. И он не мог обладать речью, потому что само строение горла и рта было таким, что речь была невозможна. Современные обезьяны, когда их обучают говорить, могут общаться с дрессировщиком языком жестов, но словесный язык им недоступен. Телесное строение не позволяет. У кроманьонца, то есть у современного человека, появляется принципиально иной голосовой аппарат. Он по-другому артикулирует звуки, не так, как обезьяны. И только после этого речь становится возможной. И, говоря упрощенно, она развивается в мышление современного типа.

Не надо думать, что я отношусь к этому только как к шутке. Космизм пронизывает народную культуру. Вот слова одного из сильнейших русских славистов Н. Н. Белецкой о том, как видели место человека во Вселенной наши предки: "Обращает на себя внимание такое обстоятельство: наряду с представлениями о подземном царстве предков у славян, южных в особенности, в воззрениях на "иной мир" существенное место занимает космическая идея. Характерно, что с наибольшей отчетливостью отображена она в архаических жанрах фольклора — причитаниях, эпических песнях, волшебных сказках. Яркое изобразительное отображение мотив космического "иного света" получил в рельефах средневековых архаических надгробий уединенных горных местностей Югославии. Космические символы встречаются также на старинных памятниках Словакии и некоторых других местностей" [41, с. 20-21].

Так, может быть, это эксперимент? И тогда может быть оправдано то, что вокруг нас постоянно летают "тарелки"? Может, они ни куда не исчезали, эти "Боги"? Можно ведь и так подойти. Но тогда познание становится бессмысленным. Тогда надо ждать милости или идти на контакт. И это то же самое — просить милости. Все основные религиозные культы построены на этом. Они просят милости.

И при этом в основе любого религиозного культа, в основе любой религии лежит вера в то, что есть тайное знание, оно подразумевается смыслом существования культа, и оно пришло от Богов. Или, как говорит этнография, его принес так называемый культурный герой, в те времена, когда небо было очень близко к земле, и путешествие туда и обратно было доступно даже людям. Культурный герой обязан что-то приносить и дарить людям, чуть ли не благодетельствовать насильно независимо от того, достойны люди или недостойны его даров, что случалось в мифологии гораздо чаще. И это подозрительно. В этом проступает некое насилие, которое было совершено над человечеством на его заре. Словно насильно выдали замуж. Все мифологии рассказывают о том, как сопротивляются и трудно меняются люди. Они хотят жить, как жили. Они неблагодарны и предают своего благодетеля и принесенное им. А он, тем не менее, кнутом и пряником насаждает и насаждает ростки того, что стало современным человеком...

Да, мы стали современными людьми, но стали ли мы тем, что предполагалось или предполагается? Даже если там, в начале начал, и не было никаких сверхзнаний, а был только естественный ход эволюции, человечество десятки тысяч лет хранило как самое сокровенное мысль об изначальном замысле. Что понимали они под этим, и как, из чего развилась эта идея?

В любом случае, даже если нет никаких богов и пришельцев, то, что происходит сегодня, является явной экспериментальной задачей для обезьяны, которая сидит в комнате за стеклом перед столбиком с бананом. И кто-то навязчиво подсказывает: "Думайте, товарищ прапорщик, думайте!" Иначе говоря, нас зачем-то поставили в условия эксперимента. Если это не пришельцы, то, по крайней мере, экологическое состояние Земли, которое требует: пора думать! Пора учиться думать, пока еще есть и

бананы, и сама Земля.

Традиция, которую изучает Тропа, тоже говорит о некоем древнем первоисточнике знаний.

Что может подтвердить эту мысль? То, что учения Востока и Запада совпадают по многим принципиальным вещам. Эти совпадения и дают основания считать, что был изначальный источник, прародина, откуда все народы разошлись по своим землям

Но возможен и другой взгляд. И это взгляд вполне научный. Этим изначальным источником, тем, что родило совпадения, является сама природа человека. И если ты глядишь на нее открытыми глазами, то видишь и описываешь то, что есть. А первобытные люди были примитивными. Что значит: "примитивная культура", "примитивное мышление"? Это значит, что его носитель "что видит, то поет". А это, в свою очередь, означает, что они пели то, что видели! Для нас на Тропе это может означать две вещи. Во-первых, что изначальные повести, мифология имеет под собой некую действительную основу, физически увиденную людьми той эпохи и переданную на их понятийном языке. И второе, буквальное: в народных песнях должно быть знание о дороге в Страну Востока!

Старики, пока обучали меня, неоднократно делали разбор песен, которые пели, можно сказать, сопоставительный анализ, с целью показать, что скрывается за словами. Как они это делали, я попытался показать в другом месте. Сейчас мне бы хотелось привести пример такого разбора. К сожалению, в свое время у меня не было никакой возможности хоть как-то записать это.

Более того, тогда я даже не надеялся запомнить сами песни. Поэтому я попытаюсь проделать сходную работу на примере тех песен, которые мы сейчас поем на Тропе. Я вовсе не уверен, что мне удастся передать то таинственное, волшебное состояние, которое создавали Дядька или Поханя. Но я постараюсь показать сам ход их мысли.

Мы сейчас часто поем на Тропе вот эту песню:

Вечор девку, вечор девку,
 Вечор девку сговорили.
 Вечор девку сговорили
 За старого, за старого,
 За старого красну замуж.
 Живет девка, живет девка,
 Живет девушка неделю,
 Живет красная другую.
 На третью-то, на третью-то,
 На третью-то стосковались.
 Пойдем, старой, пойдем, старой,
 Пойдем, старый, разгуляйся.
 С синем морем, с синем морем,
 С синем морем сповидамся.
 Среди моря, среди моря,
 Среди моря стоит остров.
 На острове, на острове,
 На острове цветут цветы.
 Поди, старой, поди, старой,
 Поди, старый, сорви цветик!
 Боюсь, жона, боюсь, жона,
 Боюсь, жонка, потону я!
 Поди, старой, поди старой,
 Поди, старый, черт не возьмёт!
 Первой ступил, первой ступил
 Первый ступил — по колено.
 Другой ступил, другой ступил,
 Другой ступил по сердечко,
 Третий ступил, третий ступил,
 Третий ступил — по головку.
 Прощай, жона, прощай, жона,

Прощай, жонка, погибаю,
 Малых детей, малых детей,
 Малых деток спокидаю!
 Вечор девку, вечор девку,
 Вечор красну сговорили.'

¹ УГК Календарные песни горнозаводского Урала // Фонопосobie. Кассета 2, 11—16. Записано в "Большом истоке" Сысертского района в 1983 г. от Денисовой А. В., Блиновой А. И., Бабушкиной Т. Р., Степановой А. И. Песня записана Казанцевой М. Г., г. Екатеринбург.

Это не случайная песня. Если приглядеться к ней, то можно увидеть, что эта песня в определенном движении. На первом уровне проникновения в ее смысл — это шаги героя. Первое сопоставление этих трех шагов, которое приходит на ум — это три шага Вишну, которыми он творит Вселенную. Такое сопоставление может показаться слишком смелым, если иметь в виду прямые мифологические параллели. Однако, это не сопоставление мифологий как таковых, а скорее архетипов мышления, образов народной культуры, дающих основу фольклорному творчеству. Я бы воспользовался для пояснения моей позиции в отношении подобных сопоставлений словами замечательного нашего фольклориста В. И. Ереминой: "Многие поэтические "общие места" разных фольклорных жанров обнаруживают поразительную стойкость в отражении общих индоевропейских верований, связанных, в частности, и с представлением о смерти и загробном существовании: таковы, например, представления о кругообороте жизненных форм, о бесконечности перевоплощений, о дальней дороге в "новый мир" и пр." [42, с. 19].

Приглядимся к этой песне. Если двигаться вместе с героями песни, то мы попадаем в, по-своему, цельный мир. Центром его является Остров среди Моря или Океана. Остров этот, как и гора или древо, является символом Центра Мира — Мировой оси. Обычно в русской мифологии он зовется Буяном. На нем или стоит мировой железный дуб, или лежит камень-Алатырь. Возможно, что Алатырь означает алтарь, алтарный камень, как считал еще А. Веселовский. Он имеет прочные черты: бел-горюч. Не берусь определять, что это значит. Слышал даже мнения, что это Алтарь богов Бела и Гора. Но в любом случае "бел" — понятие сакральное и может быть понято через выражение Белый Свет, что означает Мир, наш Мир, Мир живых. Если самое дорогое для человека жизнь, то жить можно только в Мире с названием Белый Свет. Не менее сакрально, хотя и не так явственно, и понятие "горюч", поскольку за ним скрывается не просто огонь, что уже немало для древних огнепоклонников русов, но, скорее всего, и солнце. Независимо от того, что Алатырь не поминается в тексте этой песни, сам образ Острова слишком узнаваем по текстам заговоров, где он сейчас прочно связывается со средоточием мира: "На море на Океяне, на острове Буяне стоит дуб..." [17, с. 402]. А это означает, что Остров есть и середина Земли, и место перехода в новые Миры. Ось Мира всегда лестница вниз и вверх. Но что это за миры? Нижний, подземный и верхний, небесный. Это слишком хорошо исследовано, чтобы повторять все доказательства. Нижний — это мир мертвых, то есть, ушедших предков. Верхний — мир богов, что тоже может означать обоготворенных предков. Для нас важно только то, что ты можешь воплотиться или родиться заново в любом из них. Но для этого здесь надо умереть. Получается: чтобы для тебя родился новый мир, старый должен умереть. Зерно должно умереть, чтобы родилось дерево.

Сейчас это рассуждение выглядит примитивным, настолько оно навязло в зубах, благодаря многочисленным эзотерическим публикациям. Поэтому я приведу несколько заговорных текстов, чтобы ощутилась имеющаяся за этой песней глубина культуры. Обратите внимание, как сочетается в них темы старости и ярой силы, острова-камня и дерева-цветка, любви и смерти, а также доступности воле чародея множества миров. Первый из собрания Майкова на "Кулачный бой".

"Стану я, раб Божий, благословясь, пойду перекрестясь из избы в двери, из ворот в ворота, в чистое поле в восток, в восточную сторону, к Окиану морю, и на том святом Окиане море стоит стар матер муж, и у того святого Окиана моря сырой дуб крековастый, и рубит тот старый матер муж своим булатным топором сырой дуб, и как с того сыраго дуба щепка летит, також-де бы и от мене (имярек) валился на сыру землю борец добрый молодец, по всякий день и по всякий час. Аминь, аминь, аминь. И тем замок моим словам: ключь в море, замок в небе, отныне и до века" [43].

Другой из книги "Заговоры" Н. Познанского.

"...Есть океан море, на пуповине морской лежит Латырь камень, на том Латыре камени стоит булатной дуб и ветвие и корень булатной. Коль тот булатной дуб стоит крепко и плотно, столь бы крепко и плотно стоял былой... ярый... п...ная жила на женскую похоть, на полое место. Из под того камени выходит бык пороз, булатны рога и копыта булатные, и ходит около дуба булатного и тот дуб бодет и толкает и не может того дуба сломить и повалить. Сколь тот крепко булатной дуб стоит и сколь крепки рога у пороза, эстоль бы крепко стояла п...нал... жила..." [44, с. 202].

Кстати, один из сильнейших исследователей русской культуры прошлого века Барсов тоже считал, что "Буян" — остров свободных любовных походов. Название его стоит в связи с выражением "страсть обуяла", "обуяла похоть" [44, с. 34]. Если подходить к любви как к воротам жизни, то это никак не противоречит пониманию Острова Буяна как оси Мира и его ворот. Понятие же "старый", как это ни парадоксально для уха современного человека, соотносится лингвистами отнюдь не с дряхлостью и недееспособностью, как раз с обратным: "**старый**, *стар*, *стара*, *старо*, укр. *старый*, др.-русс. *старь*, <...> Родственно лит. *Storas* "толстый, объемистый", др.-исл. *Storr* "большой, сильный, важный, мужественный", <...> др.-инд. *sthira* "крепкий, сильный" [22]. Если учесть, что основа этой фольклорной песни может быть чрезвычайно древней, то, не правда ли, смысл песни становится очень и очень неожиданным?! Белецкая, исследовавшая древнеславянский обычай ритуального отправления на "тот свет", считает: "При анализе рудиментов этого обычая в славянской народной традиции следует иметь в виду то, что определение возраста носит условный характер: "старики", отправляющиеся на "тот свет" в пору жизни самого обычая, не были стариками в современном понимании этого слова. Ритуальному умерщвлению подлежали именно при появляющихся признаках старения, но еще крепкие телом, духом и умом люди. Смысл самого обычая — не допустить старения, предупредить его, если уместно такое выражение. <...> У многих народов при относительно высокой степени развития культа предков возраст ритуального умерщвления доходил до 40 лет" [41, с. 79—80]. Я касаюсь темы обрядового умерщвления лишь вскользь, потому что она неизбежно уведет нас в тему народных праздников, типа "Похорон Костромы", "Похорон Кострубоньки", "Кузьмы и Демьяна", где чучело, изображающее старика, растерзывается, потопляется в воде, бросается в лесу или сжигается молодыми девушками. Это показывает дополнительные связи культуры, но требует слишком серьезного исследования.

А вот на что бы я хотел обратить внимание, так это на то, что время песни мифологично. Оно безусловно ускорено, и рост, и старение в мифологическом времени происходит "не по дням, а по часам". Но, кроме того, оно еще и пространственно сориентировано. Я имею в виду не общеизвестное взаимоотношение понятий Пространства и Времени, выражающееся в том, что понятие Времени возникает после и на основе понятия Пространства, в силу чего и определяется в языке пространственными терминами. Как, например, в выражениях типа "ближе к полуночи", "около семи", "где-то в полдень". В песне время и действие начинаются "вечер", то есть вчера вечером. Значит, действие песни начинается на закате и тем самым как бы на западе. Это второй уровень движения в песне. И оттуда мы вместе с героями движемся к центру Мира, что означает и на восход, как в заговоре. Там к исходу третьей недели и третьего шага "старый" Мир погибает или уходит, оставляя или рождая при этом невесть откуда взявшихся детей — новый мир. Этим новым миром может считаться и тот, в который он уходит. Сам его уход как бы рождает этот новый мир, как ребенка. Но может и прежний, покидаемый мир считаться этим ребенком, которого прежде, чем покинуть, нужно было родить. Если учесть, что смысл движения "старого" — нисходя в материю творить миры, рожать детей, а потом их оставлять ради нового творения... Мне кажется очень интересным и совершенно не исследованным этот мифологический образ — Стар матер муж...

Нам вряд ли удастся пройти его путем по всем мирам, но в нашем мире мы можем проследить эти пути. Можем пойти вспять по его шагам. Так и рождается традиция. Традиция — это, по сути, не только "передача", если перевести с латыни, но и движение по следу вспять. "Тропить", иначе говоря, выслеживать того зверя, человека или сущность, кого ты хочешь достичь, или постичь, — тоже путешествие в традицию. Совершенно очевидно, что не мы первые занимаемся этим поиском. Кого мы тропим? Чьи следы и деяния пытались познать наши предки? В какую Тропу они рыскали "чрез поля на горы"?

Я была у мамоньки на роду одна.
 Отдала меня мамонька замуж за рекой.
 Не велела мамонька часто в гости быть.
 Прожила я годичек, прожила я два,
 А на третий годичек зажурилася.
 К мамоньке я в гостюшки запросилася.
 А просить мне коника, знаю, не дадут.
 А идти мне пешею, знаю не дойду.
 Сяду я, скручуся, вспорхну и полечу.
 Прилечу я к мамоньке во зеленый сад,
 Сяду я на веточку, буду куковать.
 В это время мамонька выйдет воду брать:
 Что это за пташечка жалобно поет?
 Не моя ли доченька горьки слезы льет?
 Если ты кукушечка — в поле полетай,
 Если моя доченька — в гости пожелай.
 Я к тебе, моя мамонька, в хату залечу,
 Все твои гостинцы слезами оболью,
 Всю твою посуду крыльями размету.
 Сяду я, скручуся, вспорхну и полечу.¹

¹ Песня исполнялась на XIII Сибирском фольклорном фестивале в Новосибирске в 1995 г. фольклорным ансамблем Шукшинского района. Записана В. Г. Вашковской и Л. В. Лысенко.

Чем заканчивалась предыдущая песня? На каком образе мы расстаемся с ней? Вечор девку сговорили.

Сговорили... Вначале было слово. В начале чего? В начале творения нового мира? Да, выход замуж народной культурой понимался как умирание в одном мире и рождение в другом. Причем, и географически и социально. Вот что пишет об этом В. И. Еремина: "Изначальное представление рождающей смерти связывает воедино ритуалы, возникшие непосредственно на его основе — родильный и погребальный. Брак стал посредником, промежуточным состоянием между рождением и смертью, символическим повтором двух основных жизненных начал, уходом и приходом одновременно" [42, с. 121]. Ты умирала как девушка и как дочь и рождалась как женщина и жена-мать. И ты уезжала в другую, "во чужу" деревню, что соотносится со смертью, откуда и появляется образ реки. Имя ей в русской мифологии — Забыть-река.

Итак, девку сговорили. Это настоящий момент, с которого начинается ее и наше путешествие в страну Востока, потому что к началу песни она уже на Закате, ее уже отвезли за Реку или за Море, где ждет ее встреча и расставание. И теперь у нее неугасимая тяга обратно, к себе, в страну утерянного счастья или детства. Но образ Забыть-реки не случаен. Это знак того, что возвращение невозможно, оно сопоставимо со смертью. Попытавшийся на ее глазах достичь ворот в тот мир "Старой" умирает. Тогда кто же путешествует? Если речь идет о смерти, то это путешествие Души.

И путешествие не в Индию или на Тибет, а туда, где рождались новый день, новое солнце или просто жизнь для этого человека. Для любого человека. В частности, и моя жизнь, и жизнь того, кто об этом читает или задумался. Это путешествие к себе, к истокам своего существа. И с этим, казалось бы, все ясно. Это путешествие духовное, это путешествие мысли, в крайнем случае, некий вид самокопания или самоанализа. Но есть "но". Нельзя забывать, что речь идет о русской народной культуре, которая о "самоанализе" не знала, а самокопанию предпочитала действие, в силу того, что она была магичной. А это для меня означает, что когда в фольклорном тексте говорится о путешествии Души, а не духа, то говорится именно о **путешествии Души!** И когда народ говорит о том, что Душа путешествует из мира в мир кукушкой или птичкой, зверьком или даже растением, то он именно это буквально и понимает под сказанным. Моя собственная мама, Шевцова Мария Владимировна, 1928 года рождения, рассказывала, что в ее жизни было нечто подобное. Я просто приведу ее рассказ целиком с минимальными сокращениями, потому что он, хоть и не отличается от подобных быличек принципиально, но получился в целом очень характерным.

"Как раз перед войной было. Еще войны не было. Поздней осенью. Темнота за окнами, темный вечер длинный. Отец был на работе, а мы дома ждали. Мы сидели с сестрой, с Ларисой за столом, У нас же на кухне два окошка. Одно-то здесь, а другое перед печкой, как раз перед челом. Мама там сидела и вязала, нет, пряла. Лен. Нитки пряла. А мы не помню чего делали.

И вдруг все трое мы услышали такой нежный стук в окошко, где мама сидела. Словно птичка клювиком. Поскольку папу ждали, мы встрепонулись; "Папа идет!" Мама мне говорит:

— Наверное, отец. Манька, иди открой. Я побежала в коридор, кричу:

— Папа, папа!

А там и нет никого. Ну я рассказала, мама и говорит:

— Ну, может, нам всем показалось.

Потом посидели минут пять, ну, может, три. Затихли. Опять такой же нежный стук. На этот раз пошла Лариса. Тоже никого нет. Мы перепугались.

А когда на третий раз опять получился этот стук, мама говорит:

— А может, это с отцом что случилось, Лежит где-нибудь под окном. Пошли втроем, девки.

Я лампу в коридоре поставила и с ними. Вышли и в прогон поглядели, и за дом поглядели. Никого. Потом домой вернулись, мама вдруг и говорит:

— Девчонки, да ведь это моя мать приходила! Ваша бабушка. Ведь сегодня годовщина смерти, а я и забыла. Мне бы надо было в церковь сходить, помянуть!.. Вот она и прилетала мне напомнить...

Бабушка на этом же самом месте все время сидеть любила, где мама-то... А через некоторое время отец пришел. Ну, тут совсем другой стук. Грубый, да не в окно, а в дверь.

Еще раньше к нам тоже птичка прилетала. Аркадий (брат — А.А.) как раз в армии был. У меня окно было открыто. Сначала села, постучала, потом влетела, полетала, на часах посидела, ну и улетела опять в окно. А мама верила в эти вещи, она сразу говорит:

— Ну вот, какая-то весть будет!

И точно, не сразу, но было письмо.

И сестра моя Лариса Владимировна — ведь вечером перед смертью к ней ведь покойный Иван Федорович (муж — А.А.) приходил. Она нас трижды с Федюшкой (сыном Ларисы Владимировны — А.А.) прогоняла смотреть. Вдруг говорит мне;

— Мария, стучатся к нам!

Я книжку читала, может, прослушала. Я вышла, покричала:

— Кто?

Никого нет. Ну, я уж знала, что она умирает, а у умирающих бывают такие штуки. Пришла, сказала, что нет никого. Через какое-то время опять, прошло несколько времени, говорит:

— Опять стучат!

Ну, мы с Федюшкой вместе вышли. Возвращаемся, она мне сама говорит, не спрашивает:

— Ну что, опять никого нет?

— Может, убежал.

— Да, нет!— смеется,— Это Иван Федорович приходил за мной! Вы-то не слышите, я одна слышу! Это он. Зовет меня к себе, ведь я же умираю... А знаешь, ведь я приду к нему и опять его моложе намного...

Я ей поуспокоить:

— Да полно тебе, Лариса, ты же грамотная, тебя же учили. Такого же не бывает, ты же знаешь!

А она:

— Да нет, я уж знаю. Это Иван Федорович..."

Вот ради этого противоречия в понимании Знания я и привел весь этот рассказ. Умирающий "знает" совсем не так, как "знает" образованный. Член общества, человек воспитанный "знает" мир совсем не так, как человек из общества вырванный или уходящий, как говорится в этнографии, находящийся в лиминальном, то есть переходном состоянии. Вот об этом, пожалуй, и говорится в былинном выражении "заколодела прямоезжая дорожка": как существа общественные, мы утратили способность воспринимать Мир таким, как видели его наши древние предки. Совершенно очевидно, что с утратой видения утерялись и прежние возможности.

Если мы хотим понять взрастившую нас культуру, нам придется принять, что Душа в народном

понимании отнюдь не абстрактное представление, не способ называть определенные проявления мышления или "сознания", а вещь материальная, хотя и гораздо менее вещественная, чем Тель, как раньше называлось физическое тело. Впрочем, это тоже тело, только более "тонкое", чем физическое, это тело сознания или Духа. И оно способно перемещаться из мира в мир и материализоваться в разных видах. Способно ли оно материализоваться мгновенно, сказать трудно, но то, что именно Душа или нечто с ней сопоставимое, как своеобразная генетическая программа, вырашивает наши физические тела, накапливая вещество в соответствии с определенным образом воплощения, очевидно. Но если принять это положение за исходное, тогда естественно возникает и следующий вопрос: так ли иллюзорно это путешествие, о котором поют древние песни? Не предполагается ли ими чего-то гораздо более сущего, чем самокопание, тоска по детству или дорога до кладбища, когда они рассказывают о путях и способах путешествия Души.

Приглядитесь: "Сяду я, скручуся, вспорхну и полечу"... Тот, кто говорит это, даже не допускает мысли, что слушателю может быть непонятно, что такое "скрутиться", не объясняет, как само собой разумеющееся, и зачем при этом надо садиться. Похоже, что когда создавалась первооснова песен про Дочку-пташку, а их у славян существует целый цикл, всем было еще ясно и зачем, и даже как это делать. Так ведь это всего лишь один текст и один песенный мотив. А сколько подобных "технических" деталей и подробностей исконной магии рассыпано по всему народному фольклору? Я это знаю, мне довелось кое-что почувствовать на себе. Порой, слушая пение моих старичков, я ловил себя на том, что воздействие их странного пения на меня больше, чем просто музыкальное. Оно околдовывало, и состояние моего сознания странно менялось. В те мгновенья я твердо знал, что ходил этими путями и дорогами неоднократно... ходил, но забыл. Забыл и пути, и способы, и даже где вход. Скорее всего, потому, что принял современную культуру, как основу мышления и мировоззрения. А она видит мир не так, как видели предки. Как там у Стругацких: "...с тех пор все тянутся передо мной глухие кривые окольные тропы..."

И Дядька, и Поханя любили подобные сопоставительные экскурсы в русские песни. Они, конечно, и не пытались придавать этому научность. Им нравилось выявлять и показывать внутренние связи культуры, но еще больше им нравилось погружать меня в забытые состояния... После такого я сжимал зубы и начинал искать сам.

Итак, девку "сговорили", а что это значит? Хорошо это или плохо? Если задать этот вопрос женщинам, то они в подавляющем большинстве таинственно заулыбаются и скажут: хорошо! Почему? Потому что это замужество! Но почему замужество хорошо? Потому что теперь ты состоялась как социальное существо? Теперь общество не имеет к тебе претензий, ты свои долги ему отдала? Ты обретаешь некий вид покоя? Но какой ценой! Ты согласилась быть послушной и подвластной. Ты работница в домашнем хозяйстве, обреченная на многолетние муки. Нет, просто замужество не может быть так уж хорошо. Безусловно, это стереотип общественного мышления — радоваться выходу замуж. Сколько песен и сколько живых рассказов повествуют о том, что ничего хорошего замужем нет.

Не шей ты мне, матушка,
Красный сарафан,
Не входи, родимая,
Попусту в изъян.
Рано мою косыньку
На две расплестать,
Прикажи мне русую
В ленты убирать;
Пускай, не покрытая
Шелковой тафтой,
Очи молодецкия
Веселит собой.
То ли житье девичье,
Чтоб его менять,
Торопиться замуж,

Охать да вздыхать?
 Золотая волюшка
 Мне милей всего,
 Не хочу я с волюшкой
 В свете ничего. — Дитя, мое дитятко,
 Дочка милая,
 Головушка бедная,
 Неразумная!
 Не век тебе пташечкой
 Звонко распевать,
 Легкокрылой бабочкой
 По цветам порхать.
 На щеках заблекнут ведь
 Маковы цветы,
 Прискучат забавушки,
 Стоскуешься ты.
 А мы и при старости
 Себя веселим,
 Младость вспоминаячи,
 На детей глядим [45, с. 86].

Все ясно, казалось бы, — это всего лишь воспитание и беспощадное давление общественного мнения заставляют считать замужество радостью, а свадьбу — праздником. Все довольно прозрачно и просто. Но как объяснить эту странную, нездешнюю улыбку женщин, когда им задают такие вопросы? Я не говорю о современных браках, хотя и они ой как далеко не всегда счастливые. Я рассматриваю традиционный брак, когда у тебя и не спрашивают "любишь — не любишь". Женщина — винтик социальной машины, ею торгуют. Или обмениваются, если следовать за Леви-Стросом. Единственное, что требует от девки на выданье традиционная культура — это общее согласие на брак, сопоставимое с признанием себя половозрелой. Такой обряд совершеннолетия девицы описан Зелениным как обычай одевания (или впрыгивания в) поневы [2]. После этого твоя воля и радость заканчиваются, и тебя продают на сторону.

Но это брак. А улыбаемся мы, когда вспоминаем то, что связано с любовью! Общество чуть ли не всех времен и народов не упускало возможность использовать такой рычаг управления своими членами и запрещало свободную любовь. Брак — это всего лишь ворота, двери в Мир Любви. Наше мышление, взращенное страхом перед злом и болью, насквозь инфернально. Оно — путы и тюрьма для Души, которая рвется из Ада в Рай. Как ни странно, брак — сам по себе орудие подавления и подчинения — оказывается освященным отблеском рая. Именно сквозь него до нас райский луч — любовь. Если присмотреться к языку, то увидишь, что "богини" и "ангелы" живут в нем в основном как имена любимых. Но страна любви, рай для взрослых, всю жизнь ожидаемый, оказывается недостижим, вырождается в латиноамериканские сериалы, и нам остается только мечтать о Рае утерянном, о Стране зарождающейся жизни, зарождающегося дня, о детстве, где тоже живут ангелы и маленькие божки. Но это всего лишь подходы к психологическому разговору о том, почему так важна тема замужества для традиции. Это в другом месте.

"Сговорили". Что значит "сговорить" для традиционной культуры, где слово магично, где за любым действием, вещью или речением стоит куча скрытых, но понятных любому члену общества смыслов? Слово оплетает узами заклатья и проклатья. Сговор — это, своего рода, заговор, приговор, наговор. В любом случае — это тоже магическое действие. Но над кем? Кажется, ясно — над девкой. Но мы уже выяснили: туда, куда она уходит, живые, в прежнем, детском смысле, люди добраться не могут.

А это значит, что некое магическое действие произвели над Душой, после чего у нее и появляется тоска, томление и устремленность в страну восхода, а иначе говоря, туда, откуда пришла в этот мир. Именно в результате этого действия, сговора, она и потеряла свободу, силу и красоту. Одним словом, сговор — это чародейство, лишаящее женщину "красоты" — девичьей косы по первому значению, а на самом деле чего-то гораздо большего. Вот мнение этнографа: "Вступление в брак в

патриархальном обществе есть закрепощение женщины чужим родом, где она занимает подчиненное положение. Свадебные обряды сплошь отражают символику зависимости, подчиненности ее воле мужа. Естественно, что именно эта зависимость должна отражаться в обряде перемены головного убора — он оформляется как плач по девичьей воле.

Девичья прическа и головной убор в песнях, кроме эпитета "девья красота", имеют еще употребляющийся как синоним эпитет "вольная воля". Девушка, расставаясь с головным убором и обрядово ища ему место, в Олонецкой губ. причитает:

Положу я дорогу волю
Выше плеч да на головушку,
Пусть-ка волюшка по старому
Дорога моя по-прежнему" [46].

В волосах, как считает народная магия, хранится женская сила (да и сила вообще). Именно та сила, которая позволяет женщине рожать детей, наделяя их жизнью! Мы как-то не задумываемся над этим чудом, оно перестало нас поражать, как и многое другое из первооснов бытия. А древние были проще, и они задумывались. А задумавшись, приходили в ужас перед таящейся в женщине мощью и на всякий случай начинали от нее защищаться, как от всякой неуправляемой силы. Этот мистический ужас вообще очень характерен для традиционной культуры, которая предпочитает поклоняться сильным и страшным богам и относиться безразлично к добрым. Собственно говоря, и современное мышление живет тем же. Это ведь всего лишь русская интеллигентская традиция — рассматривать христианство как религию любви и всепрощения. А приглядеться к идее отпущения, греха и страху перед жутким будущим, который является основным рычагом управления толпой! Основополагающая идея христианства — *initium sapientiae est timor domini* (начало премудрости — страх Господень). С другой стороны, как пишет корреспондент Леви-Брюля относительно народности бергдама Южной Африки: "Если мы спросим, в чем заключается жизненный нерв их туземной религии, то получим следующий простой ответ: страх, ничего, кроме страха! Гамаб (бог), который не внушает страха, не пользуется почитанием" [47].

С психологической точки зрения, в этом явно проступает какой-то общечеловеческий механизм мышления. Его же мы видим и в христианском, и в дохристианском отношении к женщине. Ее оплетали чарами с самого рождения. Ей не позволяли даже задумываться о таящихся в ней способностях. Ее всячески ограничивали в правах на протяжении всей жизни. Волосы должны быть покрыты с мгновенья утраты девичества раз и навсегда в знак подчинения и отказа от права на полет. Замужняя женщина не имеет права носить распущенные волосы потому, что люди боятся скрывающейся в ней силы и убьют ее, если только она попытается взбунтоваться и вспомнить иные миры и иные возможности... Плат на голове ~ это то же самое, что потолок, что свод могилы, это то, что не дает взлететь. В нем выражается подчинение мужу, роду мужа, отцу его, в первую очередь, то есть свекру. И в этом есть что-то от монашества, от приятия смерти еще при жизни.

Я зоря — зоряночка,
Зоренька вечерняя.
Есть игра веселая,
Нам еще бы поиграть.
Нам еще бы поиграть,
Да поиграть, потешиться.
Поиграть бы потешиться,
Да с красным девкам понежиться.
С красным девкам понежиться,
Да вот свекор домой кричит.
Вот свекор домой кричит,
Да я свекра не слушала.
Я свекра не слушала,
Да я домой не ходила.
Я домой не ходила,

Да я игры не портила.
 Я игры не портила,
 Да я подружек не гневала.
 Есть игра веселая,
 Нам еще бы поиграть [48].

Зоренька вечерняя, отметьте! Песня тоже начинается на западе. И куда она рвется оттуда? Поиграть. В страну детства. Но с Запада можно бежать только на Восток. Если вдуматься, то для Запада не существуют даже Юг и Север. Они существуют для того, кто знает о Западе, но только потому, что сам он находится в Середке, в Центре мира, для которого и существуют стороны Света. Когда нет Середки, а рассматриваются лишь Восток и Запад, они перестают быть географическими понятиями и превращаются в полюса, между которыми свершается человеческая жизнь, как начало и конец дня, начало и завершение века. Значит, на восход — это и в страну детства. И она бежит от свекра в иной мир, в иную жизнь. Просто в жизнь, и тогда Свекр (или свекровь?) становится символом Смерти. Все символично в народной культуре. Все проникает одно в другое, если ты хочешь всмотреться.

Есть игра веселая, есть страна восходная. Игра тоже символ из повести о Путешествии Души. Она-то и есть Страна Востока. Почувствуйте: она не играет, она туда путешествует, в игру веселую, в то состояние изначального блаженства, которое называется золотым веком или Раем — Выреем, Иреем по-русски. Как все дороги человеческие ведут в Киев, так все дороги Души — в Вырей. Только вот:

"Есть ко Киеву да две дороженьки,
 Две пути две дороженьки:
 Первая дорожка прямоезжая,
 Другая дорожка окольная.
 Окольная дороженька семьсот-то верст,
 А прямоезжая дорога ровно триста верст;
 Сорок лет дорожка заколодела,
 Сидит Соловей Рахманович,
 Сидит у реченки у Черный
 У того дуба Леванидина,
 У тоя береза поклапыи... [49]

Такие привычные каждому русскому строки. Из-за этой привычности мы в них и не вглядываемся. А ведь это мистическая география Руси. Дядька и мой дед считали это описанием пути на Небесную Русь, очевидно, существующего еще с изначальных времен, когда "небо и земля были близко". Мы можем посчитать его и описанием пути к истокам русского национального мышления. Все мои старики в голос твердили мне, что есть прямой путь к себе, но за тридцать-сорок лет жизни ты слишком "заколодел", чтобы решиться на него. Сознание стало мутным и негибким, а мышление чрезмерно перегруженным и тяжелым. На окольные же пути человеческой жизни не хватает... Забывались от века к веку пути и тропы, стиралось из памяти как идти, где поворачивать, стирались и стесывались зарубки и метки... И, словно чувствуя эту утерю, народ превращал древнее знание о Пути в изустное предание, в повести, песни и прибаутки и раздавал, раздавал на хранение всем, чья душа отзывается на это воспоминание, чтобы дошло, не утерялось хоть что-то, хоть намек... И замечьте, нравятся эти песни именно тем, чья душа на них отзывается. Мы ведь никогда не задумываемся над тем, что значит, "нравится". Это же одна из очевидностей нашего мира, это все знают: нравится и нравится! Просто нравится! Но если вы заглянете в свою душу, то почувствуете — это не просто, это как раз сложно. Это слишком сложно, чтобы вспомнить или объяснить. Но слишком больно, чтобы забыть!

Мистическая география Руси не исчерпывается этим коротким куском старины из собрания Гильфердинга. Сюда же относится и все связанное с так называемой Дунайской прародиной.

Пошли девки, пошли девки,
 Пошли девки в лес по ягоды,

Пошли девки в лес по ягоды.
 А все девки, а все девки,
 А все девушки нарвались,
 А все девушки нарвались.
 Одна девка, одна девка,
 Одна девка не нарвалась,
 Одна девка не нарвалась.
 В Дунай реке, в Дунай реке,
 В Дунай речке прокупалася,
 В Дунай речке прокупалася.
 Под кустиком, под кустиком,
 Под кусточком провалялася,
 Под кусточком провалялася.
 Платком белым, платком белым,
 Платком белым промахалася
 Платком белым промахалася.
 К себе дружка, к себе дружка,
 К себе дружка дожидалася,
 К себе дружка дожидалася.
 Пошли девки, пошли девки,
 Пошли девки в лес по ягоды¹.

¹ Эту песню принес на Тропу Новокузнецкий фольклорный ансамбль "Русская сказка", руководитель Староверова Т. Л.

Опять пошли, опять в путь, и опять через лес. Даже если подойти к этому примитивно-исторически, то с Дунайской прародины наш путь лежал на Восток через леса. Но это работает только в том случае, если мы посчитаем, что у Руси было некое мистическое влечение на Восток. Впрочем, влечение, безусловно, было, это подтверждают и Мангазея, и Беловодье, и вся Сибирь, где русский крестьянин все хотел найти страну справедливости, рай на земле. Но вот само действительное движение народа на восток на протяжении тысячелетий, очевидно, объясняется все-таки меньшей плотностью населения этих мест, по сравнению с опасным и кровожадным западом. С другой стороны, некая мистическая идея привела германцев с востока на запад, и никакая плотность автохтонного населения, никакое сопротивление им не помешали его занять. Как, впрочем, и татарам, и туркам, и арабам, которые предпочитали завоевывать плотно заселенную и воинственную Европу, а не свободные пространства Востока. Идея, мистическое влечение, мечта может все-таки быть сильнее объективно-исторических условий.

Итак, дорога в Страну Востока лежит через леса? Тогда символ леса не случаен. Он явно связан с силами, и силами темными, встающими помехой, потому что лес — это символ иного мира. Не случайно инициации, посвящения молодежи во взрослых во всех традиционных обществах проводились в лесу. Инициация же всегда есть условная смерть и воскрешение в другом качестве, как и свадьба. Но в таком случае лес — символ мира смерти. Зачем же туда лезть? Почему мы как бабочки, мчащиеся в огонь? Может быть потому, что это желанная смерть? То есть любовь, каким-то образом, и есть смерть? Смерть чего-то, по крайней мере, чего-то, что убивает душу, держит ее в неволе, скажем, личности, общественного существа? И в этом смысле лес есть иной символ для обозначения того же Буяна, то есть ворот в тот мир?

Жаль расстаться мне с тобой,
 Распроститься, дорогой.
 Сиз голубчик, душа мой,
 Милый, навеки от тебя
 Побегу в темны леса,
 Где ракитовы кусты,

Где вся травка зелена,
 Где мил ласков до меня,
 Где приятно целован,
 Крепко к сердцу прижимал,
 Он разлапушкою звал:
 "Ты, разлапушка моя!
 Лебедь белая моя!"
 Я гуляла во саду,
 Со травы цветы рвала,
 Венок милому плела;
 Я надела тот венок,
 В путь-дороженьку пошла.
 На дорожку выхожу,
 На широкой становлюсь,
 Я сама себе дивлюсь;
 Никого я не боюсь:
 Ни курьера-ямщика,
 Ни донского казака;
 Одного только боюсь —
 Своего мила дружка,
 Вани, ясна сокола [45, с.193].

Как бы там ни было, но символы **леса, острова, смерти, любви и дороги** явно и определенно сопрягаются между собой в русской народной песне на протяжении многих столетий. Пока я вижу только один узел, соединяющий их в нечто цельное — это путешествие Души.

Однажды Дядька и тетя Нюра спели "Степь да степь кругом". Я знаю, с точки зрения "настоящих" фольклористов, это песня недопустимая, не народная. Мне приходилось выслушивать такие мнения. Но мои старички не были фольклористами, они были народом. Поэтому они пели то, что пелось. Более того, они прозревали и сквозь такие песни большой Мир. Когда они закончили петь, Дядька спросил меня:

— Что ты видишь?

Я понял, что он спрашивал о том, что я вижу в пространстве песни, но не нашел ничего достойного, чтобы сказать, и лишь помычал нечленораздельно. Дядька пел не так хорошо, как Поханя, но он и ставил перед собой как бы совсем не певческую задачу. Если он начинал какую-нибудь песню, то я сразу знал, что он готовит какой-то разговор, связанный с ее содержанием, или она что-то пояснит для меня. Поэтому я и не высовывался зря с собственными мыслями. Это, правда, тоже могло повести к наказанию за тупость, но уж слишком трудно было ему соответствовать. Он напел еще раз:

Степь да степь кругом,
 Путь далек лежит,
 В той степи глухой Замерзал ямщик.
 И набравшись сил,
 Чуя смертный час,
 Он товарищу
 Отдает наказ:
 Ты, товарищ мой,
 Не попомни зла,
 В той степи глухой
 Схорони меня.

И тут Дядька вдруг приблизил ко мне свое лицо и пропел как бы прямо для меня:

А жене скажи,
 Что в степи замерз,
 А любовь ее
 Я с собой унес.
 И еще скажи,
 Пусть не печалится,
 С тем, кто сердцу мил,
 Обвенчается.

Да, конечно, это авторская песня конца прошлого века, так называемый, жестокий романс. Но какое это имеет значение, если мы подойдем к этому как психологи, а не фольклористы. Пусть она трижды авторская, но ее пели и поют до сих пор. Почему? Что заставляет русскую душу отзываться на ухваченные в ней образы? Почему вообще имело место такое явление песенной культуры, как "жестокий романс"? Ясно, что это явление не случайно и соответствует механике нашего мышления, его архетипам, или, как говорится в просторечии, задевает струны Души.

— Какого рожна их туда понесло? А?— спросил меня тогда Дядька.— Чего им в этой степи требовалось?

— Причем тут степь?— пришел я в недоумение,— Они же ямщики...

— Работа такая?— засмеялся Дядька и запел:

Когда я на почте служил ямщиком,
 Был молод, имел я силенку,
 И крепко же, братцы, в селеньи одном
 Любил я в ту пору девчонку,— ага? Чем кончается?—
 Под снегом-то, братцы,
 Лежала она, закрылися карие очи...

— А девчонку-то чего в эту дорогу погнало?

В тот раз показанная мне Дядькой связь степи, степной дороги и смерти показалась натянутой и случайной, однако, для народной культуры она естественна настолько, что закреплена как один из архетипических образов даже в обрядах, откуда, очевидно, и попадала в песни. Впоследствии это стало для меня очевидно, но приведу лишь одно подтверждение из Н. Белецкой. Исследуя южнославянскую "поману", она говорит: "Структура обычая говорит о том, что по наиболее существенным моментам ритуала она ближе всего стоит к украинскому обычаю "на саночки посадовить", когда состарившийся хозяин дома сам добровольно назначает себе время "ухода" и руководит подготовительными ритуальными действиями. Основное отличие этих двух обычаев заключается в том, что "на саночках" остаются умирать в степи..." [41, с. 155-156]. Скажу только одно, что даже несмотря на мои постоянные сомнения в деталях того, что мне говорили старики, эта Дядькина мысль меня все равно захватила, особенно когда он добавил:

— Я тебе так скажу, когда-то мы свободно ходили и туда и обратно, а потом начали больше жить здесь, здесь стало важнее... И так, видно, получилось, что все меньше становилось таких, кто ходил, а потом, они еще и, может, таить начали. Вот их-то и звали волхвами и колдунами. А потом стало поздно. Волхвов повывели, а душа болит. Начали вспоминать, а дорога-то эта не стоит, она меняется, она сейчас уже не там, где старые песни помнят. И вот эти новые песни, это же новые песни, они о том, как по старым зарубкам ходят В ту дорожку, которая заросла, ушла... и гибнут, и гибнут...

Эх, дороги,
 Пыль да туман,
 Холода, тревога,
 Да степной бурьян.
 Выстрел грянет,
 Ворон кружит,
 Мой дружок в бурьяне

Неживой лежит...

— Ты только вспомни, сколько за тот век и за этот песен о том, что нет надежды... Хоть "Офицерская прощальная": "Той России уж нет..." Мы просто забыли дорогу и гибнем!..

У русских очень много песен раздольных и тоскливых. Почему? Может быть, за ними таится Знание? А в знании — печаль? Что происходит, когда глядишь внутрь пространства такой песни. Во-первых, если взглядеться удастся, видишь, насколько оно огромно, насколько велик объем и пространства этого Мира, и путешествия в нем. А во-вторых, видишь цикличность, круговращение жизни. Ведь это сейчас дожидается дружка у Дунай-речки та же самая девка, которую сговорили — выдали за реку. Подобных текстов и мотивов так много, что можно сказать, что это просто образ Женственности, которая ждет избранника у Мировых вод. Обратите внимание на этот мотив воды и реки. Дунай народных песен — это та же самая "Забыть-река", река забвения, Лета. И поэтому так трудно определить: эта девка уже после сговора или еще до него. Памяти нет, потому что все повторяется и повторяется, новое становится старым, старое меняется на новое, и мы не в силах отыскать дорогу. И попытки Души взбунтоваться против этого порядка вещей оказываются тщетными.

Дорогая наша гостыюшка-душа, да,
 Погости в гостях, ох немножечко.
 Погости в гостях немножечко, да,
 На дворе у нас, ой тихонечко.
 На дворе у нас тихонечко, да,
 Нет ни ветру, нет ни вихерю.
 Нет ни ветру, нет ни вихерю, да.
 Вдруг нагрязнула непогодушка.
 Вдруг нагрязнула непогодушка, да,
 Столбы новые пошатились.
 Столбы новые пошатились, да,
 Воротечки о- отворились.
 Воротечки отворились, да,
 Увидала на- наша гостыюшка-душа.
 Увидала наша гостыюшка-душа, да,
 Из высока но- нова терема.
 Из высока нова терема, да,
 Из хрустальнова из окошечка.
 Из хрустальнова из окошечка, да,
 Закричала гром- громким голосом.
 Закричала громким голосом, да:
 Вы любезные ой подруженьки,
 Вы любезные подруженьки, да,
 Сослужите слу- службу верную.
 Службу верную, ой последнюю, да,
 Вы скачите на- на крутую гору.
 Вы скачите на крутую гору, да,
 Вы облейте ме- медовой водой.
 Вы облейте медовой водой, да,
 Чтоб нельзя бы- было ни проехать, ни пройти.
 Чтобы нельзя было ни проехать, ни пройти, да,
 Разудалу до- добру молодцу.
 Разудалу добру молодцу, да,
 Что Ивану-то ой Петровичу.
 Что Ивану-то Петровичу, да,
 За душою кра- красной девицей¹.

¹ Из записей фольклорного ансамбля "Челяба" Челябинского гос. ун-та. Руководитель Л. Г. Оганесян. Записано от Садреевой А. А.

Она в этом теле гостыюшка. Она умрет и перейдет гостьей в следующее тело. Довольно расхожим является представление, что у русских не было идеи метемпсихоза, переселения душ. Работы Белецкой, Ереминой и других великолепных ученых давно опровергли это представление. И эта песня о том же. Это отнюдь не о девке, которую выдают замуж. Замужество — лишь поверхностная оболочка повести о путешествии Души. И не важно, мужик ты или баба, когда поют эту песню, Душа твоя отзывается. Значит, она, или что-то в глубинах твоего мышления, узнает скрытый в песне культурный или психологический архетип. Что еще? Могут возразить: нас привлекает красота или музыкальность! А что это такое? Что в нас оценивает и определяет? Какова психологическая механика этого чувства? И если вы будете искренними, то опять же придете к этому странному понятию Душа. Эта песня о твоей Душе, которая уйдет, но вынуждена будет снова и снова приходить к этому опостылевшему "старика". "Старой" — это же может быть как символ Бога, так и нашего тела. И не потому, что оно старое, а потому, что только ему свойственна сама способность стареть. Как скоротечна любовь, а как, должно быть, скоротечны и любовь и сама жизнь в глазах бессмертного существа. Твой дружок, юное и прекрасное тело, которое ты с таким трепетом ждала в начале пути, разрушается, не пройдя и трех шагов, не прожив и трех недель, а ты опять не успеваешь. Отчаяние! Он там погибает, тонет, но ничего не сказано, чем занята девка. А ведь она кричит в это время: "Сослужите службу верную, службу верную, последнюю!.."

Однажды мы разговаривали об этом на одном из семинаров Тропы. И пока мы пели "Гостыюшку", на улице пошел дождь сквозь солнце. К чему дождь сквозь солнце? Это народная примета. К чему она? К дождю. К тому, что снова будет дождь.

Это было как раз в то время, когда мы пытались понять, откуда у наших предков взялись понятия о переселении душ, цикличности мира, кругообороте жизни, возвращении к истокам. Мы смотрели сквозь открытые окна и двери каменного здания и отвлеченно размышляли. Мы были разделены с тем, что снаружи. Это и есть основная болезнь современного человека — разьединенность, разобщенность и с природой, и с собой, с собственной природой, которую, вероятно, и следует называть Душой. Но как только мы это осознали, что-то прорвалось и стало понятно: что в природе, то и в человеке. Значит, что в человеке, то и в природе. По крайней мере, такова простейшая логика нашего мышления. Дождь сквозь солнце — это к дождю и к грибам. Это к плодородию. Не случайно в народной магии считается важным знаком появление солнца или теплый дождь. Это значит, что что-то откликнулось на твою просьбу, действия или даже образ жизни. По крайней мере, так считалось.

Если вернуться к песне, то через это мы можем понять, что она плачет, видя это круговращение жизни, эту неизбежность судьбы. Вглядитесь в один только образ горы, облитой медовой водой, и все станет очевидным! Он чрезвычайно многозначен. Чего только за ним нет. Начиная со снежной масленичной горки, которую надо было брать с бою, чтобы победила весна и пришла пора свадеб, и кончая мировой горой, осью Мира. Если она не хочет подпустить к себе жениха, то почему она делает его дорогу медовой?! А если она хочет его, то откуда такое страдание и тоска во всей песне?..

"Так поступали боги, так теперь поступают люди". Что это значит для нас с вами? Есть боги или их нет — вопрос личный для каждого. Но ясно одно, что если традиция старалась сохранить изначальное состояние души и сознания человека — значит, что это изначальное состояние души и сознания воспринималось и осознавалось как божественное. У Элиаде есть прекрасное место о сути так называемых райских мифов: эти "мифы <...> говорят о чрезвычайной близости, существовавшей изначально между Небом и Землей..." "...Описывая изначальное состояние, эти мифы выражают его райский характер, просто изображая Небеса in illo tempore очень близкими к Земле, легко доступными, на которые можно попасть, взобравшись на дерево, или по тропической лиане, или по лестнице, или поднявшись на гору. Когда Небеса внезапно отделились от Земли, т.е. стали далекими, как в наше время, когда дерево или лиану, соединявшую Землю и Небо, срубили или когда гору, которая раньше касалась Неба, разрушили — тогда райский период закончился, и человек вступил в свое нынешнее состояние" [50, с. 62].

Там, в начале, все было божественно. Это означает, что народная мысль считает, что человеческое естество изначальное божественно, а все остальное, что пришло потом, есть замутнение и загрязнение

нашего сознания, которое "заколодело" за годы жизни так, что "ни проехать, ни пройти". Это пугает, но если вдуматься, то как раз в этом-то и есть надежда. Путь в Страну Востока существует, и он записан в тебе самом как твоя судьба. Ведь именно эти замутнения и есть следы твоего старения, взросления, движения к настоящему. Мы и тут возвращаемся к одной из древних мудростей: познай себя. Если ты познаешь свои замутнения, то ты познаешь и путь. Ты этим путем пришел сюда, в настоящее, и этим же путем ты можешь вернуться вспять к изначальному. Об этом же поют в песнях и сказывают в старинах.

Я хочу завершить свою статью тем, чем закончила свою "Языческую символику славянских архаических ритуалов" Наталья Николаевна Белецкая. Я думаю, в середине семидесятых, когда писалась эта книга, сказать подобное требовало от ученого немалой смелости:

"Положение о том, что в основе ритуала лежит древнейшее обыкновение удаляться под старость на далекую прародину, находит подтверждение в мифологических мотивах устной и письменной древневосточной традиции. Космические герои их, по свершении на земле гуманистической культуртрегерской миссии, возвращаются на "свою звезду".

Из разносторонних видов культурной миссии "сынов неба" в данном случае наиболее существенны определение предзнаменований по солнцу и по луне, нарождающейся и на исходе, по изменению движений и яркости звезд, по метеоритам, и как важнейший результат астрономической деятельности их — составление земного календаря.

Особенно же важны мотивы путешествий мифологического героя, явившегося со звезды, к недоступным для людей вершинам высочайших гор и к солнцу. Очень большой интерес представляет мотив изготовления им металлического треножника, который в числе прочих поразительнейших чудес изображал дракона и на котором герой со своими спутниками улетает с Земли.

Из сказаний о "сынах неба" следует выделить мотив о камнях, песке и железе как источнике энергии движения их, во-первых, мотив о голове, "сделанной из меди или сходного с ней металла, с железным лбом", во-вторых. Важнейшим представляется мотив о том, что "отделенная впоследствии от туловища и с предосторожностями захороненная отдельно металлическая голова долгие годы продолжала излучать тепло. Из захоронения время от времени выбивалось облачко пара, отсвечивающего красным, которому поклонялись местные жители".

Очень существенен мотив удаления древних "сынов неба" за "восемь пустот", между которыми находится Земля. Самое же важное для понимания генетических корней и первоначальной сущности ритуала содержится в мотиве о том, что после столетней деятельности на земле мифологический герой возвращается на свою звезду.

Особый интерес представляет мотив о "сыне неба", сжегшем себя в пламени, поднявшемся с дымом и за одно утро долетевшем до "Озера грома" — земной обители космических героев, появление и удаление которых сопровождалось громом. При этом упоминается некий предмет, воспользовавшись которым "сын неба временно умер и возродился через двести лет".

И, наконец, самое важное: "сын неба" поднимался к солнцу на драконе "из страны, где рождаются солнца". В день он пролетал "мириады верст; севший в него человек достигает возраста двух тысяч лет".

Эти древнейшие мифологические сюжеты открывают путь к выяснению почвы формирования ритуала удаления на "тот свет". Из них явствует, что одна из самых ранних из известных нам форм удаления к обожествленным праотцам — мужественное вступление в пламя погребального костра при признаках подступающей старости у древних индусов — было уже пережиточной формой деградировавшего ритуала. Упоминания же о "рыбе-драконе, явившейся из речных вод", важны как одно из проявлений связей рек — морей с космическим миром предков и, что в данном случае особенно существенно, средство переправы в него.

Итак, в основе ритуала, во многом определившего формы календарного цикла и направленность его у славян, лежит древнейший мотив удаления на прародину при признаках подступающей старости еще сильных телом и духом людей, способных вынести трудности далекой переправы через леса, водоемы, горы, облака и "пустоты". Что касается чудесных средств ее, в виде драконов, треножников, связей их с мотивами огня, грома, дыма, а главное, долголетия — сюжеты эти важны для понимания представлений, с которыми связано добровольное приятие ритуального умерщвления при трансформации ритуала удаления на прародину.

Изучение вопроса об истоках мифологических представлений о "сынах неба", приносивших благодать

на землю и возвращающихся в созвездие Льва, — предмет исследования специалистов в области древневосточных цивилизаций. Блестящие результаты изысканий Дж. Хокинса "Кроме Стоунхенджа" (М., 1977) существенны и для исследования генезиса и формирования ритуала проводов на "тот свет". Для изучения рудиментов его в фольклорной традиции и реконструкции форм у языческих славян особенно важно положение о белтейнских кострах. В нем содержатся соответствия высказанным здесь соображениям о функциональной сущности языческого ритуала, календарных сроках отправления и трансформированных формах его у европейских народов. "В определенные астрономические даты на протяжении года зажигались огромные костры (...), зависящие от склонения солнца... Письменные свидетельства довольно путаны, так как христианские проповедники пытались положить конец этому древнему обряду, связать соответствующую дату с церковным календарем или же, когда это не удавалось, незаметно слить новую религию со старым обычаем. Этнологи связывали этот обряд с друидами, и белтейнский костер считался символом кельтского друидического солнечного бога... Костры зажигались в ночь накануне летнего солнцестояния, зимнего солнцестояния, а также накануне весеннего и осеннего равноденствия. В Норидже (Англия) в день летнего солнцестояния вниз с холма скатывали горящее колесо... Кроме того, костры зажигались еще четыре раза в год — когда склонение солнца составляло 16,3 градуса к северу или к югу. Эти склонения фиксируют календарные даты примерно через каждую восьмую часть года после солнцестояния или равноденствия <...> Это деление очень близко к датам ... солнечных направлений ... в мегалитических сооружениях. Поскольку мегалиты древнее кельтских друидов, белтейнские костры, возможно, пришли к нам из мрака доисторического периода" [41, с. 171-174]. Как и Купальские, добавил бы я.

НАУКА МЫШЛЕНИЯ И ОБРАЗ МИРА

Рассказывать о Тропе — значит, в первую очередь, рассказывать о мировоззрении Тропы, о ее мировидении. Рассказывать о Мире Тропы — значит рассказывать и о том, как они видели мир, об их Образе мира, который назывался Лопоть. Лопоть, как объясняли мне старики, — это одежда, одежда в которую мы рядимся и кутаемся, чтобы закрыться от жестокого мира снаружи. То есть от настоящего мира. Получается, что Лопоть — это все то в нашем сознании, чем мы закрываемся от мира. Если понимать Лопоть так, то она не совсем точно соответствует понятию Образа мира, потому что, кроме части, отражающей окружающий мир, то есть собственно Образа мира, включает в себя и часть, соответствующую Образу себя, как понимает это современная психология. У этих частей в традиции Тропы были свои имена, причем, настолько подробно разработанные, что их просто не удастся ввести в этот начальный разговор. При этом Лопоть далеко не исчерпывает того, что мы сейчас называем мышлением человека. В Тропе существовала целая "наука" об устройстве человеческого сознания и работе Ума, которая называлась "Наукой мышления". Название, наверное, было выведено из Суворовской "Науки побеждать", потому что и это название тоже постоянно употреблялось. Насколько я смог понять, моих старичков звали доками именно благодаря тому, что они владели этой наукой. Для меня же это означает, что, если я хочу всерьез рассказать о Тропе, я обязательно должен дать подробное и ясное изложение Науки мышления.

Но это только легко сказать — дать изложение Науки мышления! Если при этом учесть, что мне рассказывали о ней несколько деревенских колдунов, то есть практиков-прикладников, использовавших это понятие как один из самых основных инструментов! Наука мышления — это одна из основ магии Тропы, рассказывать о ней надо много, да еще и одновременно показывая то, о чем говоришь, желательно, на уровне психологической механики.

Сев за бумагу, я понял, что если я хочу в этой статье дать самое общее представление о том, как видела мир Тропа, то начать я должен, опираясь не на свои прикладные и не на этнографические знания, а на один из общеизвестных психологических подходов к этой теме. Скажем, на аналитическую психологию Карла Густавовича Юнга. Да простится мне такая вольность в обращении с именем великого маэстро! Я русифицирую его потому, что уж очень он мне близок в своей мифологичности, мистичности и любви к сказке. Для меня этот швейцарский профессор скорее русский по душе, чем немец. В крайнем случае, обрусевший немец из семьи какого-нибудь немецкого генерала Екатерининских времен. И уж если говорить о русской культурно-исторической (или этнографической) школе психологии, то продолжателем ее в двадцатом веке я бы скорее посчитал Юнга, чем советскую психологию.

Итак, Юнг. В каждую эпоху так называемый "культурный человек" должен владеть своим обязательным набором признаков, определяющих его в этом качестве, говоря языком психологии — как члена сообщества "культурных людей". Во второй половине двадцатого века "культурный человек" на вопрос, читал ли он Юнга, должен ответить: "Да, конечно!" После того, как эта первая часть ответа прозвучит вполне утвердительно, позволятся обеспечить себе пути отступления и добавить: "Кое-что..." Ну а если собеседник оказался идиотом и действительно собирается поговорить про Юнга, следует расставить точки над *i*: "Сейчас уж плохо помню... Архетипы... Его ведь много-то не считаешь! Не Гессе!" — после чего можно доброжелательно рассмеяться и перейти к погоде или политике. Упоминание Гессе, Маркеса или Джойса убедит любого члена сообщества "культурных" людей в том, что ты — свой и обладаешь полным набором признаков свойства, ну а попытка продолжить разговор про Юнга насильно будет означать, что сам говорящий является чужаком, или принадлежащим к научному сообществу (подсообществу "культурных людей"), или же вообще сумасшедшим.

Нельзя объять необъятного, и для неспециалиста, чтобы поддерживать светский разговор, действительно достаточно такой глубины знаний о Юнге. При этом совершенно очевидно, что понятие "архетипа" не только прочно связано в общественном сознании с именем Юнга, но и является тем, что сделало его знаменитым за рамками профессиональных сообществ психологов и философов, хотя оно лишь очень малая часть аналитической психологии. И это все притом, что у специалистов бытует довольно обоснованное мнение, что Юнг так до конца жизни сам и не понял, что же такое архетип. Поводом для такого мнения, конечно, послужила многочисленная критика данных им не менее многочисленных определений архетипа. От работы к работе он все уточнял и уточнял свои определения, то ли действительно запутавшись, то ли рассердившись на придирчивую непонятливость запутавшихся читателей. Понятие "архетип" у Юнга связано с понятием "коллективного бессознательного", а через него с введенным Л. Леви-Брюлем понятием "коллективных представлений" (*representations collectives*), которое, по странному стечению обстоятельств, Леви-Брюлю тоже до конца жизни пришлось оправдывать. Может быть, это знак того, что научное сообщество психологов в тот период было не готово воспринять идеи общественной психологии, оставляя их на откуп набравшей силу социологии.

Я не так давно открыл для себя Юнга, но он меня захватил. И захватил, в первую очередь, тем, что оказался уж очень близок к той школе, которую я все эти годы изучал сначала как этнограф, а потом как психолог, когда занимался культурно-историческим направлением в русской психологии. Поэтому однажды мне захотелось самому разобраться в том, что же такое его архетипы и как это соотносится с тем, что рассказывали мне мои деревенские учителя об общественной психологии, которую они называли "свойским мышлением". Я не стал делать ни сопоставительного анализа разных работ, ни биографического исследования. Я взял за основу один довольно большой кусок текста из зрелой (1934 года) работы "Об архетипах коллективного бессознательного" и постарался войти в самую ткань его мышления и логики. Я хотел разобраться в аналитической психологии Юнга лично для себя, и, естественно, сделал это письменно, чтобы ничего не упустить. Эти записи сохранились. Подбирая психологический материал для разговора о мировоззрении Тропы, я понял, что мне не найти ничего лучшего для начала. Тропа говорила на своем особом языке, который сам по себе был бы непонятен ни простому читателю, ни профессиональному психологу. Статья Юнга, на мой взгляд, позволяет перекинуть понятийный мостик между разными мирами. Она начинается так:

"Гипотеза о существовании коллективного бессознательного принадлежит к числу тех научных идей, которые поначалу остаются чуждыми публике, но затем быстро превращаются в хорошо ей известные и даже популярные. Примерно то же самое произошло и с более емким и широким понятием "бессознательного". После того как философская идея бессознательного, которую разрабатывали преимущественно Г. Карус и Э. Фон Гартман, не оставив заметного следа пошла ко дну, захлестнутая волной моды на материализм и эмпиризм, эта идея по прошествии времени вновь стала появляться на поверхности, и прежде всего в медицинской психологии с естественнонаучной ориентацией. При этом на первых порах понятие "бессознательного" использовалось для обозначения только таких состояний, которые характеризуются наличием вытесненных или забытых содержаний. Хотя у Фрейда бессознательное выступает — по крайней мере метафорически — в качестве действующего субъекта, по сути оно остается не чем иным, как местом скопления именно

вытесненных содержаний; и только поэтому за ним признается практическое значение. Ясно, что с этой точки зрения бессознательное имеет исключительно личностную природу, хотя, с другой стороны, уже Фрейд понимал архаико-мифологический характер бессознательного способа мышления.

Конечно, поверхностный слой бессознательного является в известной степени личностным. Мы называем его *личностным бессознательным*. Однако этот слой покоится на другом, более глубоком, ведущем свое происхождение и приобретаемом уже не из личного опыта. Этот врожденный более глубокий слой и является так называемым *коллективным бессознательным*. Я выбрал термин "коллективное", поскольку речь идет о бессознательном, имеющем не индивидуальную, а *всеобщую* природу. Это означает, что оно включает в себя, в противоположность личностной душе, содержания и образы поведения, которые *сам grano salis* являются повсюду и у всех индивидов одними и теми же. Другими словами, коллективное бессознательное идентично у всех людей и образует тем самым всеобщее основание душевной жизни каждого, будучи по природе сверхличным.

Существование чего-либо в нашей душе признается только в том случае, если в ней присутствуют так или иначе осознаваемые содержания. Мы можем говорить о бессознательном лишь в той мере, в какой способны удостовериться в наличии таких содержаний. В личном бессознательном это по большей части так называемые эмоционально окрашенные *комплексы*, образующие интимную душевную жизнь личности. Содержаниями коллективного бессознательного являются так называемые *архетипы*.

Выражение "архетип" встречается уже у Филона Иудея (De Opif. mundi, § 69) по отношению к Imago Dei в человеке. Также у Иринея, где говорится: "Mundi fabricator non a semetipso fecit haec, sed de aliis archetypis transtulit"¹.

Хотя у Августина слово "архетип" и не встречается, но его заменяет "идея" — так в De Div. Quaest, 46: "Ideae, quae ipsae formatae non sunt... quae in divina intelligentia continentur"². "Архетип" — это пояснительное описание платоновских егбоз. Это наименование является верным и полезным для наших целей, поскольку оно значит, что, говоря о содержаниях коллективного бессознательного, мы имеем дело с древнейшими, лучше сказать, изначальными типами, т.е. испокон веку наличными всеобщими образами" [33, с. 97-98].

¹ "Творец мира не из самого себя создал это, он перенес из посторонних ему архетипов".

² "Идеи, которые сами не созданы... которые содержатся в божественном уме".

Здесь я должен прервать цитату и отметить это определение архетипа, потому что оно обычно проходит практически незамеченным на фоне других определений, но при этом, на мой взгляд, является самым работающим. К сожалению, Юнг не дает определения, что такое образы, относясь к этому понятию как к одной из очевидностей, которая сама собой ясна любому из носителей соответствующего языка. К сожалению, именно здесь он попадает в ловушку, когда чуть ниже ставит перед собой задачу "психологически обосновать, что такое архетип".

"Без особых трудностей применимо к бессознательным содержаниям и выражение "representations collectives", которое употреблялось Леви-Брюлем для обозначения символических фигур в первобытном мировоззрении. Речь идет практически все о том же самом: примитивные родоплеменные учения имеют дело с видоизмененными архетипами. Правда, это уже не содержания бессознательного: они успели приобрести осознаваемые формы, которые передаются с помощью традиционного обучения в основном в виде *тайных учений*, являющихся вообще типичным способом передачи коллективных содержаний, берущих начало в бессознательном.

Другим хорошо известным выражением архетипов являются *мифы* и *сказки*. Но и здесь речь идет о специфических формах, передаваемых на протяжении долгого времени. Понятие "архетип" опосредованно относимо к representations collectives, в которых оно обозначает только ту часть психического содержания, которая еще не прошла какой-либо сознательной обработки и представляет собой еще *только непосредственную психическую данность*. Архетип как таковой существенно отличается от исторически ставших или переработанных форм. На высших уровнях тайных учений архетипы предстают в такой оправе, которая, как правило, безошибочно указывает на влияние сознательной их переработки в суждениях и оценках. Непосредственные проявления архетипов, с

которыми мы встречаемся в сновидениях и видениях, напротив, значительно более индивидуальны, непонятны или наивны, нежели, скажем, мифы. По существу, архетип представляет то бессознательное содержание, которое изменяется, становясь осознанным и воспринятым: оно претерпевает изменения под влиянием того индивидуального сознания, на поверхности которого оно возникает.

То, что подразумевается под "архетипом", проясняется через его соотнесение с мифом, тайным учением, сказкой. Более сложным оказывается положение, если мы попытаемся *психологически* обосновать, что такое архетип" [33, с. 98—99].

Только на основании приведенного отрывка вполне можно видеть, что понятие "архетипа" является ключом теории коллективного бессознательного, глубинных "содержаний" психики и Души, а значит, и всей аналитической психологии Юнга. В таком случае это действительно тот вопрос, с которого стоит начинать знакомство с ним. Что такое архетип с точки зрения психологической?

Правомерна ли вообще постановка вопроса об архетипах в Юнговском понимании. Может быть, правильнее отрицать понятие "архетипа", как марксистская философия отрицала существование Платоновских "идей" и аналитическую психологию вместе с фрейдизмом? Может быть, под термином "архетип" просто нет психологического наполнения, почему и оказалось так трудно дать ему определение? Или наоборот, это явление есть клубок несвязных понятий?

Сам Юнг, как только подходит к примерам проявления архетипов, начинает, условно говоря, "плавать" и дает чрезвычайно неубедительные и многословные примеры, которые ничего не доказывают. К примеру, когда он делает расшифровки сновидений, он перестает быть психологом, теряет способность задавать вопросы, и только трактует, трактует взмахом, причем, заочно, даже не пытаясь убедиться, что видевший сон с ним согласен. Часто приписывает снам информаторов то, что хочет в них видеть, словно замороженный собственной способностью творить красивые образы, близкие к мифологическим. За его объяснениями нет психологической механики, в итоге он из ученого превращается в провидца и мистика. Вероятно, это связано с бедностью его исследовательского инструментария — довоенная психология не располагала в отношении сна ничем, кроме психоанализа и находок самого Юнга. Вся основная научная и этнографическая литература о сне и сноподобных состояниях, включая все, что связано с теорией осознанного сновидения, появится значительно позже войны.

Тем не менее, когда Юнг говорит о двух слоях бессознательного — личном и коллективном, он, на мой взгляд, как раз и стоит на грани создания инструментария для психологического исследования сознания, то есть для анализа. Я употребляю слово "анализ" уже в обычном, философском смысле. Что это значит?

Прием прост. Когда мы имеем некое явление, представляющееся исследователю едино-хаотичной аморфной массой, ни понять, ни определить содержание которой не удастся, приходится дробить ее, "щепать", как говорили старики, на доступные пониманию части, давать каждой точные описания и соответствующие имена, чтобы она узнавалась, а оставшемуся исходно-непонятному псевдо-единству — имя-заменитель понятия. Попросту говоря, как-то его обозначить, закрыть этот провал в неведомое некоей заплатой, которая позволит продолжить процесс исследования. Постепенно количество "отщепов" накопится до такого объема, что позволит создать представление и обо всем явлении в целом и дать ему точное определение.

Это общий метод создания "отщепов-инструментов" и "системы-инструмента" для исследования конкретных жизненных явлений практиками-прикладниками. Если эти практики — психологи, то и созданный ими таким образом инструментарий окажется психологическим. Упанишады использовали его для определения сущности Брахмана или Атмана, которая неопределима и поэтому допустимо только отсекование того, что к этой сущности не относится с помощью инструмента "не то". Поэтому единственно допустимые определения высшей сущности звучат как отрицания: "Брахман — это не...".

Юнг использует этот метод, расщепляя бессознательное на два слоя — личное и коллективное. Но это еще не инструмент, потому что и тот и другой могут иметь слишком неопределенное содержание, объединять в себе узел понятий не намного меньший, чем исходное понятие бессознательного. Иными словами, и то, и другое еще не имена, а лишь обозначения.

Как прикладник, ощущая это, Юнг в приведенном отрывке дает имя верхнему слою: "Существование чего-либо в нашей душе признается только в том случае, если в ней присутствуют

так или иначе осознаваемые содержания. Мы можем говорить о бессознательном лишь в той мере, в какой способны удостовериться в наличии таких содержаний. В личном бессознательном это по большей части так называемые эмоционально окрашенные *комплексы*, образующие интимную душевную жизнь личности. Содержанием коллективного бессознательно являются так называемые *архетипы*".

Все. С этого момента в понятие архетип не может входить ничего из слоя эмоций, раз они относятся к личному бессознательному. Если считать вслед за Юнгом архетипы "основанием душевной жизни", то слой эмоций, как слой "Души", — в Юнговском понимании этого слова — находится выше их (архетипов) или как раз над ними. Прямо на слое архетипов, в таком случае, лежит слой эмоций, а затем и другие слои, которые являются проявлениями нашей душевной жизни, но хоть в малейшей мере осознаются. Соответственно, такое определение позволяет нам отсекаать любое хоть мало-мальски осознаваемое психическое явление, если возникает вопрос, не архетипично ли оно.

Архетипы же, или коллективное бессознательное, теперь стали тем неведомым псевдоединством, которое можно понять, только члени, щепая на доступные нашему уму на сей день части.

Выделяя далее в статье основные, на его взгляд, архетипы и описывая их, Юнг как раз и пытается пойти в создании инструментов исследования дальше. То, что он при этом подчас противоречив или непоследователен, является всего лишь признаком пребывания в состоянии поиска. В целом это великолепная работа для того времени, когда она писалась. Но теперь, по прошествии многих лет, в нее можно привести взгляд со стороны.

Для того, чтобы пойти дальше, вспомним самое начало приведенного отрывка и увидим, что Юнг, говоря о "бессознательном", все-таки понимает под ним мышление: "...уже Фрейд понимал архаико-мифологический характер бессознательного способа мышления". Следовательно, отдавая себе в этом отчет или не отдавая, все свои последующие рассуждения он строит, исходя из этого положения, то есть, говоря о Душе и душевной жизни, ведет исследование не "психики" и не "сознания" (как его понимают разные школы психологии), а именно мышления.

Для меня это принципиально важно, потому что слово "психика" — иностранное и, несмотря на то, что стало очень привычным, требует определения, сопоставимого с переводом. Это слово имеется в языке русского научного сообщества, но отсутствует в исконном русском языке. При этом, если оно определяет действительное явление этого мира, древний и полноценный язык не мог пройти мимо него и не дать ему имени. Да еще в такой сфере, как бытовая психология, то есть то, что каждый миг перед глазами. Если слово "психика" не имеет кальки, то есть прямого соответствия в русском языке, это означает то, что обозначенное им явление или явления народ видел совсем не так, как современные ученые. А это, в свою очередь, означает, что вся система образных, логических и смысловых связей русского языка, созданная за тысячелетия для обслуживания подобных явлений, не может быть использована психологией, что в свою очередь делает понимание явления трудно достижимым, если не сказать невозможным.

Стариков, обучавших меня, можно назвать деревенскими чародеями. Их требование было таково: если хочешь очаровать другого, ты должен быть предельно точен в видении мира сам и в видении того, как видит мир другой, и ты должен владеть точными именами вещей, из которых состоит мир. В этой части их требование предельно точно совпадает с подходом всей народной магии, которая у всех народов и во все времена придавала чрезвычайное значение Именам. Поэтому "мышление" для нас, безусловно, лучше, чем "психика", поскольку это слово русское. Но еще важнее то, что оно заменило и так часто употребляемое Юнгом слово Душа. Слово "психика" опасно тем, что стало привычным, но оно все-таки узнаваемо чужое и в силу этого может насторожить. Когда Юнг говорит о "душевной жизни", мы даже не допускаем мысли, что нас обманули. Мы читаем в тексте слово "душа", узнаем его и считаем, что Юнг писал о душе. Но Юнг никогда не употреблял этого слова, ни разу в жизни! Он писал на немецком и употреблял немецкие слова, которые переводчик перевел русским словом "душа". Всегда ли он употреблял одно и то же слово для обозначения этого понятия, какие образы связываются с ним в немецком и лично у Юнга, мы не знаем. Слово "душа", когда мы его читаем в статье, или не является Именем для нас, если мы учитываем сложности перевода, или является, если мы понимаем его по-своему, но тогда оно не имеет отношения к тому, что хочет сказать Юнг.

Итак, Юнг исследует ту часть мышления, которую вслед за Фрейдом считает бессознательной. Что он понимает под словом "бессознательный"? Идеи Каруса и Гартмана он только упоминает, так что их можно в расчет не брать. С использованием психоаналитиками идеи бессознательного только для

обозначения "таких состояний, которые характеризуются наличием вытесненных и забытых содержаний", явно не согласен. Для него это не склад, не свалка неиспользуемого барахла, а именно "способ мышления". Или действующий и используемый механизм.

Вот что в него входит: "...оно включает в себя <...> содержания и образы поведения", "...и образует тем самым <...> основание душевной жизни".

Вслед за "бессознательным" появляется необходимость до конца определиться с еще одним активно используемым Юнгом термином — "душа", "душевная жизнь". Сразу же, на основании первой страницы статьи, можно поставить относительные знаки равенства между Юнговским пониманием души и "психикой" классической психологии или "сознанием" философии. Здесь он ничего особенного или метафизического под душой не понимает. Душа для него — это "интимная часть" плюс "осознаваемое содержание". Когда он захочет поговорить о метафизическом понимании души, он даст ему иное имя, скажем, Анима.

Осознаваемое содержание мы опускаем, поскольку оно к архетипам отношения не имеет. А в "интимную часть" входят "эмоционально окрашенные комплексы", то есть чувства, по-русски говоря. Итак, можно уверенно сказать, что под "душой" Юнг понимает все хоть как-то осознаваемое человеческое мышление, включая и его глубинную часть, то есть чувства.

При этом, продолжая делать "отщепы", отметим еще раз границы слоев: "коллективное бессознательное идентично у всех людей и образует тем самым всеобщее основание душевной жизни каждого, будучи по природе сверхличным".

В разобранных кусках наместились некоторые противоречия, очевидно, из-за того, что Юнг еще избегает на этом этапе исследования давать окончательные определения.

Бессознательное — это "способ мышления". Оно включает в себя "содержания и образы". "Коллективное бессознательное <...> образует <...> всеобщее основание душевной жизни". При этом душевная жизнь — это чувства плюс осознаваемое мышление, то есть, по сути, все мышление. Если это так, то коллективное бессознательное, то есть архетипы не могут быть ни мышлением, ни его способом, что, очевидно, и отражается Юнгом в выражении "всеобщее основание душевной жизни". Иными словами, архетипы есть основание мышления, но не мышление, еще не мышление. Тогда архетипы — это та часть сознания, из которой мышление рождается?

Если под этим понимать "древнейшие <...> типы, т.е. испокон веку наличные всеобщие образы", то мы снова попадаем или в ловушку, или в непонимание, которое рождает кучу вопросов. Изначальные типы чего? Наличные где? Всеобщие для кого? И что такое в данном случае образы? И что такое образ вообще?

Однако в самом начале своей статьи Юнг включает в понятие коллективного бессознательного всеобщие "содержания и образы поведения" в отличие от индивидуальных "содержаний и образов поведения", что означает, что, с точки зрения механики, "коллективное бессознательное" тождественно "личному бессознательному", хотя при этом принципиально отличается по содержанию или наполнению. Это, конечно, еще одно противоречие, потому что оно разрушает все последующие попытки Юнга обосновать "допсихичность" архетипов или отнести их к той части "психического содержания, которая еще не прошла какой-либо сознательной обработки и представляет собой еще только *непосредственную психическую данность*" [33. с. 99]. Именно этой "непосредственной психической данности" я и дал имя "допсихичность", потому что это всего лишь термин для обозначения "явления, которое я пока не понимаю, и потому ничего вразумительного о нем сказать не могу". Попробуйте сами попытаться объяснить, что такое "непосредственная психическая данность", и вы почувствуете, что в голове у вас пусто, и вам нужно напрягаться, чтобы хоть что-то придумать.

Вернемся, однако, к определению мышления (или способа мышления). Напомню, в самом начале своей статьи Юнг говорит об "архаико-мифологическом характере бессознательного способа мышления", который разделяется на два слоя — личностное бессознательное и коллективное бессознательное, которое "включает в себя <...> содержания и образы поведения". Вот в этом определении, наверное, и таится причина противоречий.

До тех пор, пока мы видим в исследуемом явлении только "содержания и образы", мы имеем полностью статичное явление — хранилище. И это противоречит тому, что перед нами способ мышления. Ощущение способа пропало из определения. Совершенно непонятно, как это все работает, хотя на самом деле путь к способу просто скрылся за выражением "образ поведения". Механика

именно здесь — образ поведения заставляет человека вести себя в соответствии с образами, хранящимися в хранилище. Но тут надо сразу ввести точное различие: хотя слова и похожи, но образы хранилища — это одно, а образ поведения, как и образ действия, — принципиально другое. Позже это отличие придется очень подробно описать.

У Юнга это вроде бы и есть, но этого и нет. Он всего лишь употребляет привычное для себя выражение, не вкладывая в него соответствующего содержания. И это видно уже по тому, что он как бы проходит мимо множества вопросов об образах и содержаниях.

Тем не менее, прежде чем мы перейдем к этой теме, стоит отметить, что, попав в противоречие при определении коллективного бессознательного и архетипа, Юнг, по сути, сделал еще один отщеп от тела неведомого. Он показывает, что кроме **осознаваемого** и **чувственного** уровней мышления, есть еще нечто, что тоже можно посчитать мышлением, которое можно обозначить "коллективным бессознательным способом мышления" или просто **способом мышления**, а также нечто, что "способом" не является, но содержит в себе "образы и содержания". Этакое **хранилище**.

Итак, чем может отличаться чувственный уровень мышления от следующего за ним, который мы назвали способом мышления? Очевидно, здесь мы имеем грань между разными способностями человеческого ума. Старик-офени делил человеческий ум на три части или три состояния: стихийное (Стих), Разум и Мышление. Разум рождается из Стиха, Мышление из Разума. Ум вообще является, по их мнению, способностью сознания течь по плотностям знания (из большей плотности стекать в меньшую), что и проявляется в Стихе в чистом виде, а Разум есть приспособление Ума к Земным, можно сказать, планетарным условиям. Задача его — обеспечить человеку выживание, и что бы ни встретилось на его пути, даже человек, он обращается с ним, как с физическим явлением и препятствием. С человеком, как явлением социальным, обращается Мышление. Как и все офени, которых даже звали на Владимирщине "картавыми", старики имели влечение к тайным языкам и игре словами. Возможно, это связано с пристрастием человека патриархального общества к магичности и поиску силы в слове. Вглядываясь в русские слова, они постоянно стремились проникнуть в скрытые в них смыслы и значения. Вот так и в слове "мыслить" они усмотрели два слова: слить мы. Что для них означало, стать едиными, слиться в общество. Иначе говоря, мышление было для них тем, что объединяет людей в общество, связывая смыслами — **с-мы-сл-иваниями**. При всей ненаучности, "народности" такой этимологии, само деление того, что мы сегодня привычно называем Мышлением, на эти две части, чрезвычайно актуально и, самое главное, на мой взгляд, не только соответствует действительности, но и дает возможность психологии выйти из тупика в части теории мышления.

Вопрос о тупике теоретической психологии и о назревшей необходимости расщепить узел явлений сознания, именуемый мышлением, отнюдь не является моим домыслом. Не вдаваясь в излишние доказательства, я просто воспользуюсь обобщающей работой, уже проделанной психологом В. Петуховым:

"На рубеже веков были открыты различные способы сознательной ориентации человека в окружающей его природной и социальной действительности, известные с тех пор под названием "видов мышления". В каждом из таких открытий автор стремился расширить бытовавшие представления о "чистом", логическом, "рассуждающем" мышлении или, во всяком случае, показать, что к лишь познавательной деятельности его новый "вид" отнести нельзя. Помимо "первобытного мышления" (Л. Ле-ви-Брюль), таковы, например, "эмоциональное", "волевое" (Г. Майер), "аутическое мышление" (Э. Блейлер), выделенные как его качественно особые типы: генетически ранние уровни развития сознания — "конкретная мыслительная установка" (К. Гольштейн), "комплексное мышление" (Л. С. Выготский); виды практической профессиональной "мыслительной" деятельности и т.д. Интересно, что известный нам по работе Б. М. Теплова "ум полководца" был описан Т. Рибо как один из видов воображения. Характерно, что различные определения этих видов, противопоставленных, подчас альтернативных развитому понятийному мышлению современного взрослого человека, располагались на одном из полюсов бинарных оппозиций (типа "конкретное — абстрактное", "аутическое — реалистическое" и др.). Так появилась возможность их сгруппировать. В современной психологии сознания возникла гипотеза о двух фундаментальных способах (modes) его функционирования (отчасти связанная с фактами межполушарной асимметрии): Поллио составлена сводная таблица устойчиво используемых в научной и житейской психологии различий видов мышления, включающая около тридцати соответствующих пар. В интересующей нас части этой

таблицы помещены, помимо уже названных, такие определения, как "нерефлексивное" (Гуссерль), "первичное" (Фрейд), "вне-первичное" (Юнг), "симультанное" (Лурия), "параллельное" (Найссер), "дивергентное" (Тейлор), а также "интуитивное", "метафорическое", "диффузное", "чувственное" и др." [51, с. 27].

Подробнее о том, как видели старики разницу между Разумом и Мышлением, мне придется рассказать в соответствующем месте. Пока хотел бы только добавить, что Разум обеспечивает выживание в мире, для чего познает его, создавая соответствующие инструменты. Мышление оказывается таким особым инструментом Разума для познания и выживания в той части мира, которая называется Обществом людей. Кстати, по-русски, и Общество тоже называлось Мир. Разница между Миром-природой и Миром-обществом в точки зрения Разума, как инструмента Ума, состоит в том, что Мир-природа непредсказуем. В нем все действует в соответствии с законами физики, обозначим это пока так. А вот Мир-общество живет по образцам, поскольку с человеком можно договориться. Это не значит, что в быту мы действительно можем полноценно полагаться на договоренности с людьми. Это значит, что с психологической точки зрения, у человеческого сознания, в отличие от явлений и вещей Мира-природы, есть нечто, что позволяет с ним договариваться и тем самым создавать образцы для последующих взаимоотношений. И это нечто есть память. Делая поправки на ее ненадежность, мы, тем не менее, всегда знаем, что человек поведет себя так, как от него ожидается, потому что по изначальному договору, закладываемому в раннем детстве, он должен соблюдать договоры, раз имеет такую физическую возможность. А если он не повел себя в соответствии с договором, мы имеем право его упрекать (!) за это, потому что он "должен был!" А вот природные явления мы упрекать не можем, потому что и не ожидаем от них никакой предсказуемости. С ними — это уже наша задача добиваться того, что мы хотим. И не думайте, что возможность угреть — мелочь. Она вполне сопоставима и вполне заменяет сам результат договоров! Соответственно, в ведение мышления передано Разумом все, что предсказуемо, поскольку связано с человеком как существом социальным и, значит, ведущим себя по образцам или договоренностям.

Все остальное, даже человек как явление физическое, остается в ведении чистого Разума, который можно называть до-мышлением или тем самым "всеобщим основанием душевной жизни". И если видение Разума стариками как способности Ума течь по плотностям знания, в частности, знания о земных условиях жизни, верно, то **архетипами** становятся сами эти земные (или космические) условия жизни, которые и предписывают уму определенные способы взаимодействия с ними — любое препятствие определяет способ преодоления себя. Совершенно неверным для земных условий было бы нырять в землю или летать под водой!

Это определение, естественно, неверно, потому что архетипы хранятся в нашем сознании и, значит, не могут быть самими земными условиями. Архетипами становятся образы этих земных условий в человеческом сознании. Но и это неточно. Наш Разум предельно экономичен, рачителен, как говорили старики. Его не интересуют просто земные условия. Его задача — обеспечить выживание на Земле. А это значит, что у него просто нет излишних возможностей, говоря современно, ресурсов для создания образов чего угодно, кроме необходимого, то есть образов того, что является угрозой или препятствием выживанию. Поэтому безопасные или бесполезные явления Мира Разум просто не воспринимает. Как бы исключает из видимого мира. Это не значит, что их не воспринимают и органы восприятия. Но большая часть того, что называется телепатией и экстрасенсорикой, есть всего лишь способность видеть и исключенные из восприятия части Мира.

Разум занят главным! И это главное — есть борьба за жизнь. Вот на этом поле и рождаются основные "испокон веку наличные всеобщие образы" или архетипы. И если, исходя из этого, приглядеться к человеческой культуре, то станет понятно, почему Юнг отнес к архетипам миф и сказку. Они-то как раз и посвящены этому главному.

Юнг вводит понятие "образов поведения". Это, безусловно, требует комментария с точки зрения Тропы, да и теории образа вообще.

Термин поведение в современной психологии, на мой взгляд, используется так же некорректно, как и мышление. Он тоже не имеет точного определения и является узлом понятий. Чтобы ни сделал человек, животное и даже солнечный зайчик, это может быть названо поведением. Но уже в следующий миг это оказывается отнесено, скажем, к теории деятельности. Старики, с их склонностью

к этимологизации, поиску скрытых в слове корней и значений, считали, что поведение есть внешнее, телесное выражение мышления. И только. К Разуму они относили действия. Попробуем их понять, а для этого вслушаемся в русский язык. Разумные действия! Но: весьма разумное поведение. Выражение "разумные действия" очень естественно и не имеет никаких дополнительных оттенков. Выражение "разумное поведение" для русского человека, хорошо чувствующего свой язык, несет оттенок оценки и одобрения. Просто попробуйте войти в образ того, кто говорит эти слова, и вы почувствуете, что "разумные действия" можно говорить просто в пространство, а вот: "Разумное поведение!" — желательно кому-то как одобрение. "Очень разумное поведение!" Это означает, что поведение может быть и неразумным. А вот "неразумные действия" язык пропускает с сопротивлением.

Опять же, если присмотреться к понятию "поведение", "вести себя", то мы сразу ощущаем потерю цельности человека в поведении. Если в разуме "я действую", то в поведении "я себя веду". "Я действую" так, как я считаю нужным. Это ощущается. И этого достаточно. А вот "я себя веду" явно недостаточное высказывание, потому что по законам языка требует чего-то дополнительно: веду где, веду как, веду по чему? Иными словами, когда "я себя веду", "я" как бы выходит из изначальной цельности, и начинает водить "себя", и водит оно себя по образцам.

Разум создает и хранит образы того мира, в котором должен выжить. Причем, хранит как два типа образов — те, что сохраняют знания об окружающем мире, и те, что сохраняют память о взаимодействиях с ним.

Образы окружающего мира могут считаться статичными, хотя в них что-то происходит. Но это что-то не имеет прямого отношения ко мне, по крайней мере, не предписывает мне каких-то определенных действий. Очень похоже, что именно подобные явления в психике человека и названы Юнгом "содержаниями". Подтверждением этого можно считать то, что он подчеркнул действенный характер второго типа образов, входящих в коллективное бессознательное, назвав их "образами поведения". Но в это название нам придется внести дополнительные уточнения, то есть расщепить его еще на два, по меньшей мере.

Образы создаются Разумом, как, своего рода, отпечатки, слепки с окружающей действительности и хранятся в памяти. При этом они используются для взаимодействия с миром по мере необходимости и самим разумом и его общественной частью — мышлением. При этом то, что относится к Разуму, относится и к мышлению, но не наоборот! Разум пользуется образами, мышление — образцами, то есть закрепленными в памяти цепочками образов. Характер взаимоотношений в обществе, где существует память, как способность сохранять договоренности, позволяет использовать подобные цепочки как наиболее экономичные способы достижения поставленных целей. Соответственно, Мышление берет и использует для этого образы Разума. Но Разум не может брать и использовать цепочки образов, оставаясь прежним, потому что именно это и делает его Мышлением. Попытка от образов перейти к цепочке, то есть к образцу, переключает Разум в состояние Мышления.

Естественно, в таком случае и поведение не может относиться к Разуму, потому что вести себя можно только по определенному пути, по цепочке predetermined шагов, образцу. Если его нет, то надо не вести себя, а действовать по обстоятельствам. Следовательно, поведение не может быть связано с образами, и выражение "образы поведения" является узлом, стягивающим несовместимые понятия.

В Тропе подобные слияния назывались "козами" и изображались косым крестом "X". Если приглядеться к такому кресту, то кажется, что он состоит из двух перекрещивающихся линий. Это значит, что мы бездумно считаем, что окончанием первой линии, начинающейся справа вверх, является нижняя левая линия — "/", и даже не допускаем возможности, что продолжение ее там же справа: "<". Иными словами, когда мы бездумно воспринимаем узнаваемые вещи, очень часто они незаметно для нас сливаются в нечто несовместимое, но не распознаваемое в своей несовместимости, потому что похоже на что-то третье, известное нам.

Подобная "коза" и присутствует, на мой взгляд, в этом Юнговском выражении "образы поведения". Здесь соединились два выражения: образы действия и образцы поведения. Конечно, такое обвинение некорректно, если исходить только из собственной психологической системы Юнга. Поскольку он не различает всех этих понятий, то и не может их перепутать. Это все вне его понятийного ряда. Но в таком случае становится правомерным вопрос: если взятое мною из этнографии психологическое наблюдение соответствует объективно существующим в мире явлениям, то, значит, в аналитической

психологии Юнга, эти явления не учитывающей, имеются явные "слепые зоны"? Однако не отказываясь же от всей аналитической психологии из-за отдельных неточностей. Поэтому я и предпочитаю рассматривать выражение "образы поведения" как "козу", тем более что у Юнга очень часто случается, что, находясь на переднем крае исследования, он еще не имеет имен для открытого им, но уже видит и описывает явления верно.

Итак, вернемся к образам. Образ действия должен содержать в себе две равнозначные составляющие: образ внешнего (окружающего) мира и его воздействия на тебя как помехи, препятствия твоему желанию, что означает, выживанию (назовем это **образом воздействующего мира**), и **образ твоего ответа**, то есть образ действия по преодолению воздействия или противодействия мира.

Итогом твоего действия и противодействия мира должна явиться равновесность. Она-то и определяет суть образов, которые мы храним в себе. Имя этой равновесности в отношении человека — выживание.

А это означает, что архетипы — это образы выживания в самых разнообразных и сложных земных условиях. Вот это-то и делает их всеобщими основаниями, составляющими глубинную часть "душевной жизни человека". Можно ли найти подтверждения того, что Юнг это так и понимает?

Юнг рассматривает в этой статье всего четыре архетипа. (Для того чтобы познакомиться с ними, нам придется выйти за рамки того отрезка статьи, который был взят за основу). Это — Тень, Анима, Старый Мудрец и архетип Трансформации. В самом общем смысле Тень — это подавленные составляющие личности, в первую очередь, желания. Это так объемно, что заслуживает отдельной работы.

Старый Мудрец — "архетип смысла" [33, с. 125]. И это для меня слишком большая тема, к тому же названная слишком обобщенно, поэтому пока я ограничусь тем, что обозначу оба эти архетипа как слои желаний и смыслов в нашем мышлении. Но это только значки, пометки на память.

В отношении архетипа трансформации, на мой взгляд, Юнг невнятен, но можно из его слов собрать следующее определение: трансформация — это "процесс", по ходу которого "архетипы выступают как действующие персонажи сновидений и фантазий" [33, с. 125]. Фантазии и сновидения здесь Юнгом решительно сближаются, объединяясь при этом только способностью иметь персонажами архетипы, что вносит существенную путаницу. Персонажи "фантазий", конечно, совсем не то же самое, что и персонажи сновидений, если понимать фантазии в бытовом смысле, то есть как воображение.

В итоге понимание архетипа становится неопределенным, хотя бы потому, что, говоря об "архетипе трансформации", Юнг подразумевает "типичные ситуации, места, средства, пути и т.д." [33, с. 125], внутри которых, как на сцене, выступают три предыдущих архетипа — Тень, Анима и Старый Мудрец, понимаемые как персонажи (персоналии). Можно сказать, что это есть некое проявление способа мышления. Тем не менее, природа названных им архетипов принципиально разнится, и возможно, что это просто сваленные в одну кучу (в еще одно псевдоединство) явления разного порядка. Очевидно, ощущая уязвимость своих построений, Юнг пытается оправдать эти слабости рассуждениями о многозначности архетипов трансформации и символов вообще: "Как и персоналии, архетипы трансформации являются подлинными символами. Их нельзя исчерпывающим образом свести ни к знакам, ни к аллегориям, они ровно настолько являются настоящими символами, насколько они многозначны, богаты предчувствиями и, в конечном счете, неисчерпаемы. <...> Суждение интеллекта направлено на однозначное установление смысла, но тогда оно проходит мимо самой их сущности: единственное, что мы, безусловно, можем установить относительно природы символов, это многозначность, почти необозримая полнота соотношенностей, недоступность однозначной формулировке" [33, с. 125—26].

Конечно, предназначение символов — быть орудием перевода с одного языка на другой, и в этом смысле они просто обязаны быть неоднозначными. Но это никак не оправдание "неисчерпаемости" символа. Неисчерпаемость как раз и повела бы к потере символичности, то есть способности через одно показывать (обозначать) другое. Тогда символ показывал бы не другое, а все. "Неисчерпаемость", на мой взгляд, понадобилась Юнгу, чтобы оправдать неспособность дать определение и обрисовать механику явления. В итоге мы и в отношении понятия "символичность" сталкиваемся с примером нерасчлененного псевдоединства.

Да, символ может иметь много значений, но это означает отнюдь не его неисчерпаемость. В каждом

конкретном случае применения, этот символ есть лишь мостик, связывающий два понятия, и только два! Эти понятия относятся к разным языкам, что в общественной психологии означает языки разных сообществ одного и того же народа или общества. Понятий может быть только два, но вот языков, где они существуют, столько, сколько сообществ использует данное понятие. В итоге многозначность символа оказывается не только ограниченной, ко и точно измеряемой, поскольку имеется "единица меры" символов — наименьшая символическая единица или единица значения. Имя ей — один образ. Как бы мы ни крутили это понятие, но символичность знака или явления в качестве знака заключается в способности вызывать смежные образы, что и называет сам Юнг, когда употребляет выражение "полнота соотнесений". Соотнесений чего с чем?

Независимо от того, прав Юнг в своем понимании символизма или ошибается, он явно нащупал еще один нерасчлененный пока слой "Души" или мышления, в котором происходит соотнесение нашего языка с парными понятиями всех возможных, то есть известных данному мышлению, языков Мира. Обозначим их как явления связанные со сновидениями и явления связанные с воображением и отложим подробное рассмотрение до подходящего случая. Пока нам достаточно видеть наличие таких слоев в своем мышлении и добавить к тем слоям, которые мы выделили раньше.

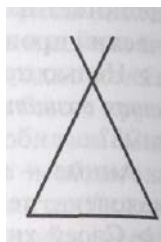
Вернемся к Юнговским архетипам, к Аниме или архетипу жизни. "Архетип трансформации" оказывается неким движением, по ходу которого личность вынуждена воплощаться то в один архетипический "персонаж", то в другой. Зачем? Вероятно, Юнг видел ответ на этот вопрос в следующем рассуждении: "Символический процесс является переживанием образа и через образы. <...> Целью процесса является, вообще говоря, *просветление или высшая сознательность* [33, с. 126]. Если это так, то что же такое Анима?

Анима — это Душа, которая "является жизненным началом в человеке, тем, что живет из самого себя и вызывает жизнь. <...> Своей хитроумной игрою душа приводит к жизни пассивное и совсем к ней не стремящееся вещество" [33, с. 116]. В общем, это и есть то, что заставляет человека выживать в земных условиях, то, ради чего и сражается Разум.

"Анима — это не душа догматов, не *anima rationalis*, т.е. философское понятие, но природный архетип", — говорит Юнг чуть далее, и этим он вводит еще одно деление, так называемой "Души" на слои, а также подтверждает ту мысль, что архетипы — это образы выживания. — "Только он способен удовлетворительным способом свести воедино все проявления бессознательного, примитивных духов, историю языка и религии. Анима — это "фактор" в подлинном смысле этого слова. С нею ничего нельзя поделать; она всегда есть а priori настроений, реакций, импульсов, всего того, что психически спонтанно" [33, с. 116].

Итак, переводя Юнга на язык Тропы, мы можем сказать — основой мышления является потребность сохранить жизнь. Поскольку эта потребность "базова", "основна", она является "маткой" для целой струи **мышления выживания**. Причем, это надо отметить особо, наличие такой струи в мышлении никак не отменяет самой потребности в выживании, которая естественно присуща любой форме жизни, даже искусственной.

По существовавшей в Тропе "Науке мышления" Дядька читал мне целый теоретический курс, а все остальные так или иначе упоминали ее. Рассказ о Науке мышления был бы слишком велик для такой статьи, но вкратце мне придется указывать на те или иные ее положения, тем более что и все предыдущее являлось, по сути, предметом Науки мышления.

Наука мышления считает, что составные части мышления имеют иерархическое устройство, что называлось "главы и хвосты". Любая поверхностная мысль, которую мы можем выхватить прямо сейчас, имеет свои корни, уходящие в глубинные слои мышления вплоть до так называемого бессознательного. Кстати, старики бессознательного не признавали, но у меня пока нет возможности

говорить об этом по-другому. Вот эта самая мысль от самой верхушки до глубинных корней составляет как бы единое тело, которое старики называли "Пчелкой" и рисовали треугольничком с двумя усиками сверху. Верх назывался головкой, главкой, а низ — хвостами или перьями. Сама пирамидальность такой фигуры указывает на ее внутреннюю иерархичность, которая, в свою очередь, диктует определенные особенности в работе и при использовании.

Поскольку мир очень сложен и многообразен, недопустимо расходовать ограниченные человеческие силы и возможности неэкономично, нерачительно, как говорилось. Иначе — смерть. Поэтому используются только самые приспособленные орудия, решающие задачу точнейшим и скорейшим способом. Следовательно, задача помнить все, в том числе и все о себе, перед нами не стоит просто потому, что от этого выживание не зависит. Первоочередной задачей является помнить, где в хранилищах памяти лежат необходимые орудия, и как их находить, а потом применять. Подчеркну: для выживания нужно владеть самыми оптимальными орудиями, способами их нахождения и способами их использования. Все. Остальное можно отдать в "само собой разумеющееся" или бессознательное, как старики понимали "само собой разумеющееся".

Обратите внимание, все только что описанное как бы не имеет отношения к самому человеку, потому что диктуется ему Миром, как образы преодоления противодействия Мира. А это означает, что и к Миру это все относится, мягко говоря, однобоко. В постоянно видимой или *осознанной части мышления* оказывается только **опасная часть мира**, а также **полезная**, поскольку она связана с опасностью смерти от голода, холода и т.п. *Исключенными из осознания* оказываются остальные части Мира, считающиеся **безопасно-бесполезными**, а также **сам человек, если он не болеет**.

Как это работает с точки зрения "механики" ума. Если передо мной встает задача "выжить", то мне вовсе не обязательно даже помнить, что это связано с выживанием. Более того, помнить это даже вредно. Если я хочу выжить, то все лишнее мне надо выкинуть из головы и иметь постоянно действующими следующие возможности:

1. способность узнать опасность для жизни;
2. способность быстро найти *в своей памяти* способ противодействия;
3. применить его.

В итоге, в работающей части ума, "в голове" присутствует узнавание-поиск-борьба, но нет ничего о выживании, память о котором хранится гораздо глубже, как говорилось, "в хвостах" просто потому, что это было продумано в самом начале. Продумывать вторично то, что определено и сомнения не вызывает, значит тратить силы и время зря, впустую. Поэтому в миг настоящей опасности вы не сможете вспомнить ничего о теории выживания. Но, войдя в теоретические рассуждения о выживании, вы оказываетесь очень незащищенным перед лицом настоящей опасности, потому что там, где лежат общие рассуждения и решения о необходимости выживать, еще нет образов действий в ответ на опасность. Они создадутся вашим Разумом только после принятия 1) решения выживать и 2) решения создавать образы действия в опасных положениях. Вот вкратце механизм бессознательности с точки зрения Тропы. Бессознательного нет, просто объем нашей "головы" слишком мал, что бы вмещать одновременно все, что мы помним, а механика мышления такова, что предпочитает использовать этот объем для насущных задач и противодействует "побочным воспоминаниям", поскольку обладает способностью определять первоочередность и насущность приходящего.

Если не брать в рассмотрение различные психические отклонения типа "одержимостей чужими духами", то все бессознательное — это самое ясное и само собой любому живому существу, любому человеку и любому "своему", то есть члену определенного сообщества, понятное. Это те изначальные договоренности, на основе которых и рождалось общество и само современное понятие "человек". Именно избыточная ясность и заставляет исключать подобные составляющие мышления из осознаваемого использования.

При этом надо еще учесть, что эта "ясность" многоэтажна, то есть уложена в многослойную иерархическую конструкцию типа пирамидальной лестницы, где все последующие слои, связи и ходы разворачиваются по принципу бинарных оппозиций или "вил", "вилок", как говорили в Тропе, из исходной точки, корня. Такие корни старики называли "матками струй мышления" или "облачными матками", но подробнее я пока говорить об этом не в состоянии, потому что это повлечет за собой очень большой разговор о теории обликов и управления.

Если исходить из такого подхода к устройству мышления и "бессознательного", принципиально важным становится описание слоев и путей разворачивания "мыслена древа" — структуры,

внутреннего устройства или архитектуры мышления. Думается, это основной вопрос всей психологии двадцатого века и причина ее застойного кризиса, о котором так много говорится.

Когда я поставил для себя главным вопросом психологии конца двадцатого века вопрос об устройстве мышления, я поразился тому, как много сделал Юнг уже в начале века. Ведь все эти слои и связи, которые я отмечал по ходу статьи, были им увидены и обозначены, хотя еще не для всех он нашел настоящие имена и оставил немало работы для систематизаторов. Но систематизировать проще, чем видеть и открывать.

Кроме того, пытаясь "психологически обосновать, что такое архетип", он обращается к мифу, который, по его мнению, является "выражением архетипов". Что такое миф? "Мифы — в первую очередь психические явления, выражающие глубинную суть души" [33, с. 99]. Вероятно, это было его открытием.

"Дикарь не склонен к объективному объяснению самых очевидных вещей. Напротив, он постоянно испытывает потребность или, лучше сказать, в его душе имеется непреодолимое стремление приспособливать весь внешний опыт к душевным событиям" [33, с. 99]. "Субъективность первобытного человека столь удивительна, что самым первым предположением должно было бы быть выведение мифов из его душевной жизни" [33, с. 100].

Может быть, эти формулировки даже в чем-то наивны — ну откуда, например, эта уверенность в удивительной субъективности первобытного человека и одновременно по-комсомольски задорная агитация за научную объективность? Эта "объективность" означает лишь способность смотреть на явления природы из условной точки, где нет "субъективности", то есть как бы отсутствует человек. Этот признак хорошего научного тона работал в рамках механистической науки прошлого, но уже вся вторая половина двадцатого века в точных исследованиях считает необходимым учитывать наблюдателя, то есть личность исследователя. Пустой бесчеловечный мир физических законов, кажется, исчерпал себя везде, кроме психологии — науки о человеке. Здесь Юнг — детище своей культурной среды и тем значимее то, что он умудряется из этого сделать.

Вот его рабочая гипотеза: "душа содержит в себе все те образы, из которых ведут свое происхождение мифы, <...> наше бессознательное является действующим и претерпевающим действия субъектом, драму которого первобытный человек по аналогии обнаруживал в больших и малых природных процессах" [33, с. 100].

От мифов Юнг перекидывает мостик к родоплеменным учениям, то есть магии: "Все тайные учения пытаются уловить невидимые душевные события, и все они претендуют на высший авторитет. Это в большей мере верно по отношению к господствующим мировым религиям. Они содержат изначально тайное сокровенное знание и выражают тайны души с помощью величественных образов. Их храмы и священные писания возвещают в образе и слове освященные древностью учения, сочетающие в себе одновременно религиозное чувство и мысль. <...> Почему психология является самой молодой опытной наукой? Почему бессознательное не было уже давно открыто, а его сокровища представляли только в виде этих вечных образов? Именно потому, что для всего душевного имеются религиозные формулы, причем намного более прекрасные и всеохватывающие, чем непосредственный опыт. <...> Тяга к вечным образам нормальна... <...> Благодаря тысячелетним усилиям человеческого духа эти образы уложены во всеохватывающую систему мироупорядочивающих мыслей" [33, с. 101].

Это вершинная мысль Юнга, прослеживающаяся во многих его трудах. Вот ее-то я бы и посчитал основой, от которой можно перейти к теории мышления. Не понимаю, однако, почему Юнг не называет эту "систему мироупорядочивающих мыслей" мировоззрением. Тем не менее, когда это подано как "система мыслей", мы произвольно разрушаем некий туманный флер вокруг понятия "мировоззрение" и понимаем, что оно лишь один из элементов, слоев мышления. Еще один слой.

Причем, этот слой мышления, с одной стороны, если следовать Юнгу, связан с очень глубокими уровнями "Души", с другой стороны, имеет сложную структуру, сложную или составную не только в том смысле, что образов много, а они при этом как-то "упорядочены", то есть имеют устройство, но и в том, что они "упорядочивают мир".

Как наши мысли могут его упорядочивать сами по себе? Только если это мир мыслей или соответствующий Миру-природе Образ мира.

Вот эта гигантская конструкция, имеющая слой "содержаний" и соответствующий им слой "образов поведения", что мы, обобщая, назвали "слоем способов", и есть та часть Души, из которой "ведут свое

происхождение мифы..." Или одна из таких частей.

Итак, в статье Юнга мы обнаруживаем возможность не просто заглянуть в свое сознание, которое при первом подходе представляются неким нерасчлененным псевдоединством, но и различить в них несколько принципиальных уровней, составляющих их устройство. Что, на мой взгляд, принципиально важно, так это соответствие этих уровней разделам троповой Науки мышления, что для меня означает возможность выстроить весь последующий рассказ о Тропе в соответствии с этим делением как своеобразным оглавлением учебного курса. Итак.

Во-первых, это Анима, жизненный порыв типа Бергсоновского *elan vital* или *elan orriginel* [52, с. 78] или животной души, Живы славянской этнографии и мифологии.

Во-вторых, это Тень или Струя желаний, в основном подавленных или сдержанных, которые есть, по сути, лишь выражение жизненного порыва, Анимы в человеке общественном. В Тропе она изучается и сама по себе и как основа целеустройства человеческой жизни.

В-третьих, это слой способов и содержаний, относящихся к механике ума, то есть Разум, память и архетип трансформации.

В-четвертых, Образ Мира-природы.

В-пятых, это Мышление, состоящее из множества слоев от глубинных, "бессознательных" до осознаваемых, составляющих тело Образа мира-общества, куда входят:

- чувства;
- смыслообразование;
- ценности, цели, нравственность и многое другое.

Все это одновременно имеет личные проявления у каждого и одновременно является всеобщим для всех людей, потому что это устройство человеческого сознания и ума. Очевидно, именно будучи чьим-то видением очищено от личностного, оно узнавалось как то, что Юнг называет архетипами или "всеобщим основанием душевной жизни каждого, будучи по природе сверхличным". Наиболее точно соответствующее архетипам, то есть механике ума, поведение людей запоминалось и жило далее Мифами.

Работа Юнга позволила мне назвать основные составные части Науки мышления Тропы. Однако каждая из этих частей требует самостоятельного и очень подробного рассказа, да к тому же еще и сама разбивается на множество составных частей. С чего же начать?

Конечно с конца, с Образа мира. В каком-то смысле — это самая знакомая нам часть из всей науки мышления. Не потому, что каждый из нас его имеет. Каждый из нас имеет и все остальное мышление. Нет, скорее потому, что Образ мира, говоря научно, рефлексивируется, то есть осмысливается нами гораздо чаще, чем все остальное. Он, как считается, существует в двух видах: в виде "наивной" картины мира и в виде его научной модели.

Проще всего передать это словами одного из ведущих наших лингвистов Ю. Д. Апресяна, высказанными им во втором томе его "Интегрального описания языка и системной лексикографии". Эти мысли родились в ходе поиска и реконструкции "присущего языку цельного, хотя и "наивного", донаучного взгляда на мир": "Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (= концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. <...> Он (взгляд на мир — ред.) "наивен" в том смысле, что во многих существенных деталях отличается от научной картины мира. При этом наивные представления отнюдь не примитивны. Во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. Таковы, например, наивные представления о внутреннем мире человека. Они отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир.

<...> В наивной картине мира можно выделить наивную геометрию, наивную физику пространства и времени (ср., например, вполне релятивистские, хотя и донаучные понятия пространства и времени говорящего и понятие наблюдателя <-.>), наивную этику, наивную психологию и т. п." [1, с. 350-351].

Пр процитирую психолога С. Ениколопова:

"Картина мира представляет собой систему образов (представлений о мире и о месте человека в нем), связей между ними и порождаемые ими жизненные позиции людей, их ценностные ориентации, принципы различных сфер деятельности. Она определяет своеобразие восприятия и интерпретации

любых событий и явлений. Субъектом картины мира может быть как отдельный человек, так и разнообразные социальные общности (этнические, религиозные, профессиональные).

Важно отметить, что в своей жизнедеятельности человек, как и социум, одновременно пользуется как научной, так и так называемой наивной (имплицитной) картиной мира. Если научная картина мира представляет собой свод утвердившихся в науке знаний о человеке, природе и обществе, то предметом "наивной" картины мира является подвижная система связанных между собой образов и представлений о мире и человеке, различных для разных субкультур и страт, определяющая их поведение. Естественно, что обе эти картины мира тесно взаимосвязаны, т.к. научная картина мира становится достоянием многих пытливых и любознательных членов общества и тем самым включается в наивную картину мира. Их различия проявляются в первую очередь в том, что наивная картина мира стремится к целостности, а научная — к полноте и точности знания. Так в научной картине мира могут быть лакуны, не изученные проблемы, а следствием стремления к полноте и точности является то, что целостность научной картины мира постоянно нарушается и она находится в динамическом процессе реструктурирования. В то же время, наивная картина мира должна быть целостна в каждый данный момент, иначе она не будет являться основой адаптации к среде" [53, С. 35-36].

Во всей теории наивной и научной картин мира меня не устраивает более всего то, что после знакомства с ней остается ощущение, будто у ученых — научная картина мира, а у всех остальных, "простых" людей — наивная. И ни в одной из работ, которые я читал) не говорится о том, что научная картина мира существует совсем не так, как наивная. Она, условно говоря, виртуальна и не имеет своих носителей, кроме книг, пожалуй, в то время как наивная живет в уме каждого человека, в том числе и ученого. С психологической точки зрения "наивная" картина или Образ мира настолько огромное явление, что все научные довески к нему просто можно не брать в расчет, что мы и видим на примере успехов всеобщего обязательного среднего образования. Образ мира входит всей своей гигантской массой в наше сознание в первые годы жизни, когда идет основное обучение и закладывается почти все, что мы знаем под именем "человек". Научная картина кое-как навязывается в школе. Проверьте себя, что из школьного объема знаний вы сохранили? А окружающие вас? Какой процент от общей массы ваших знаний об устройстве мира это составляет, на ваш взгляд? Прикиньте, сколько процентов из общей массы людей не взяло и школьного образования, но живет не хуже вас, потому что знают, как эта жизнь устроена. А какой процент добрался до высшего образования и до научной работы? А теперь вспомните кого-нибудь из известных вам ученых и попробуйте обрисовать его черты. И вдруг вы увидите, что в бытовом отношении он далеко не идеал и в лучшем случае — рассеян. Ученым полагается быть слегка рассеянными, что, с психологической точки зрения, может означать только то, что у него нелады с образом мира, со знаниями об его устройстве. Иначе говоря, по большей части человек сбегает в "научную картину мира", потому что совершенно не приспособлен к миру настоящему, не владеет даже более или менее качественной его "наивной" картиной. Мне кажется, это довольно прозрачно в приведенной выше цитате.

Итак, научная картина мира — явление искусственное, своего рода праздность ума, никак не сопоставимое с жизненно-необходимым Образом мира — основой "архитектуры того гигантского компьютера, которым является наш ум". При этом, правда, без научной картины мира, а точнее, без той части ума, которая занята поиском и исследованием окружающего, для чего во все времена создает что-то типа научной картины мира в добавление к наивной, мы бы давно вымерли. Такой "научной" картиной мира в донаучные времена была Мифология, а наукой — Магия.

Если я хочу сделать понятным человеку нашего Мира совершенно новый материал, каковым, на мой взгляд, является мировоззрение Верхневолжских офеней и, в частности, Тропа, я вынужден найти что-то более или менее знакомое всем, что явилось бы мостиком между этими двумя Мирами. Их "научная", то есть магическая картина мира отличается от картины мира современной науки очень сильно. Бытовой же образ мира гораздо ближе и понятнее, хотя бы потому, что мифологическая, сказочная и языковая его основа сохранилась та же самая. Только у них она была гораздо богаче.

Вот с этого, с Русской мифологии и мифологии Тропы, я бы и хотел начать следующий рассказ о Науке мышления.

ХРАМ РАЗУМА

Мы ставим перед собой потрясающе заманчивую и не менее сложную задачу — создать Храм Разума, о котором мечтали учившие нас русские старики.

Такого еще не бывало, хотя Древняя магия мечтала об этом, мечтали учителя прошлого, типа Пифагора или Аполлония Тианского, да и наука заявляет о чем-то подобном. Однако наука всего лишь пытается применять Разум для раскрытия тайн природы, но очень мало занята самим Разумом, и у нас, в России, и за рубежом.

Собственно говоря, какой раздел науки, какая ее ветвь посвящена Разуму? Психология? Да, должна бы быть психология, но тут я со всей уверенностью могу сказать, что психология очень мало занималась собственно Разумом. Безусловно, многие психологи исследовали разум, но в рамках определенных научных установок, а не как таковой. Как это ни странно, но разум — побочное дитя психологии, так и не развившееся в самостоятельное научное направление. До сих пор не сформирован даже полноценный научный аппарат исследования Разума. Сегодня психология даже не различает Разум и Мышление.

Может быть, философия в своей любви к мудрости занимается Разумом? Нет, это совсем не ее материя, за исключением разве что логики. Но логика не совсем уверенно признается частью философии, да к тому же в силу политических причин была не популярна в нашей стране последнее столетие.

Впрочем, есть ощущение, что это уже в прошлом, и начинается мощный подъем творческой мысли, по крайней мере, в России. Восстанавливаются разорванные еще революцией связи времен, все больше публикуется и старых забытых и новых неординарных работ, дающих надежду, по крайней мере, на то, что скоро в России будет создана общественно-исследовательская среда, в которой будет возможен и даже естественен и наш поиск пути в Храм Разума. Это очень трудная задача, гораздо более трудная, чем задачи науки или религии.

Науке достаточно, чтобы человек освоил (то есть запомнил) ее инструментарий и применял в соответствии с предписанными образцами. Сам человек ее, в каком-то смысле, не интересует, даже если это "наука о человеке". Не интересует, по крайней мере, в тех частях, которые более всего занимают самого человека. Такие "части" наука предпочитает не замечать или отдавать религии и искусству. Никаких действительных требований к званию Ученого, кроме владения инструментарием, не предъявляется. В этом демократичность науки — любой, способный соответствовать этим минимальным требованиям, может стать ученым. Это привлекает людей к науке, но это же и пугает, — вспомните многочисленные кино- и литературные фантазии на тему "сумасшедшего ученого", стремящегося поработить мир. Кстати, этот образ не случаен, если мы посмотрим на это с точки зрения задач, изначально ставящихся наукой перед своими творцами. Главная из них — познавать и покорять мир.

Религия тоже демократична. Твоя задача, приходя в нее, просто отдалиться, далее за тебя будут думать авторитеты — живые или ушедшие. В этом она сходна с партийными системами. Я помню, как пришел в одну из первых общин кришнаитов в Москве, когда они только еще начали продавать свои книги. Я попался на то, что они издали Бхагавад-Гиту, которую тогда еще было не достать. Беседа с руководителем общины сразу пошла, словно встретились родные. Ему было, очевидно, приятно, что я так захвачен идеями основной книги кришнаизма. В какой-то момент он даже предложил мне стать одним из их проповедников. Кто его знает, может быть, я бы и согласился, так мне все казалось родственно, и так хорошо шел разговор о ведических корнях кришнаизма и русской народной культуры. Но что-то заставило спросить: "А остальную Махабхарату и Веды вы тоже издавать будете?" "Конечно! — уверенно воскликнул мой собеседник, потом задумался, поджал губы. — А зачем? Есть же Свами Прабхупада, он все сказал. Читай его, зачем тебе Веды?!" Тогда я понял, что кришнаиты издали не "Бхагавад-Гиту", а "Бхагавад-Гиту как она есть" у Прабхупады.

Самое страшное в партийных и религиозных системах любого масштаба, но особенно мелкого, называемого сектами, это тенденция к фанатизму. Если мы приглядимся, то увидим, что она естественна, потому что вытекает из основного принципа партийных и религиозных взаимоотношений — подчинения личности другому вплоть до полного отказа от себя и собственного мнения. В партиях — это подчинение меньшинства большинству. Большинство всегда право, даже если оно не право. В религии — это отказ от себя ради освобождения от страха перед будущим, причем, воображаемым будущим. Но и там и тут это ведет к запрету думать иначе, чем предписывают основные авторитеты, ведущие тебя. Запрет на инакомыслие на психологическом уровне приводит к

начетничеству, то есть из страха перед своими мыслями (уязвимыми мыслями) ты в какой-то миг переключаешься на использование чужих мыслей, создаешь сеть четких, неуязвимых в каком-то смысле ответов на все вопросы, которые может задать тебе жизнь.

Кто не слышал фразы: "Читайте эту книгу, в ней все есть!". Это "все" и есть ответы — готовые ответы(!), которые можно просто запомнить или заучить — на все возникающие у адепта вопросы. Ну, а дальше работает механизм, описанный в русских бытовых сказках, суфийских притчах, анекдотах: если вляпался в яму — сделай все, чтобы в неё вляпалось как можно больше людей — и не так обидно, и в дураках не один! Это не просто демократично, это можно было бы считать гениальным, если бы только у такого механизма управления толпами был изобретатель. К сожалению, таково устройство человеческого Мышления.

В этом смысле наш путь очень и очень недемократичен. Рождаясь, раскрывая собственный разум и душу, умирая, ты не можешь идти ни толпой, ни в паре. Это твой и только твой путь к себе, и это ежесекундная работа над собой, которую при всей помощи товарищей ты должен проделать сам и только сам. Это очень заманчивая работа — вернуть свой Разум из той колоссальной сети, из того гигантского путаного клубка, что называется Мышлением или образцами поведения.

Образцы — это то, как общество предписывает нам действовать, чтобы мы его не разрушили. Разрушить его и действительно было бы глупо, да, пожалуй, и невозможно. Разрушь одно, и тут же возникнет новое, и, скорее всего, не лучше предыдущего. Так что вопрос о разрушении не стоит перед нами, как никогда не стоял перед стариками. Будучи еще в самом начале своего ученичества, я задавал им множество вопросов, в том числе и политических, поскольку они определяют судьбу России. И однажды я спросил Степаныча, как Тропа относилась к правительству.

— Никак,— ответил он.— Когда войны были, наши все мужики воевали. А так никак.

— Совсем?

— Совсем! Ты что-нибудь можешь изменить в правительстве?

— Нет, но...

— Вот и не суйся, пока правителем не станешь. Если ты хозяин, тогда меняй! Ты можешь лезть только в то, чему ты хозяин! Все остальное — треп, чтобы не заниматься делом! У нас такие погоды и правительства стоят!

Не навреди, не сделай хуже, изыскивай возможности улучшать лично твою жизнь и увеличивать лично твое богатство. Богатая нация отнюдь не та, у которой большой золотой запас в казне — была казна в России и нет ее, — а та, где богаты люди. Вычерпать карманы сложнее, чем украсть казну. Пожалуй, можно назвать эту позицию оппортунистической, что верно для всей крестьянской идеологии. Никаких революций, только медленное и спокойное накопление улучшений, закрепляемых обычаями, традицией.

Впрочем, политика, государство — это довольно далекие от Тропы темы, а вот то, что русские люди не хотят больше думать, — с этим мы сталкиваемся очень часто. У нас даже есть такое выражение: "мышление от не думал". Оно родилось из расхожих, привычных слов, которыми мы сейчас оправдываем свою глупость. Например, кого-то обвиняют во вредительстве, а он в ответ:

— Да что вы право! Я и не думал, что так плохо получится! Или высказывают обиду, а в ответ:

— Перестань, я и не думал тебя обижать!

Все это так привычно, что кажется вполне приемлемым, даже естественным ответом, но только пока мы не вдумываемся в него. А вдумываться и вообще думать большинству из нас просто запрещено. И запрещено отнюдь не только и не столько обществом в политическом смысле. Гораздо больше запрещено воспитанием дома и в школе. Кому запрещено, а кого не научили думать. Вспоминается слова Рэдрика Шухарта из романа "Пикник на обочине" Стругацких, в конце которого он стоит перед шаром, исполняющим желания, и почему свет материт весь мир за то, что его не научили думать. Позволю себе привести их почти целиком:

"Все равно ведь подумать надо. Дело непривычное — думать, вот в чем беда. Что такое "думать"? Думать — это значит извернуться, сфинтить, сблефовать, обвести вокруг пальца, но ведь здесь все это не годится... <...>

Господи, да где же слова-то, мысли мои где? Он с размаху ударил себя полураскрытым кулаком по лицу. Ведь за всю жизнь ни одной мысли у меня не было! <...>

Подлость, подлость... И здесь они меня обвели, без языка оставили, гады... Шпана. Как был шпаной, так шпаной и состарился... Вот этого не должно быть! Ты слышишь? Чтобы на будущее это раз и

навсегда было запрещено! Человек рожден, чтобы мыслить!"

И это не единичный случай и не случайность вообще. Научить человека думать так сложно, что общество предпочитает просто "программировать" своих членов на "правильное", то есть безопасное для себя, поведение. Любое общество на нашей исторической памяти. Вспомнить хоть Диогена, ищущего Человека среди членов общества.

Диоген не член общества и он очень недемократичен. Он не может повести за собой толпу, он не может на основании каких-то формальных признаков впустить другого в свой мир, он даже не может позволить просто подражать себе, чтобы не создать новый образец поведения — он прогоняет Александра, когда тот говорит, что хотел бы провести остаток жизни, как Диоген.

"Отойди и не загораживай мне солнца!" Отойди и не загораживай мне света! Можно было бы сказать и так, потому что любой образец, который пытается претворить в жизнь подражатель, как тень, загораживает свет Разума.

Даже если на Тропе будет много людей и они будут ощущать себя единым народом, Разум никогда не позволит нам превратиться ни в толпу, ни в секту, ни в партию. А это значит, что биологические законы, позволяющие приводить в движение большие массы людей, к Тропе не применимы. Нас никогда не будет слишком много, и все пришедшие к нам, — "товар штучный", читай — особо ценный.

Само ученичество, назовем его ростом и вызревaniem, очень болезненная вещь. А ученичество будет длиться всю жизнь, даже когда мы превратимся в хороших исследователей. Это суть психологического метода Тропы. Ученик, снимающий с себя защитные оболочки Мышления, но еще не создавший инструменты Разума, чрезвычайно уязвим. Его надо оберегать, поэтому старики были очень заботливы. И нам на Тропе придется быть очень бережными, хотя и беспощадными друг к другу. Если мы не сбережем себя, не сбережем и Тропу, и Россию. Россия — это не шестая часть земли, это люди на ней живущие. Русские люди, если мы говорим о России. Жили здесь до нас и другие. Жизнь постарается смыть с лица земли этот наш с вами песчаный замок, как делала она неоднократно раньше. И тогда вы — как делалось это неоднократно раньше — восстановите его снова и снова. Но для этого вы должны почувствовать вкус Разума, хотя бы затем, чтобы было воспоминание, к которому стремиться. Это свойственно только родовитым людям — помнить свою историю, свою прародину и самого себя, даже стирая собственную память во время очищения сознания.

В этом смысле Тропа совсем не демократична, она скорее аристократична по внутреннему самоощущению. Но и это неверно, если задуматься о Мечте, правящей твоей жизнью, и о дороге, которая туда ведет. Мы так разобщены по своим желаниям и мечтам, что просто не можем быть вместе иначе как оболваненной, беснующейся и крушащей толпой. В покое мы предпочитаем забиваться в свои личные норки, в свои убежища. Человека, не работающего над собой, не очищающего своего сознания старики называли сумасшедшим покойником. Он либо крушит все вокруг в яростной ненависти, либо ищет покоя, то есть хочет упокоиться еще при жизни. Только пребывая в Разуме, мы можем сделать жизнь полноценной и определиться со своими, с собственными желаниями, а не с теми, что внесены в нас извне.

Это начальный этап чистки или психологической работы над самим собой — создать из себя, условно говоря, инструмент психологического исследования. На мой взгляд, в принципе не допустимо вести психологическое исследование, пока ты не владеешь собой, своими органами восприятия, мышлением и Разумом. Пока ты, по сути, не в себе, то есть "ушедший с ума" в каком-то смысле. А ведь наука делается в основном как раз людьми, ощущающими охоту ее делать, значит, ощущающими, что им именно этого и не достает. Психология как наука делалась подвигами именно тех и только тех, кто осознал себя ушедшим с ума и хотел вернуть собственную цельность. Остальные только паразитировали на их открытиях.

Второй этап — попытаться понять, что же является твоей настоящей мечтой и создать образ ее достижения. Он возможен только после того, как ты освободишься от всех детских нереализованных желаний, которые считаешь своими мечтами. Скажем, наестся мороженого, не ходить в школу, купить платье, как у Таньки из старшей группы, отомстить всем, кто тебя недооценил и так далее, и тому подобное...

А как только ты поймешь, что твоя настоящая и давно задавленная как недостижимая Мечта очень и очень велика, ты поймешь и то, что для ее достижения тебе нужны соратники, знания, возможности и

место, где этим заниматься, пока не наберешь силы, чтобы сделать последние шаги в одиночестве. Вот это и есть Тропа для тех, кому она подходит. Да, последние три шага за свой предел ты сделаешь один. Даже если рядом с тобой будет дружина, эти шаги ты все-таки сделаешь один. Это твой подвиг. Но до предела еще нужно добраться, дойти.

Говорят, что раньше, в век золотой, это было просто... Но мы живем в том мире, в котором живем!

Ты удаленькой дородний добрый молодец,
 Ай ты славныя богатырь святоруський!
 Прямоезжая дорожка заколодела,
 Заколодела дорожка, замуравела,
 А и по той ли по дорожке прямоезжою
 Да и пехотою никто да не прохаживал,
 На добром коне да не проезживал:
 Как у той ли-то у грязи-то у Черной,
 Да у той ли у березы у поклапыя,
 Да у той ли речки у Смородины.
 У того креста у Леванидова,
 Сиди Соловей разбойник во сыром дубу,
 Сиди Соловей разбойник
 Одихмантьев сын,
 А то свищет Соловей да по соловьему,
 Ён крычит злодей разбойник по звериному
 И от него ли-то от посвисту соловьяго,
 И от него ли-то от покрыку зверинаго,
 То все травушки муравы уплетаются,
 Все лазуревы цветочки отсыпаются,
 Темны лесушки к земли вси приклоняются,
 А что есть людей, то вси мертвы лежат.
 Прямоезжею дороженькой пятьсот есть верст,
 А и окольной дорожкой цела тысяща.

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. — Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М.: Школа "Языки русской культуры", 1995.
2. *Зеленин Д. К.* Великорусские народные присловья как материал для этнографии // Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901-1913. - М.: Индрик, 1994.
3. Слово о полку Игореве: Древнерусский текст и переводы / Сост., вступ. статья, подготовка древнерусского текста и коммент. В. И. Стеллецкого. — М.: Сов. Россия, 1981.
4. *Грачев М. А.* Язык из мрака: блатная музыка и феня. Словарь. — Нижний Новгород; Издательство "Флокс", 1992. — С. 9.
5. *Налепин А. Л.* Н. Е. Ончуков и русская школа фольклорных экспедиций // Русский фольклор. Т. XXVIII. Эпические традиции. Материалы и исследования. — СПб.: Наука 1995. — С. 82.
6. Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В. Н. Тенишева / Авторы составители: Б. М. Фирсов, И. Г. Киселева. — СПб.: Издательство Европейского дома, 1993. - С. 115.
7. Повесть временных лет. — СПб.: Наука, 1996. — С. 8.
8. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Материалы собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. — Т. I. — Вып. 1. — СПб.: Издание императорской академии наук, 1898.
9. Голубиная книга: русские народные духовные стихи XI-XIX вв. / Сост., вступ. статья, примеч. Л. Ф. Солощенко, Ю.С. Прокошина. — М.: Моск. рабочий, 1991. — С. 19.
10. *Федотов Г.* Стихи духовные. (Русская народная вера по духовным стихам). — М.: Прогресс, Гнозис, 1991. — С. 125.
11. *Клибанов А. И.* Народная социальная утопия в России: Период феодализма. — М.: 1977. — С. 10-11. — Цит. по №4.
12. Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. I. Младенчество; Детство/Сост. В.

Аникин. — М.: Худож. лит., 1991.

13. *Цивьян Т. В.* Отгадка в загадке: разгадка загадки? // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. 1. - М.: Индрик. 1994. - С. 187.

14. *Догоиновский К. Д.* О быте казаков Восточного Забайкалья // Живая сирина. - СПб.: 1902. - Вып. II. - С. 190.

15. Собрание разных песен М. Д. Чулкова. Части I, II и III с прибавлением. — СПб.: 1913.

16. *Маковский М. М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. — С. 15.

17. Мифы народов мира. Энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия. 1991.

18. *Зубов Н. И.* Научные фантомы славянского Олимпа // Живая старина. — 1995. — № 3. — С. 46.

19. *Мазалова Н. Е.* Физические особенности человека в представлениях русских // Независимый журнал Кунсткамера. Этнографические тетради. — Совместное издание Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии Наук и Центра "Петербургское Востоковедение". — СПб.: 1994. - Вып. 5-6. -С. 150.

20. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. — М.: Русский язык. 1991.

21. *Топоров В. Н.* К реконструкции мифа о мировом яйце // Труды по знаковым системам. III. Ученые записки Тартуского гос. университета. — Тарту: 1967. — С. 86.

22. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. — М.: Прогресс, 1987.

23. *Евсюков В. В.* Мифы о вселенной. — Новосибирск: Наука, 1988.-С. 18.

24. *Даль В. И.* О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. — СПб.: Издательство Литера, 1994. — С. 74.

25. *Шептинг Д. Ш.* Русская народность в ее поверьях, обрядах и сказках. — М.: 1862. — С. 114.

26. *Надеждин И. И.* Об этнографическом изучении народности русской // Этнографическое обозрение. — 1994. — № 1.

27. *Кавелин К. Д.* Задачи психологии. Соображения о методах и программе психологических исследований. — СПб.: 1872. — С. 33.

28. *Сеченов И. М.* Собрание сочинений. Том II. Статьи психологические и популярные очерки. — М.: МГУ, 1908. — С. 3.

29. *Ярошевский М. Г.* Наука о поведении: русский путь. — М.: Издательство "Институт практической психологии", Воронеж: НПО "МОДЭК", 1996.

30. *Будизгова Е. А.* Социально-психологические проблемы в русской науке. — М.: Наука. 1983. — Гл. 4. Этническая психология.

31. *Шпет Г. Г.* Сочинения. — М.: Правда, 1989.

32. *Коул М.* Культурно-историческая психология: наука будущего. — М.: "Когито-Центр", Издательство "Институт психологии РАН", 1997.

33. *Юнг К. Г.* Об архетипах коллективного бессознательного // Архетип и символ / Сост. и вступ. ст. А. М. Руткевича. — М.: Ренессанс, 1991.

34. Введение в этническую психологию. Учебное пособие / Под ред. д-ра псих. наук Ю. П. Платонова. - СПб.: СПбГУ. 1995. - С. 50.

35. Психология. Словарь. — М.: Политиздат, 1990.

36. Философский энциклопедический словарь.—М.: ИНФРА-М, 1997.

37. *Зелинский Ф.* "Вильгельм Вундт и психология языка" // Вопросы философии и психологии. — № 62 (II). — М.: 1902. — С. 635-667.

38. *Ревзин И.И.* Воспоминания // Из работ московского семиотического круга. — М.: "Языки русской культуры", 1997. — С. 807.

39. *Элиаде М.* Аспекты мифа / Пер. с фр. В. Большакова. — М.: "Инвест-ППП", 1995. - С. 17.

40. *Петренко В. Ф.* Личность человека — основа его картины мира // Модели мира / Российская Ассоциация искусственного интеллекта. - М.: 1997. - С. 11-12.

41. *Белецкая Н.Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. — М.: Наука, 1978.

42. *Еремьина В. И.* Ритуал и фольклор. — СПб.: Наука, 1991.

43. Великорусские заклинания. Сборник Л. Н. Майкова. Издательство Европейского Дома. — СПб.: 1994. — С. 142.

44. *Позвннский Н.* Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. — М.: "Индрик", 1995.

45. Полный русский песенник. Более 600 песен русских и цыганских. — М.: Типография т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул, с.д., 1905.

46. *Гаген-Торн Н.И.* Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы // Советская этнография. -1933.-М 5-6.-С. 77.

47. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. - М.: Педагогика-пресс, 1994. — С. 382.

48. Песни Свердловской области. Сборник/ Сост. Калужникова Т. И., Казанцева М. Г., Теплов В. И. — Свердловск: 1988. — Песня записана в селе Малобрусанское Белоярского района Екатеринбургской области в

1977 г. от Елькиной Е. С., Соколовой Т. Е., Елькиной П. С., Катугиной А. И., Черняковой А. М.

49. Илья Муромец и Соловей Разбойник. Исполнитель А. Дьяков // Гильфердинг А. Ф. Онежские былины. — СПб.: 1873. — С. 621.

50. М. Элиаде. Мифы, сновидения, мистерии. — "Рефл-бук" "Вак-лекр", 1996. - С. 62.

51. Петухов В. В. Воображение и познание // Модели мира. — М.: Российская Ассоциация искусственного интеллекта, 1997. — С. 27.

52. Бергсон А. Творческая эволюция. — СПб.: Русская мысль, 1914. - С. 78.

53. Ениколопов С.И.- Три образующие картины мира. // Модели мира. — М.: Российская ассоциация искусственного интеллекта, 1997. - С. 35-36.

Серия «Мир Тропы»

Сначала несколько слов о самом названии серии, перекликающемся с именем и издательства.

Тропа - название условное и выбранное исключительно по красоте звучания, но за ним есть история, идущая, по крайней мере, из пятидесятих годов прошлого века. Придумано оно было Владимиром Харламповичем Комаровым (1883-1955) как наименование определенного подхода к жизни в ключе нового славянофильства или русофильства. Тропой Трояновой, как она упоминается в Слове о полку Игореве, он считал путь Руси «чрез поля на горы». Полями он считал земной путь восточных славян от Дуная до Аляски, а под горами подразумевал «горные миры».

В.Х. Комаров жил в деревне Фефелово Савинского района Ивановской области. Когда-то это был Шуйский уезд Владимирской губернии. До революции он работал здесь уездным писарем, после революции счетоводом. Для тех мест, со своим гимназическим образованием, он считался человеком грамотным и образованным. Книжником. Охотно общался с множеством людей - все люди более или менее стоящие в уезде, проезжая мимо, останавливались у Харлампыча попить чаю и поговорить о политике, о России.

Кроме того, он ходил по окрестностям, в частности по местам, где жили офени, и говорил с ними «за старину». Очевидно, в ходе этих своих разысканий он налетел на упоминания о том, что когда-то в Петровские времена в этих местах - Шуйском и Ковровском уезде - среди офеней осела артель скоморохов. Возможно, воспоминания о них сохранились под таким самоназванием офеней как Мазыки или Масыги. В 1955 году В.Х. Комаров, предчувствуя смерть, записал свои мысли о пути Руси, совместив их с разысканиями по офенской и скоморошьей культуре.

В 1985 году его внук, Александр Александрович Шевцов, историк по образованию, занимаясь этнографическими сборами ремесел, решил пройти по следам своего деда по Савинскому и Ковровскому районам. И действительно обнаружил людей, которые помнили деда и называли себя Мазыками. Никаких следов мифологии Тропы Трояновой или языческой глубины их исторической памяти обнаружить не удалось. Да и большого соответствия с тем, что сочинил о мазыках В.Х. Комаров, не было. Но была живая и глубокая крестьянская жизнь, за которой действительно можно было рассмотреть остатки каких-то необычных знаний.

Вероятно, этих стариков, кого еще удалось застать, можно было считать знахарями, хотя не исключено, что некоторые из них считались в народе колдунами. Однако то, что захватило целиком А. Шевцова, было разработанной и глубокой Наукой самопознания...

Это было настолько неожиданно и даже невозможно, что потребовалось несколько лет для того, чтобы убедиться, что это не самообман. Дело в том, что о самопознании говорилось постоянно, но как бы не прямо, а на примере совсем других вещей. Например, искусства повивания - родовспоможения, или боевого искусства - боя на Любки, или Науки управления. Многие названия условны, потому что подавалось это чаще всего как обычный здравый смысл или та самая мудрость, за которой, предположительно, мы все должны ходить к своим старикам.

В 1991 году ушел из жизни последний из мазыков.

В том же году А. Шевцов, очарованный красотой народной жизни, решил вынести собранные им материалы на суд общественности. Опубликовать их в виде этнографических сборов не было возможности. В первую очередь, потому что вести сборы в соответствии с научными требованиями мазыки ему просто не позволили. Они очень не любили и не хотели, чтобы о них знали. Оставалось лишь делиться своими воспоминаниями.

И вот, начиная с 1991 года, А. Шевцов, вместе со своими единомышленниками, ведет исследования по Хитрой науке самопознания. К сегодняшнему дню они вылились в создание Академии самопознания.